

Институт истории им. Ш.Марджани
Академии наук Республики Татарстан

Серия «ИСТОРИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

Р.Р. Салихов

**Служилая Ура:
рождение татарского
капитализма**

Казань – 2015

УДК 94(470.41)"18/19"

ББК 63.3(28-8 Каз)

С 16

Серия «ИСТОРИЯ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН»

Научный редактор

академик АН РТ, доктор исторических наук

Р.С. Хакимов

Рецензенты:

доктор исторических наук

Л.Р. Габдрафикова

кандидат филологических наук

А.М. Гайнутдинов

Салихов Р.Р. Служилая Ура: рождение татарского капитализма. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. – 280 с. + 8 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-203-7

Историко-генеалогическое исследование посвящено социальным процессам, происходившим в татарской промышленной деревне Служилая Ура Царевококшайского уезда Казанской губернии в период формирования и развития капиталистических отношений.

Эта деревня сыграла выдающуюся роль в становлении национального мануфактурного производства, укреплении и распространении мусульманского образования, масштабной благотворительности.

Книга предназначена для широкого круга читателей, интересующихся историей татарской деревни.

На обложке: шамайль «Второй ковчег Нуха (Ноя)» работы М.Х.Хозяеитова.

ISBN 978-5-94981-203-7

УДК 94(470.41)"18/19"

ББК 63.3(28-8 Каз)

© Салихов Р.Р., 2015

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015

Содержание

Вместо вступления	5
Глава I. Цитадель Арских князей в Заказанье	7
<i>От Эрзурума до Уры</i>	<i>7</i>
<i>Аул феодалов и «потомков» великих сахабов</i>	<i>15</i>
Глава II. Татарский капитализм: буржуазное рацио против «Священной Уры»	20
<i>Феномен промышленной деревни</i>	<i>20</i>
<i>Мечеть – личная собственность князя-капиталиста</i>	<i>28</i>
Глава III. Токумы Служилой Уры	33
<i>Утрата родового единства</i>	<i>33</i>
<i>В войне все средства хороши</i>	<i>36</i>
<i>«Библейский» потоп или наказание за грехи</i>	<i>41</i>
<i>Восстание родичей</i>	<i>46</i>
Глава IV. Мироздание аула: амбиции и свобода	51
<i>Кровные узы</i>	<i>51</i>
<i>Культ труда и жажда успеха</i>	<i>55</i>
<i>Вне конкуренции – дети</i>	<i>59</i>
<i>Без комплекса господина: открытость и равенство</i>	<i>61</i>
Глава V. Последний князь Служилой Уры	67
<i>Наследник грозного Назира</i>	<i>67</i>
<i>Ограбление домашнего «банка»</i>	<i>69</i>
<i>Крепость Мукмина</i>	<i>73</i>
<i>Семейный очаг</i>	<i>76</i>
<i>В трудах и заботах</i>	<i>79</i>
Глава VI. Триумф и закат династии	85
<i>Радетели веры</i>	<i>85</i>
<i>Миссионерский детектив</i>	<i>90</i>
<i>Неравная партия</i>	<i>97</i>
<i>Преемник</i>	<i>99</i>
<i>Достойный зять Служилой Уры</i>	<i>102</i>
<i>Конец славной истории</i>	<i>107</i>
<i>Ростки возрождения</i>	<i>112</i>

Глава VII. Бессмертный дух Кара бека	119
<i>Тяжелый исход</i>	119
<i>На полях великих сражений</i>	123
Послесловие	131
Библиография	132
Приложения	135
<i>Приложение I. Гильдейские купцы</i> деревни Служилая Ура	135
<i>Приложение II. Реконструкция родословных основных</i> токымов деревни Нижняя Ура	137
<i>Приложение II.I. Общая схема родословной Кара бека</i> (токымы Служилой Уры)	141
<i>Приложение II.II. Токым князя Янморзы Хозясеитова</i>	142
<i>Приложение II.III. Токым князя Кильдияра Хозясеитова</i>	180
<i>Приложение II.IV. Токым князя Ходаяра Хозясеитова</i>	193
<i>Приложение II.V. Род мурзы Нияза Хозясеитова,</i> <i>восходящий к Ходаяру Хозясеитову</i>	203
<i>Приложение II.VI. Род Кутлугуша Биктемирова,</i> <i>восходящий к Ходаяру Хозясеитову</i>	211
<i>Приложение II.VII. Род Надыра князя Хозясеитова</i>	217
<i>Приложение II.VIII. Токым Мурзагильды</i> <i>князя Маметева (Маматова)</i>	225
<i>Приложение II.IX. Родословная мурз</i> <i>Байкеевых (Бояровых)</i>	255
<i>Приложение II.X. Родословная Янсари бин Байсари абыза</i>	259
<i>Приложение II.XI. Родословная Юнуса</i> <i>бин Ивана аль-Качеви</i>	267
<i>Приложение II.XII. Генеалогия Тонеевых – бывших</i> <i>дворовых людей князя Нияза Хозясеитова</i>	271
<i>Приложение II.XIII. Род «киргиза» Атагая Тургаева</i>	274
<i>Приложение III. Тамги родов Служилой Уры</i>	275
<i>Приложение IV. Таблицы смертности и рождаемости</i> <i>в 1 и 2 махаллях деревни Служилая Ура</i>	277
Список сокращений	279

*Светлой памяти моего отца
Рима Гарифовича Салихова,
потомка Янморзы Хозясеитова,
посвящается*

Вместо вступления

Небольшое село Нижняя Ура, скромно и неприметно расположенное на севере Арского района Республики Татарстан, сегодня ничем особым не отличается от сотен других татарских населенных пунктов, живущих незаметным трудом и повседневными заботами. Патриархальная тишина, неспешный ход жизни, простой и не вызывающий быт селян. Кажется, что так было всегда. Монотонное движение времени и ненужное прошлое, в котором не было ничего яркого и запоминающегося.

К счастью это всего лишь заблуждение, от которого мы постепенно освобождаемся, сдувая пыль с дорогой обложки нашей истории, открывая первые страницы драгоценного фолианта, заново знакомясь со своим родом, нацией и Отечеством. В этом зеркале исторической судьбы, мы видим совершенно другой облик татарского села, удивляющий и восхищающий нас своей силой и выдающимися свершениями.

Нижняя Ура – уникальная во всех смыслах деревня, влиявшая на весь тюрко-татарский мир, не уступавшая в своей славе лучезарной Казани. Это – родина горделивых беков и мурз, ведущих свое родословие с далекого XII века, строивших средневековые татарские государства, с оружием в руках, отважно защищавших Россию.

Это – родина татарского промышленного капитализма. В конце XVIII – первой половине XIX столетия, ткацкие фабрики села производили почти половину кумача страны, а значит, фактически, одевали ее население. Деревенские предприниматели контролировали восточную торговлю империи, укрепляя и развивая ее экономические связи. Один только купец этого аула Мукмин Хозясеитов в разные годы осуществлял более 60% экспортных операций государства с казахской степью.

В обычном, на первый взгляд, татарском селе, в течение всего XIX века, жили и работали более 40 гильдейских купцов – местных

уроженцев, десятки семей состояли в мещанском сословии Казани, Арска, Царевококшайска, Чистополя и других городов.

Нижняя Ура – вековой очаг исламской культуры и просвещения. Здесь жили самые выдающиеся богословы и шейхи эпохи, преподававшие в знаменитых медресе, куда стремились за знаниями шакирды из самых дальних уголков необъятной России. Тысячи мюридов из татар-мишар имел местный ишан Хабибулла бин Хусаин, отважно претендовавший на создание альтернативного муфтиата в России.

Богатые мусульмане деревни делали многотысячные пожертвования на строительство величественных каменных мечетей. Они возвели мечеть при Оренбургском магометанском духовном собрании в Уфе, которая и сегодня служит правоверным и является замечательным памятником культовой архитектуры. Аналогичные здания построены ими в городе Троицке (ныне Челябинская область), с. Алашайка (ныне Республика Марий Эл), деревне Ташкичу (ныне Арский район Республики Татарстан).

Промышленники Нижней Уры горячо опекали и щедро поддерживали род Шигабутдина Марджани и, наверно, без их участия нация никогда бы не получила выдающегося мыслителя и реформатора.

Без их воли, муфтий не предпринимал ни одного шага в решении насущных для мусульман проблем. Влияние богатого и амбициозного села распространялось на татар всей России, которые заслуженно давали ему восхищенные эпитеты: «Оры-Шариф (Священная Ура), «Байлар Орысы» (Ура богачей), «Шахри Оры» (город Ура) и многие другие.

Как же случилось так, что сегодня сами жители села почти ничего не знают об этой великой истории? Что стало с нашей памятью и почему мы не учимся на бесценном и выстраданном опыте наших предков?

Бесстрастное прошлое свидетельствует о безграничном потенциале, созидательной энергии и силе татарской деревни. Но оно также свидетельствует о возможных ошибках, заблуждениях и драматичных коллизиях, несущих неизбежные потери.

Именно такой, невероятно сложной, но в то же время реальной и живой биографии села посвящена эта книга.

ГЛАВА I. Цитадель Арских князей в Заказанье

От Эрзурума до Уры

В истории татарского народа, его государственности особое место принадлежит знаменитым родам и династиям, восходящим своими корнями к эпохе золотоордынской цивилизации. Они являлись активной боевой силой средневековой тюркской державы, полновластными правителями ее многочисленных улусов, а впоследствии создателями независимых татарских ханств, оказав тем самым сильнейшее воздействие на исторические судьбы и этногенез современных татар. Представители этих родов стали серьезным социальным и военным фактором в период становления централизованного Русского государства, участвуя в военных походах русских царей, осуществляя охрану границ, контролируя разноплеменной податное население страны, активно участвуя в торговой и дипломатической деятельности.

Все это в полной мере относится к крупнейшему татарскому родоплеменному клану Кара бека, пришедшему в XIII веке из степей Приазовья и Крыма и обосновавшемуся на обширной территории от Заказанья до Урала. Сегодня существует богатая и содержательная историография, посвященная месту и роли данного рода в формировании Казанского ханства, освоении северо-восточных окраин Московского государства. Здесь, в первую очередь, необходимо отметить, труды Д.М.Исхакова и М.И.Ахметзянова, представивших редкие, неопубликованные ранее источники, солидную их интерпретацию и обобщения, свидетельствующие о непосредственной генеалогической связи рода с группой нократских (каринских) татар, чьи потомки составляют сегодня население многочисленных деревень в различных районах Татарстана.

Подчеркивая выдающуюся миссию рода Кара бека в золотоордынском государстве, М.И.Ахметзянов ассоциирует личность этого яркого деятеля с Габдуллой ханом, чингизидом, правившем в Азаке (Азове) в 1360 г. При поддержке знаменитого мирзы Мамайя, Габдулла хан дважды восходил на трон в Сарай аль-Джадиде. После 1368 г.,

по версии ученого, в период непримиримой междоусобицы в Золотой Орде, Габдулла хан перекочевывает из Крыма в степи Приуралья. Будучи активным сторонником хана Токтамышша в борьбе с Аксак Тимуром, приобретает славу бесстрашного полководца и распространяет свое влияние на поволжский регион. М.И.Ахметзянов считает, что сын Кара бека – Гали бек правил Казанью в первой половине XIV века и был убит в 1445 г. Махмутеком¹. Представители рода Кара бека и после этого события оставались влиятельной силой Казанского ханства, сформировав группу так называемых «Арских князей», обладавших определенной независимостью и серьезными военными ресурсами. Именно их потомки населяли большинство исторических деревень Заказанья, а в дальнейшем расселились на обширной территории от Волги до Урала.

Более осторожен в своих оценках Д.М.Исхаков. Проанализировав генеалогию «Арских князей», он пришел к выводу, что первые ее поколения принадлежали к домонгольским кыпчакам-кимакам, сыгравшим «важнейшую роль в формировании средневековых (золотоордынских) татар»². Как считает Д.М.Исхаков, в конце XIV века во время войн Токтамышша с Аксак Тимуром, когда территория Болгарского вилаята превратилась в поле жестоких сражений, золотоордынские группы кипчакского происхождения продвинулись вглубь Предкамья, положив начало формированию княжества Кыпчак во главе с Кара беком.

Однако, мы не должны сбрасывать со счетов версии, которые, пусть пока не имея фундаментальных доказательств, предлагают некоторые уточнения исторического генезиса этого родоплеменного объединения. В частности, родословная Кара бека, выявленная Саидом Вахиди, прямо указывает на г.Эрзурум в восточной Анатолии, как место выхода Бачман хана, предка Кара бека на берега реки Сакмар³.

Эрзурум – древний армянский город, вплоть до середины XIII века являлся одним из центров сельджукского султаната. Кочевав-

¹ Эхмэтжанов М.И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. – Казан: Магариф, 2002. – 179–196 б.

² Исхаков Д.И. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). – Казань, 2010. – С.104.

³ Эхмэтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. – Казан, 1995. – 12–16 б.

ший в этом районе Бачман султан в числе других, согласно родословной, принадлежал к той татаро-огузской знати, часть которой была вытеснена из Анатолии во время ближневосточного похода Хулагу хана.

Кстати, по результатам ДНК-тестирования и оценок генетиков, представители рода Кара бека имеют одну гаплогруппу n1b-a, зародившуюся на Алтае несколько тысячелетий назад. Анализ восточной ветви этой гаплогруппы ясно показывает ее связь с огузскими племенами, поэтому не случайно, в шаджаре Кара бека упоминается Осман – создатель великой тюркской империи, а также правители других огузских бейликов⁴. Отсюда могут быть легко объяснимы огузские элементы в говоре нукратских татар. Таким образом, исследователь имеет возможность предполагать, что род Кара бека происходит из тюркского клана, находившегося в родстве с племенем кайя, и, в период Золотой орды, вошедшего в состав татарской общности. В этом смысле показательны некоторые результаты ДНК-тестирования потомков основных огузских родов, проведенного в Турции. Гаплогруппа n1b-a как раз была выявлена у представителей кланов Баят и Кайя, восходящих в Гюн хану, а от него к легендарному Огуз хану⁵.

К слову, сами жители деревни Нижняя Ура сумели сохранить отрывочные, хотя, и, во многом искаженные, легенды об их переселении из Эрзурума, подчеркивая, что внешне ряд односельчан похож на турок. *«Нәзир бай үзе Төркиянең Эйзерум шәһәрәннан күчеп килгән. Үзе белән куп кена төрек хезмәтчеләрен да алып килгән. Шул вакыттан калган Маматов, Сәетов, Мамашев фамилияләрен әле да авылда кеше йөртә. (Йөз чалымнары белән да төреkkә охшашлар)»*⁶.

И еще один очень интересный момент. Название родового гнезда потомков Бачман хана – села Карино (ныне Слободской район Кировской области РФ), возможно, было перенесено из Эрзурума, основное топонимическое обозначение которого на армянском языке звучало как Карин. Вполне вероятно, что переселенцы, на новом месте стали использовать название своей покинутой родины. В этой

⁴ По данным последних генетических исследований такую же гаплогруппу имеет и династия бакинских ханов.

⁵ ВЕНР Suyun Vol.2, July 2015, No7 [1, 2]. – С.665–668. <http://suyun.info>

⁶ Түбән Оры. (рукописное краеведческое исследование). Хранится в сельсовете деревни Сюрда Арского района РТ.

связи, набравшись смелости, в качестве, на первый взгляд, фантастической гипотезы мы можем предположить, что бесермяне, этногенез которых до сих пор непонятен, пришли вместе с кланом Кара бека из Анатолии.

Так или иначе, родоплеменное объединение Кара бека в союзе с некоторыми другими, например, Яушевыми и Утеевыми, имевшими иное происхождение, стало во главе одной из ключевых административно-территориальных единиц Казанского ханства – «Арской даруги». Этот клан, именуемый «Арскими князьями», с собственной правящей элитой, владел данной «даругой» от Арска до бассейна р.Чепцы, контролируя земли на северо-восточных землях государства и местное податное население из числа удмуртов и «ясачных чуваш». Д.М.Исхаков полагает, что нократская (каринская) ветвь клана была основана выходцами из Арского Заказанья и стала превращаться в обособленную группу после вхождения в 1489 г. в состав Московского государства⁷.

Этим обстоятельством, кстати, объясняется довольно большой комплекс сохранившихся документальных источников по истории нократской (каринской) группы Арских князей, органично инкорпорированных в правящую социальную структуру Московского государства и нашедшей свое отражение в его делопроизводственной практике. Кроме того, сохраняя еще долгое время свои привилегии, нократские князья имели возможность продолжать личные письменные родословные, культивировать древние традиции, приобретать специфические этнографические особенности, оказывать серьезное влияние на жизнь региона. Все это обусловило высокое исследовательское внимание к потомкам Кара бека, проживающим в бассейне р.Чепцы.

В то же время из поля зрения ученых практически выпали населенные пункты с компактным проживанием представителей Арских князей в Заказанье. В первую очередь, это касается деревни Нижняя Ура Арского района РТ, крупного и, пожалуй, единственного в Заказанье родового гнезда карабековского клана.

⁷ Исхаков Д.И. Арские князья и нократские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). – Казань, 2010. – С.76.

Древнее, существовавшее в период Казанского ханства село, находившееся на стратегически важном уржумском тракте, на речке Ура в бассейне реки Ашит, всегда имело славу аула, населенного исключительно людьми княжеского достоинства и тарханами. В народе и в официальных документах существовали разные названия деревни, подчеркивающие ее особый статус: «Байлар Орысы» («Ура Богачей»), «Казаклар Орысы» («Казачья Ура»), «Морзалар Орысы» («Ура Мурз»), «Служилая Ура». Ш.Марджани, например, говоря о ней не жалел эпитетов: «...*Большая древняя деревня... С незапамятных времен известна своими крупными торговцами, богатством, гордостью, расточительством*»⁸. В источниках и немногочисленной литературе, население Служилой Уры прочно связывается с одним из потомков Кара бека, проживавшем в Нижнем Карино князем Хозясеитом Янсеитовым, вернее его сыновьями Янмурзой, Ходаяром и Кильдияром, которым за особые заслуги перед Русским государством в 1637 году царь Михаил Федорович пожаловал здесь земли в количестве 2442 десятины 1532 сажен⁹. По данным М.И.Ахметзянова, записавшим местные предания о возникновении села, каринские князья возможно пришли сюда еще раньше, в 1616 году¹⁰. Во всяком случае, не раньше 1602 года, так как в Писцовой книге Казанского уезда Ивана Болтина данная деревня не значится в числе вотчинных и поместных деревень.

Следует отметить, что Янморза Хозясеитов отмечен в Дозорной книге 1615 года, а также Писцовой книге Хлыновского уезда 1629 года еще среди землевладельцев Нижнего погоста Каринского стана Хвалынского уезда¹¹. Правда владения его были небольшими, и, после этого ни он, ни его потомки больше не значатся в документах, касающихся каринских татар.

⁸ Мәржани Ш. Мөстәфәдель-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 232 б.

⁹ Статистическое описание Царевококшайского уезда. – Казань, 1857. – С.612.

¹⁰ Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. – Казан, 2011. – 176б.

¹¹ Исхаков Д.И. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). – Казань, 2010. – С.178.

Таким образом, по устоявшемуся мнению и имеющимся источникам, основание Служилой Уры обязано с переселением сюда в первой половине XVII века крупной группы нократских князей. На наш взгляд, такое обширное поместье было пожаловано им за воинские заслуги во время Смоленской войны 1632–1634 годов. Причем, обласканы царем оказались лишь две веточки многочисленного рода Кара бека, фамилию одной из которых дал князь Хозясеит Янсеитов – праправнук Гали бека, сына легендарного Кара бека. Другая ветвь, скорее всего, относилась к старшему сыну Кара бека – князю Мухаммеду. Во всяком случае, поместье было дано в общее пользование князей Маметевых и Хозясеитовых.

О личности князя Хозясеита практически ничего неизвестно. Он упоминается один раз в Жалованной грамоте царя Федора Ивановича на Вятку от 1588 года, где перечисляется среди поверстанных денежным жалованьем каринских служилых татар. Причем получил он деньги не по первой в 10 рублей, а по второй семирублевой статье. Очевидно, что влияние его в Карино, а также состояние были относительно невысокими, по сравнению, например, с родственниками князьями Сейтяковыми, князьями Хиляловыми и другими. Судя по небольшим земельным владениям, основным его доходом являлась, скорее всего, военная служба, благодаря которой в итоге он и его сыновья получили царское благоволение и обширное поместье.

Сам князь Хозясеит Янсеитов, очевидно, до переселения в Служилую Уру не дожил. По всей видимости, в деревне обосновались уже его наследники, сыновья Янморза, Ходаяр, Кильдияр и другие. Здесь возникает естественный вопрос, а почему Хозясеитовы получили поместье и поселились именно в этой деревне, находящейся довольно далеко от Карино? Почему им не были пожалованы «пустоши» и свободные земли в других регионах Арского Заказанья? Ответ, вероятно, заключается в том, что Ура еще с золотоордынских времен являлась опорным пунктом Арских князей, в первую очередь, рода Кара бека на этой территории. Не случайно, Ш.Марджани упоминал об имевшемся на местном кладбище надгробии 1397 года¹². Современный археограф и исследователь эпиграфических памятников А.М.Гайнутдинов, обследовав, как и Г.Рахим в двадцатые годы

¹² Мәржани Ш. Мөстәфәдәһәл әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 232 б.

XX века, вероятно, то же самое надгробие, не только датировал его серединой XVI столетия, но и сумел частично атрибутировать его. Ученый пришел к выводу, что захоронение принадлежит «великому султану» сыну некоего Саидгали. Камень был установлен его женой Бабраш. К сожалению, имя этого знатного человека в надписи не сохранилось.

М.И.Ахметзянов считает, что до Хозясеитовых здесь жили потомки Манаша тархана, вытесненные впоследствии новыми хозяевами. Вполне возможно, что надгробный камень относится к одному из представителей данной династии, которая, в свою очередь, входила в союз «Арских князей» и являлась родственной нокрытским, каринским татарам. Во всяком случае, имеет место определенная переключка титулатуры, да и интерпретация имени Саидгали, может дать пересечения с этим родом ханской знати¹³.

В генеалогии села, как впрочем, и в Писцовой книге Казанского уезда 1647–1656 гг. четко прослеживается еще одна родовая линия, восходящая, по всей видимости, к старшему сыну Кара бека – Мухаммеду, линия, которая никак не отражена в существующих родословных каринских князей. Речь идет о некоем служилом татарине Мурзагильде Маметеве, значащимся, наряду с Хозясеитовыми, среди владельцев Уры как, в документах 1643 года, так и в Писцовой книге 1647–1656 гг. Этот князь, не связанный с Карино, однозначно в источниках фигурирует как житель Заказанья. Поэтому можно предположить, что Хозясеитовы в Уре подселились к семье своего родича, если так можно выразиться, вернулись к себе домой, на родину, где со времен Золотой Орды и Казанского ханства жили их предки.

В это время, князь Мурзагильда Меметев, не отмеченный в Писцовой книге 1602 года, возможно, подтвердил свой высокий статус и получил соответствующее пожалование в своем селе за заслуги, аналогичные заслугам Хозясеитовых. О его принадлежности к Мухаммеду сыну Кара бека свидетельствует устойчивая фамилия последующих поколений рода. Ш.Марджани даже в шаджаре его представителей XIX века всегда делал пояснение «ибн-Мухамед»¹⁴.

¹³ Эхмэтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. – Казан, 2011. – 178–182 б.

¹⁴ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1899. – 261 б.

Отметим, что по такому же принципу именовались далекие потомки Сейтяка Алисуфьева, жившем в Карино правнука Кара бека, на протяжении столетий носившие фамилию Сейтяковы. Кстати, род Маметевых был широко распространен в ряде сел региона: Алашайке, Портянуре, Куянково (ныне Республика Марий Эл), Верхней Уре (Арский район РТ) и других.

В материалах переписи 1646 г. мы видим еще одну генеалогическую линию деревни Ура, не связанную прямыми родственными отношениями с Маметевыми и Хозясеитовыми. Совладельцами села, в этот время, так же являлись служилые татары Кулай и Чимай Янбахтины, их племянник Биктемир Тюкеев, чья родословная восходила к мурзам д. Большой Менгер¹⁵. Если, принять во внимание, что Арские князья объединяли несколько родоплеменных групп, то становится понятными совместное проживание и владение землей в пределах одного села, представителей разных по происхождению княжеских и мурзинских родов. Впрочем, уже к середине XVII века Янбахтины перестают фигурировать среди помещиков д.Ура и упоминаются лишь в связи с селом Большой Менгер. Вероятно, их земли были окончательно выкуплены, набиравшими влияние и силу потомками князя Хозясеита. Всего в 1646 г. в Уре насчитывалось 11 дворов, в которых проживало 34 человека. Из них 9 дворовых людей и 5 крепостных¹⁶.

Итак, в Писцовой книге Казанского уезда 1647–1656 гг. впервые дается поместное описание деревни Ура с указанием ее владельцев: *«Деревня Уры на речке Уре за служилыми татары в поместье за Бектемирком да за Асанком да за Усеиком Кулдеяровыми детьми князь Хозесеито // (л. 349) выми, да за Янмурзачком князь Хозесеитовым же, да за Мурзагильдеиком Маметевым, да за Ямеиком Баисеитовым, да за недорослем за Каибулатком Мамешерековым сыном Кудеярова. По мере пашни и перелогу тринадцать длинников, девять поперечников, итого сто семнадцать десятин в поле, а в дву по тому ж.»*¹⁷. Из него мы видим, что основу населения деревни со-

¹⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.529.

¹⁶ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.530.

¹⁷ Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста. – М.: Институт истории РАН, 2001. – С.349.

ставляли семьи князя Мурзагильды Маметева, князя Янморзы Хозясеитова, его племянников и дяди Ямейки Байсеитова.

Аул феодалов и «потомков» великих сахабов

Сегодня в нашем распоряжении немного источников о хозяйственной, экономической и бытовой жизни татарских деревень XVII–XVIII веков. Конечно, одним из основных занятий было земледелие, однако, благосостояние мурз и князей зависело не только от сельского хозяйства. Судя, по родословной книге Большого Менгера, в служилых населенных пунктах было развито животноводство, в особенности коневодство, когда на ближайших полях и пастбищах самостоятельно паслись тысячи голов лошадей, а их хозяева активно занимались торговлей на обширном пространстве от Волги до Урала¹⁸. Хозясеитовы и Маметевы в Уре также не были исключением. Их деревня, находившаяся на Уржумском тракте, имела как военно-стратегическое, так и торговое значение, что позволяло ее владельцам контролировать коммерческий транзит на территориях, населенных марийцами и удмуртами, вплоть до Карино. Местные мурзы и князья производили и продавали хлеб, корма, продукты животноводства, разводили коней, занимались различными промыслами. Серьезным источником благосостояния арских князей являлась также торговля с казахской степью и Средней Азией, не прерывавшаяся даже в самые непростые, смутные времена.

Деревня Ура в тот период, вплоть до реформ Петра I, представляла собой типичный феодальный населенный пункт, с дворовыми и крепостными крестьянами, небольшими вооруженными отрядами, собственным духовенством и безраздельной властью помещика.

В середине XVII века наиболее состоятельным в д.Ура из рода Кара бека являлись семьи братьев Ходаяра и Кильдияра Хозясеитовых, а также их двоюродного дяди Ямейки Байсеитова, владевшие крепостными душами, приобретенными, в том числе и в военных походах. Род князей Маметевых, а также третий брат Хозясеитовых – Янморза являлись лишь владельцами земельных угодий.

Однако, уже в конце XVII столетия, ситуация стала меняться, когда началось общее возвышение, связанное с безупречной службой

¹⁸ Эхмэтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. – Казан, 1995. – 84 б.

или же удачливой торговлей, сыновей Янморзы князя – Бикмета, Уразая, Котлы (Котлымамета), потомки которых, впоследствии, доминировали в общественной и экономической жизни села. Именно, сыновья Котлымамета Муслюм бин Котлы (1660–1754), Резеп бин Котлы (1659–1747) Хозясеитовы стали в начале XVIII века одними из самых богатых помещиков Уры.

Еще одним важным признаком, характерным для данного села как богатого, феодального центра, с жесткой социальной иерархией, с определенными «идеологическими» амбициями, духовным лидерством, является постоянное развитие, рост и укрепление мусульманской общины.

Высокий статус владельцев деревни, подтвержденный многовековой родословной, наличие реальной власти в регионе, безусловной поддержки русских властей, больших материальных ресурсов способствовали формированию крупнейшей в Заказанье махалли, членами которой становились самые образованные и знаменитые богословы из различных населенных пунктов Казанского уезда.

Именно, в Уре началось возрождение сильных, авторитетных исламских институтов, казалось бы, окончательно разгромленных после падения ханской Казани. Уже во второй половине XVII века здесь проповедовал крупнейший для своего времени имам Юнус бин Иवानай бин Усай (1631–1689) – сын муллы и мударриса из д. Качелино. Он, по словам, Р.Фахретдина был «первым человеком, совершившим после падения Казанского мусульманского государства путешествие в Среднюю Азию с целью получения образования... во время этого путешествия был принят казахским ханом Жингизом... женился на его дочери Мухлибикасултан... Юнус эфенди был человеком довольно энергичным и для своего времени очень образованным. Его фетва об обязательности для духовенства Булгарского государства гошура (подавания населения), независимо от того, правильно или ошибочно оно проповедует, показывает, насколько важными для народа проблемами он занимался»¹⁹. Очевидно, что такая деятельность во многом обуславливалась стремлениями Хозясеитовых, материально обеспечивших его поездку за пределы Поволжья, а также получение им классического духовного образования в Бухаре.

¹⁹ Фахретдин Р. Асар. I том. – Казань, 2006. – С.237–238.

Юнус бин Иванай был, по сути, своеобразным посланником, «дипломатом» арских князей, кровно заинтересованных в возрождении традиционных духовных и экономических связей с единоверцами Средней Азии. Не случайно, что этого религиозного деятеля принял хан Жингиз, и, выдал за него замуж свою дочь, которая остаток своей жизни провела в Уре, где и была похоронена. Это был, безусловно, символический акт, знак глубокого уважения казахской знати к заказанским представителям рода Кара бека. Интересна, в этой связи, официальная родословная Юнуса бин Иваная, которая восходила к одному из сподвижников Пророка Абузюру аль-Гаффари, и, подвергаясь, впоследствии, объективным сомнениям со стороны Ш.Марджани и Р.Фахретдина²⁰.

Однако, достоверность шаджара в этом случае не имеет никакого значения. У могущественных Хозясеитовых имам просто должен был иметь такое происхождение. Как когда-то у татарских ханов духовниками являлись сеиды – потомки Пророка, так у арских князей, личность имама освящалась высоким происхождением от великих сахабов. Таким образом, даже, возможно, сфальсифицированная родословная Юнуса эфенди, служила инструментом неуклонного возвышения князей Хозясеитовых²¹.

Но наибольшим влиянием в этот период в этой феодальной вотчине пользовался другой религиозный деятель, происходивший из рода Кара бека, абыз Янсари бин Байсари бин Кильдюш бин Килуаз (ум.1687), представлявший ту родовую линию арских князей, вероятно, еще с ханских времен, профессионально занимавшуюся исламским наставничеством и просвещением. Об этом свидетельствует, опубликованная М.И.Ахметзяновым, родословная дяди князя Хозясеита Шайюсупа бека бин Сейтяка, которая несмотря на довольно путанный

²⁰ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 232–233 б.

²¹ Впрочем полностью опровергнуть или скорректировать родословную Юнуса бин Иваная пока никому не удалось. Мнения Ш.Марджани и Р.Фахретдина по этому поводу нуждаются в современной аргументации. У татар сохранились другие шаджара, восходящие к сахабам: Салману Фарси, Анасу сахаба. В то же время принадлежность представителей рода на протяжении нескольких столетий к авторитетному мусульманскому духовенству свидетельствует о глубокой традиции, восходящей, если не к раннему исламу, то во всяком случае к периоду Казанского ханства и Золотой Орды.

характер и хронологические несоответствия, подтверждает принадлежность Янсари хафиза к этой веточке рода и отмечает ряд колен, имевших статусные духовные звания: Давлет суфи, Морад хузя, Морад суфи и т.д.²² Учитывая то, что Шайюсуп Сейтяков числился среди нократских князей, можно предположить переселение Янсари хафиза в Уру из Карино произошло вместе с Хозясеитовыми в первой половине XVII века. В то же время нельзя исключать вероятности выхода этого духовного деятеля из деревни Верхняя Ошма, где получила владение еще одна ветвь потомков Гали бека сын Кара бека. Во всяком случае, такие предположения высказывал Ш.Марджани²³.

Также, принимая во внимание кровное родство с знатными владельцами деревни, потомственное звание абыза (хафиза), передававшееся из поколения в поколение, можно утверждать, что Янсари бин Байсари являлся официальным духовным главой клана. Кстати, талантливый и активный мулла, Юнус бин Иванай, еще более укрепил свое влияние в махалле, женившись на его дочери Ючанахал.

Документы начала XVIII века указывают на наличие в Уре профессионального муэдзина, учитывавшегося в переписи населения в качестве «пономаря»²⁴. Это некий Мамед Кильмаматьев (1636–1722), являвшийся, по нашему мнению, внуком помещика Ямеика Байсеитова, племянника князя Хозясеита. Таким образом, в д.Ура, в феодальном поместье арских князей сформировался крупный религиозный центр, привлекавший в свои ряды все сколько-нибудь значимые на тот период исламские умы регионы.

Ситуация в чем-то напоминала преуспевающие, богатые, с сильной правящей династией населенные пункты эпохи татарской независимости, когда в них, со всех сторон света, в поисках высочайшего внимания, спокойного духовного поиска, легкого «куска хлеба» стекались дервиши, устазы и суфийские наставники, наполнявшие атмосферу городов восхвалениями правителя, улаживающими слух диспутами, проникновенными проповедями, культом священных книг. Всем тем, что, в конечном счете, обожествляло правящие семьи, усиливало их власть над местным населением.

²² Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. – Казан, 2011. – 16 б.

²³ Марджани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 346 б.

²⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.139. Л.125 (об.).

В Уре, например, кроме официального духовенства в XVII – начале XVIII века, да и в последующее время, проживали авторитетные богословы, занимавшиеся научной и миссионерской деятельностью. Здесь, в первую очередь, следует назвать знаменитого абыза Габдразака бин Алима бин Танчулпана бин Янзегита бин Уразгильде бин Шигая бин Шыкжамала, происходившего, по мнению М.И.Ахметзянова, из рода князя Камая Смиленова. Известно, что он был внуком помещика деревни Малые Верески, служилого татарина Танчулпана Янзегитова²⁵.

Однако, вся жизнь Абдразака абыза была связана с Урой, несмотря на то, что его семья была причислена к обществу ясачных крестьян д.Ковали. На сельском кладбище деревни Ура сохранилось надгробие хафиза с надписью: *«Здесь могила великого ученого, источника мудрости Габдразака сына Алмы абыза. В жизни прославился как переписчик 90 Коранов»*. Количество переписанных священных Книг свидетельствует о серьезном образовательном процессе в деревне, с большим количеством учеников, а также о целенаправленной исламской миссионерской деятельности, в том числе и в окружающих марийских селах.

Вообще, вокруг таких деятелей, конечно же, группировались десятки, а то и сотни последователей, шакирдов, мюридов, представлявших различные села региона, сотни молодых неопитов, которые затем расходились по различным уголкам Заказанья, неся слово мусульманской проповеди. Кстати, данная традиция продолжилась в Уре и в начале XIX века, когда потомки Янсари хафиза, сохраняли огромное религиозное влияние на татарское население не только Казанской губернии, но и всей европейской России.

²⁵ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.513 (об.).

ГЛАВА II. Татарский капитализм: буржуазное рацио против «Священной Уры»

Феномен промышленной деревни

Новый этап в истории деревни начался в петровское время. Это была сложная, противоречивая и драматичная для татарской знати эпоха, лишавшая некогда могущественных князей и мурз привилегий, данных их предкам русскими царями. Старинные служилые деревни, принадлежавшие к знатным родам, одними из первых были причислены к Адмиралтейству для производства корабельных работ. Гордые властители феодальных поместий и вотчин, не желая отказываться от религии предков, стали терять своих крепостных, а отправляясь валить лес для строительства флота и на другие «черные» работы, оказались в одном положении с худородным крестьянством. Классическая историография давно уже дала оценку лашманской повинности как невыносимому, губительному бремени, подрывавшему основы не только аристократии, но и всей татарской деревни¹. Однако, соглашаясь с тем, что волей Петра Великого был подвергнут мощнейшему сотрясению весь прежний уклад жизни мусульманского населения, фактически уничтожившей сословные границы, поставившей под угрозу вековые экономические отношения, усилившей миссионерское и административное давление, в то же время в исторической перспективе эти реформы обозначили новые позитивные тенденции для татар, открыли им прямой и достаточно быстрый путь в капиталистическую эпоху.

Дело в том, что корабельная повинность, разрушив феодальную систему татарской знати, коренным образом изменив ее мышление, направило ресурсы и энергию вчерашних князей и мурз в другие сферы деятельности, связанные с промыслами и предпринимательством. Адмиралтейские работы создавали новую социально-экономическую реальность, где гигантские поставки леса, организация и обслуживание строительной и транспортной инфраструктуры, массовый найм

¹ Гобәдуллин Газиз. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. – 220–225 б.

различного персонала, концентрация значительных финансовых средств и другие факторы, вкупе традиционными бюрократизмом и коррупцией, формировали своеобразные рыночные отношения. Многие татарские мурзы, благодаря связям в чиновничьих кругах, наличию солидного семейного капитала, крепостных людей, извлекали прибыль даже в тяжелейших условиях лашманской повинности. Они получали выгодные подряды на заготовку и поставку леса, продовольственное снабжение, одновременно, налаживая и осуществляя торговые операции в местах своего вынужденного пребывания.

Не будет преувеличением сказать, что корабельные работы, стали начальным этапом трансформации татарской военно-аграрной аристократии в новый класс деловых людей, «во всеоружии» ментально и материально, встретивших буржуазные реформы Екатерины II.

Потомки арских князей, жившие в деревне Ура, а это, в первую очередь, мурзы Хозясеитовы и Маметевы, не стали исключением. Напротив, это село является ярким образцом выживания в драматичную эпоху петровских преобразований. Мало того, местная знать, казалось бы, навсегда потерявшая прежнюю власть и привелигированное положение, сумела сохранить энергию и сконцентрировать материальные средства для последующего рывка в новую капиталистическую действительность.

Убедительнее всего выглядят цифры, свидетельствующие о неуклонном росте населения в ауле, именно, в период адмиралтейской повинности. Так, если в 1716 г. здесь насчитывалось всего 63 жителя, то в 1747 г. их количество выросло до 107 человек². В 1762 г. материалы 3 Государственной ревизии фиксируют в Уре уже 327 наличных душ³. То есть население за данный период выросло в пять раз, что было бы невозможным в условиях тотального обнищания, невыносимого налогового пресса, рабского труда на рубке лесов и верфях.

Показательно, что в деревню начинают переселяться другие потомки разветвленного рода Кара бека. В частности, в 1737 году в Уре обосновываются представители той ветви династии, которая восходила к князю Байкею бин Джуашу – праправнуку упомянутого нами выше сына Кара бека Гали. Их родовым гнездом всегда считалась д.Верхняя Ошма (ныне Мамадышский район РТ)⁴. Однако, некото-

² РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.54.

³ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.13.

⁴ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1148. Л.14.

рые Байкеевы решили подселиться к своим сородичам в Уре, видимо, предпочтя владениям предков, явные преимущества бурно развивающегося аула Хозясеитовых

Очевидно, что здесь существовали факторы развития, характерные для предпринимательской деятельности, позволявшие не просто жить сытно и в достатке, но и быть богатым, сохраняя фамильное влияние в регионе. Среди них: традиционный контроль над обширными лесными районами, заселенными марийцами, удмуртами и бексермянами, налаженные коммерческие связи на огромной территории от Поволжья до Средней Азии, относительная родовая сплоченность, наличие больших земельных владений и солидного капитала. Одним из серьезных преимуществ на начальном этапе предпринимательской деятельности было знатное происхождение, признаваемое русскими властями и глубокоуважаемое татарским населением.

Начиная мануфактурное производство, поощряемое реформами Екатерины II, Хозясеитовы максимально использовали возможности слабеющего помещичьего хозяйства. Промыслы, ремесла, рабочие руки, обслуживавшие некогда только поместье, теперь под властью тех, же хозяев были переориентированы на выпуск товарной продукции, пользовавшейся одинаково высоким спросом на внутреннем и внешнем рынке.

Этот процесс начался благодаря миссионерской политике Петра, административно уничтожившего феодальные отношения у татар. Не исключено, что уже в первой половине XVIII века татарские князья и мурзы, фактически оказавшиеся в положении государственных крестьян, начали организовывать мануфактуры, обеспечивавшие военные и экономические нужды стремительно расширяющегося государства.

В Служилой Уре, именно, в этот период начинают выделяться семьи, отличающиеся особым богатством и положением. Как мы уже отмечали, они относились к линии Котлымамета бин Янморзы бин Хозясеита. Причем им удалось вытеснить с лидирующих позиций потомков Ходаяра и Кильдияра Хозясеитовых – самых состоятельных помещиков деревни во второй половине XVII столетия. Безусловно, это стало возможным лишь благодаря успешной предпринимательской деятельности.

Удача здесь сопутствовала, прежде всего, семье князя Муслима бин Котлы бин Янморзы бин Хозясеита (1660–1754), имевшего близ-

кие родственные связи с богатыми татарскими фамилиями Старотатарской слободы Казани, а также служилых деревень Заказанья. Он обладал собственными крепостными крестьянами. Его сын Туктамыш (1710–1776) был женат на дочери помещика из д.Кошар Айше Досаевой Яушевой, принесшей приданое дворовыми людьми⁵.

То есть к середине XVIII века род имел прочные экономические позиции, а значит необходимый стартовый капитал для ведения производственной деятельности, которую активно и успешно начали сыновья Туктамыша – Назир (1733–1809) и Рахматулла (1745–1789). И хотя, первая официально зарегистрированная кумачная мануфактура Назира Хозясеитова появилась в 1786 году⁶, вероятно, производством он занялся раньше, продолжив дело своего отца Туктамыша. Дело в том, что массовое возникновение мануфактур в данном районе Заказанья началось в 1760–1770 гг., достигнув своего пика к первой трети XIX века. Младший сын предпринимателя Сулейман (1760–1837), опираясь на успешное семейное дело в 1781 году, одним из первых татарских промышленников и торговцев, выделился в казанское купечество. В дальнейшем, начав самостоятельную деятельность, он создал крепкое кумачное производство в родной деревне, вел обширную торговлю и быстро разбогател.

Помощниками Назир бая, стали старший сын Тагир (1753–?), а затем и внук Мукмин Тагирович Хозясеитов (1773–5.11.1852), оставшийся в истории татарского народа как выдающийся промышленник и торговец, щедрый благотворитель. Именно, они продолжали развитие мануфактурного производства в Служилой Уре. Как отмечал Х.Х.Хасанов, их предприятие, производившее крашенный и некрашенный кумач, было оборудовано ткацкими станками, на которых трудилось 65 рабочих⁷.

Остальные четыре сына Назира Хозясеитова в 1791 году перешли в казанское купечество. Всего в конце XVIII – начале XIX века в Служилой Уре и некоторых окрестных аулах эта семья содержала 8 кумачных мануфактур.

⁵ РГАДА. Ф.350. Оп.2. Д.1176. Л.2(об.).

⁶ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С.296–298.

⁷ Хасанов Х.Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань, 1977. – С.45.

Вообще Хозясеитовы, и в последующее время, всю первую половину XIX века продолжали доминировать в ткацком и бумажном производстве Казанской губернии. Особую известность, помимо Мукмин бая получили его близкие родственники, купцы из клана Назира бин Туктамыша – Бибизюгра Галеевна Хозясеитова и Усман Сулейманович Хозясеитов.

Бибизюгра Хозясеитова являлась второй, молодой женой уже упомянутого нами Сулеймана бин Назира, который в 1804 г. перешел из казанского в арское купечество. Когда промышленник состарился, она фактически взяла под свое руководство семейное дело, которым управляла при помощи сына Мухаметвали. После смерти мужа, Бибизюгра Хозясеитова стала полноправной владелицей успешного кумачного и бумажного производства. Она была незаурядной женщиной, энергичной и талантливой предпринимательницей, сумевшей сохранить и развить крупные мануфактуры своей семьи. Кумачное производство, принадлежавшее ей, находилось в Служилой Уре на родовой земле.

В статистическом описании Царевококшайского уезда за 1837 год давалась следующая характеристика деятельности промышленницы: *«На фабрике она употребляет материалы, как-то хлопчатая белая бумага, краска марена, рыбий жир, чернильные орешки, трава кизлярская, квасцы и шадрик, покупаемые в Астрахани и Нижегородской ярмарке»*⁸. Выкрашенные и обработанные кумачи распродавались на всех ведущих ярмарках страны. Это краткое описание свидетельствует о хорошей подготовке купчихи, профессиональном знании технологического процесса, широте кооперационных связей. На другой, уже бумажной, фабрике владелицы, располагавшейся на казенной земле на речке Шоре, оборудованной одной водяной турбиной, изготавливалось 700 стоп оберточной бумаги на 800 рублей, которая сбывалась в Казани. Для работы она привлекала крестьян Казанского и Царевококшайского уездов, а сырье приобретала в Казанской и Вятской губерниях⁹. Конечно, это были типичные мануфактуры, со слабым техническим оснащением, державшихся на ручном труде сезонных рабочих. Однако, здесь достойна уважения целеустремленность и воля мусульманской женщины, долгие годы на равных конкурировавшей с крупными предпринимателями уезда и губернии.

⁸ Казанские губернские ведомости. – 1852. – 22 декабря – №52.

⁹ Казанские губернские ведомости. – 1852. – 22 декабря – №52.

Усман Сулейманович Хозясеитов – арский 3 гильдии купец, был сыном Сулеймана бин Назира от первого брака с Мукминой Ибрагимовой, происходившей скорее всего из рода богатых промышленников и торговцев Бурнаевых. Он содержал одну из самых прибыльных мануфактур семьи. Она имела хорошее по тем временам оборудование: 25 ткацких станков, 2 паровых котла, с помощью которых 37 рабочих ткали и красили кумачи до 9000 кусков на сумму в 33730 рублей. Впоследствии купец вкладывал значительные средства в приобретение недвижимого имущества и фабричных производств. Серьезные успехи в предпринимательстве были достигнуты представителями другого знатного рода деревни – князьями Маметевыми (Маматовыми). Они, видимо, не желая вступать в конкуренцию с Хозясеитовыми, основные свои дела вели в Уржумском уезде Вятской губернии, где построили кумачные, мыловаренные и поташные мануфактуры. В Служилой Уре им принадлежало лишь одно предприятие.

Таким образом, традиции первого поколения мануфактурщиков Хозясеитовых достойно были продолжены и в XIX столетии. Были в Служилой Уре и успешные коммерсанты, не связанные с производством, но также обладавшие солидными капиталами. Среди них следует назвать, потомка Бикмета бин Янморзы, 3 гильдии арского купца Садыка Губайдулловича Хозясеитова, Мухаметзяна Габдельсалимовича Маметева и многих других. Наверно, не будет преувеличением сказать, что практически все семьи княжеского аула с тем или иным успехом, занимались разнообразной предпринимательской деятельностью.

Здесь со всей определенностью возникает логичный вопрос: каким образом татарская деревня XVIII столетия, вчерашний феодал-мурза, не знающий русского языка и не имеющий даже начал светского, тем более специального образования, вошли решительно и бесповоротно в революционную систему капиталистических отношений? Откуда и почему в патриархальной сельской местности вдруг, как по мановению волшебной палочки, стали возникать современные для того времени промышленные предприятия, снабженные часто самым передовым оборудованием европейского производства? Некоторые важнейшие факторы названы нами выше. Лашманская повинность, стимулировавшая мобильность, выживаемость и коммерческую активность служилого сословия, наличие стартового капитала, активное использование местных промыслов, продукции сельского хозяйства и

животноводства при операциях на внутреннем рынке. И, самое, пожалуй, главное – давние никогда не прекращавшиеся связи татарской аристократии с казахской степью, Средней Азией и Китаем, масштабная меновая торговля и посредничество, позволившие Российской империи в XVIII веке не просто сформировать единый евразийский рынок, но играть в нем доминирующую роль.

В то же время не совсем ясно, откуда возникла идея создавать большие мануфактурные производства, по настоящему, смелая новация, быстро подхваченная и реализованная в забытых богом аулах Казанской и Вятской губернии. Конечно, это было влияние общероссийских тенденций, однако, на наш взгляд, данное явление имеет глубоко национальную природу, обусловленную интересами и стимулами восточной торговли татарских предпринимателей. Та же кожевенная и мыловаренная промышленность получила мощное развитие благодаря сырью, получаемому в степи, а ее продукция, в свою очередь, нашла выгодный рынок сбыта именно в Средней Азии. Обработка кож и животного сырья, имевшая многовековые традиции у татар, позволяла организовывать большое количество мастеров для изготовления низкого по себестоимости и высокого по качеству товара, обеспечивавшего гарантированную прибыль. Аналогичная ситуация складывалась и при создании кумачного производства. В замечательной работе Н.А.Кореевой отмечается, что первоначально кумач завозился в Россию из Бухары и Персии¹⁰. Об этом также писал еще в начале XIX века Вуттиг, лично наблюдавший деятельность кумачных мануфактур в д.Урнашбаш Казанского уезда. Татарские коммерсанты, доставлявшие крашенную хлопчатобумажную материю, пользовавшуюся огромным спросом у населения страны, учитывая широкие возможности местных промыслов, быстро сориентировались и наладили массовое и недорогое изготовление кумача у себя на родине. При этом еще долго использовали не хлопок-сырец, а

¹⁰ Кореева Н.А. Торгово-промышленная деятельность татарского предпринимательства Казанской губернии в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2014. – С.158. Данная работа содержит прекрасный материал по истории зарождения мануфактурной промышленности у татар, развитию торговли. Мне хотелось отослать к ней всех, кто интересуется деталями производственного процесса на татарских фабриках Заказанья, особенностями меновой коммерции, как внутренней так и международной, а также иными аспектами социально-экономической деятельности татарского купечества первой половины XIX века.

готовую бумажную пряжу, поставляемую из Бухары. На начальном этапе из Бухары же привозились кумачные мастера, которые помогали с технологией красильного процесса, но основу все-таки составляли ткачи-уроженцы деревень Заказанья.

Здесь мы опять видим доминирующую роль традиционных, вековых промыслов. Не случайно, основным оборудованием ткацкого производства стал так называемый «татарский стан», определивший общероссийский стандарт выпуска тканей в кусках шириной 44,4 см и длиной 5,7 м. Необходимо также учитывать определенное влияние промыслов финских народов, в гуще которых находились основные кумачные центры. Известно, что марийцы и удмурты издавна славились своими умениями по переработке растительного сырья, в том числе изготовления разнообразной материи. Не следует забывать, что предки основных родов Служилой Уры пришли в Заказанье из региона, населенного удмуртами, с которыми они взаимодействовали на протяжении столетий. Практически все жители аула прекрасно владели ткацким и бумагопрядильным ремеслом, поставляя собственную бумажную пряжу на фабрики односельчан. Так или иначе, но возникновение и расцвет ряда отраслей мануфактурной промышленности у татар прямо обусловлен этнической и региональной историей, и, вряд ли бы состоялся в иной среде и при других обстоятельствах.

Предприниматели Служилой Уры Мукмин Хозясеитов и Биби-зухра Хозясеитова создали два, редких для России в целом, предприятия по изготовлению писчей и оберточной бумаги на «бухарский манер», снабженные голландскими роллами, относительно передовым для того времени оборудованием. Скорее всего, появление таких мануфактур было полностью обязано успешным примерам из Средней Азии и Персии, где не без участия европейцев существовали довольно крупные бумажные производства.

Успех татарской промышленности второй половины XVIII – первой половины XIX века обязан своим возникновением активной коммерческой мобильности татарских предпринимателей, буквально опутывавших выгодными экономическими связями и отношениями центральные регионы России, районы компактного проживания татар, казахскую степь, Бухару, Персию, Сибирь и Китай. Очень была важна протекционистская политика властей, использовавших, казалось бы, неисчерпаемый торговый потенциал татарских купцов, как

инструмент своего политического, дипломатического, и в итоге военного, продвижения на восток.

Феномен же отдельной татарской промышленной деревни, в нашем случае Служилой Уры, заключается в том, что по самым приблизительным подсчетам, она в 1814 году изготавливала почти половину всего кумача Российской империи¹¹. Удивительный пример, не имеющий аналогов в национальной истории Нового времени.

Таким образом, период реформ Екатерины II и последующее время, потомки Кара бека, князя и мурзы одной, сравнительно небольшой деревни, сформировали на подконтрольных им территориях несколько отраслей мануфактурного производства: текстильную, мыловаренную, поташную, бумажную. Все это привело к концентрации крупного капитала в руках нескольких семейств, монополизации лидерства в общине, стремительному разложению родовых отношений, к социальным кризисным явлениям, имевшим далеко идущие последствия.

Мечеть – личная собственность князя-капиталиста

Возвышение и укрепление позиций мурзы Назира бин Туктамыш бин Муслима бин Котлы бин Янморзы бин Хозясеита и его детей в Служилой Уре сопровождались активной ролью в местной махалле, осозанным исламским прозелитизмом. На средства предпринимателя в ауле в 1787 году была построена большая каменная мечеть, а на должность ее имам-хатиба купец пригласил своего дальнего сородича, потомка Янсари хафиза – Хабибуллу (22.11.1762–5.07.1818) бин Хусаина бин Габделькарима бин Ярмухамеда бин Янсари, который получил блестящее духовное образование в Бухаре, живя в Афганистане был мюридом у знаменитого шейха Фаизхана аль-Кабули. От него он получил разрешение быть ишаном в родных краях, поэтому, фактически сразу же после возвращения в Уру, окружил себя многочисленными шакирдами и последователями¹².

Для Назира Хозясеитова назначение Хабибуллы хазрата – авторитетного, широко образованного богослова являлось не только делом

¹¹ Корева Н.А. Торгово-промышленная деятельность татарского предпринимательства Казанской губернии в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2014. – С.163.

¹² Фәхредин Ризаэддин. Асар. I том. – Казан: Рухият, 2006. – 84–85 б.

престижа, но и желанием сохранить преемственность в махалле, признанном духовном центре Заказанья. Новый имам принял роль мусульманского проповедника в Уре, после своего родственника Муксина бин Сафара (?–1790), который, в свою очередь, был учеником и воспитанником отца Хабибуллы муллы – Хусаина. Назир бай, стремясь полностью приблизить к себе нового хазрата, выдал за него замуж свою племянницу Бибизубайду, дочь умершего Рахматуллы бин Туктамыша. То есть религиозный клан арских князей, как и прежде, продолжал сохранять сильные позиции и влияние в Служилой Уре.

Мало того, суфийская деятельность Хабибуллы бин Хусаина, приобретшего тысячи мюридов со всей России, и пользовавшегося огромной популярностью у мусульман, дала ему фактически безграничную религиозную власть, которая неминуемо должна была войти в конфликт с интересами Хозясеитовых – капиталистических властителей деревни. Конечно, Хабибулла ишан всего лишь продолжил вековые традиции Уры, всегда являвшейся духовной «столицей» севера Заказанья, притягивавшей к себе отовсюду суфиев, народных проповедников и миссионеров, ищущих знания шакирдов. При нем, благодаря настойчивой миссионерской деятельности, деревня стала называться «Оры шариф» – «Священная Ура», а мюридами, в основном, являлись татары-мишаре, переживавшие этап радикальной исламизации. По сути, Хабибулла ишан, опираясь на авторитет своего рода, классическое бухарское образование, постоянную суфийскую практику, стал полновластным лидером многотысячной общины последователей, большинство из которых начали проживать в ауле, рядом со своим наставником, но не имели никаких родственных связей с исконным населением. Эта архаичная община, характерная для феодальных времен, несшая в себе неистребимую печать средневековья, схоластики и ортодоксии, резко отрицательно относившаяся к «греховным» приметам буржуазного времени, очень быстро начала мешать разбогатевшим промышленникам Хозясеитовым.

Оказалось, что для потомка арских князей, познакомившегося с рынком и капиталом, осознающего ценность времени, уже была не нужна сильная и самостоятельная религиозная организация, способная наставлять даже своего сюзерена. Так началась тяжелая, драматичная борьба между индивидуализмом, меркантильностью, рациональным цинизмом первых татарских буржуа с коллективизмом, духовной со-

зерцательностью, непримиримостью к нарушениям шариата, законсервированной со времен средневековья религиозной общины.

Хабибулла ишан смог прослужить в мечети, построенной Назиром Хозясеитовым всего два года. После череды неприятных конфликтов, в результате которых мюриды хазрата несколько раз сходились в рукопашную с рабочими мануфактур предпринимателя, мулла был все-таки смещен со своей должности. Назир бай заявил по этому поводу следующее: *«Я построил эту мечеть только для себя и своих детей, и, ни один из нас не согласен, чтобы мелла Хабибулла был в ней имамом»*¹³. То есть он, вопреки шариату, расценивал мечеть как личную собственность, к которой ни мюриды ишана, ни все остальное население деревни не имеют никакого отношения. На всю эту ситуацию наложилась враждебная атмосфера в семье самого Хабибуллы бин Хусаина, тяжелейшая ссора с братом, также знаменитым богословом и проповедником Фатхуллой бин Хусаином (1767–10.05.1843). Последний принял сторону Назира Хозясеитова и до конца жизни оставался злейшим врагом Хабибуллы ишана.

Опальный хазрат, имевший собственную ханаку¹⁴ в деревне, особо не нуждался в официальной мечети, однако, так не считало большинство зажиточных предпринимателей из рода Хозясеитовых и Маметевых, которых также раздражали деспотизм и претензии на безусловное лидерство Назир бая и его потомков. По Указу губернского правления от 2 февраля 1802 года, жители построили в непосредственной близости (приблизительно 150–200 м) от каменной мечети новую деревянную, положив начало второму официальному мусульманскому приходу в Служилой Уре. Именно в него и перешел на должность имама Хабибулла хазрат.

В свою очередь, его брат Фатхулла стал личным духовником Назира Хозясеитова, заняв место имама первой соборной мечети. Это тоже был выдающийся священнослужитель, отучившийся в прославленных медресе Каргалы и Бухары, однако, не занимавшийся суфийской практикой. Современники признавали его прекрасным знатоком шариата, высокообразованным богословом и талантливым преподавателем. Перу имама принадлежит ряд религиозных трактатов, которые он писал на арабском языке. Безусловно, для Назир бая этот хаз-

¹³ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 261 б.

¹⁴ Здание для бдений суфиев и дервишей.

рат являлся прекрасной альтернативой мятежному Хабибулле ишану. Купец особо учитывал нездоровую конкуренцию среди братьев, доведившую их до взаимной ненависти. Поэтому, новую ставку он сделал на Фатхулла бин Хусаина, весьма лояльного к официальной духовной власти. В то же время был пущен слух о намерении Хабибуллы занять должность главы Оренбургского магометанского духовного собрания, навлекший на него неминуемый гнев муфтия Мухаметзяна Хусаинова.

Поэтому, в течение последующих двадцати лет, Хабибулла хазрат вынужден был отбиваться от постоянных нападков и преследований как Духовного собрания, так и местной элиты в лице потомков Назира Хозясеитова. В 1802 году, Фатхулла бин Хусаин написал рапорт муфтию, в котором жаловался на самоуправство своего брата, самовольно построившего деревянную мечеть бок о бок с каменной соборной мечетью. Его, как и Назира Хозясеитова, раздражало, что казалось бы навсегда изгнанный из махалли имам, тут же сформировал свою общину, переманив большую часть прихожан, и начал преподавать и проповедовать без официального разрешения. Жалобщик, ссылаясь на законодательное требование об определенном количестве душ для строительства мусульманского культового здания, называл незаконной деятельность брата и просил прекратить службы в его мечети¹⁵. На самом деле ситуация была еще более тревожной. Ш.Марджани писал, что муфтий вообще хотел сжечь этот храм¹⁶. Но, так и не дождался соответствующего решения губернского правления. Определяющую роль в этом сыграла поддержка большого количества односельчан, находившихся в оппозиции, усиливающейся семье Назира Хозясеитова, а также уважавших Хабибулла хазрата за стойкий характер, независимость и высочайший авторитет в мусульманском мире России

Главными его заступниками были представители рода Маметевых, обладавшие знатностью, большими деньгами и влиянием, поэтому способные на равных соперничать с Хозясеитовыми. В ответ на рапорт Фатхуллы бин Хусаина, они направили свое собственное прошение, с просьбой сохранить мечеть и разрешить отправлять обряды в ней Хабибулле хазрату. Доверенный прихожан Габдулмазит

¹⁵ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.3. Д.15. Л.2–6.

¹⁶ Маржани Ш. Мөстәфәдәль әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 261 б.

бин Абдулхаер бин Назир бин Араслан князь Маметев отмечал, что за опального имама высказывается значительная часть Служилой Уры. В результате махаллю удалось отстоять, и она все последующее столетие оставалась крупным центром исламских наук и мусульманского образования.

Фатхулла бин Хусаин также не остался без выгоды. Его поддержка муфтия, безусловная преданность негласным хозяевам Служилой Уры, незаурядные личные качества духовного деятеля, способствовали быстрому продвижению по религиозной иерархии. В 1814 году он удостоился звания ахуна, контролировавшего практически весь Царевококшайский уезд. Впрочем, его влияние выходило далеко за пределы Казанской губернии. Благодаря близости к муфтию, он решал вопросы общемусульманского характера. Современники считали, что ни одно решение в Духовном собрании не принималось без согласования с хазратом. В 1819 году Фатхулла бин Хусаин стал старшим ахуном, он содержал большое медресе, был окружен почетом и богатством. Жизненный успех муллы не избавил его от тяжелой ревности к брату, который также имел общероссийскую известность и популярность. Два выдающихся богослова, как писал Р.Фахретдин: *«два прекрасных хазрата, которых попутал шайтан»*¹⁷, всю свою жизнь вынуждены были бороться за внимание богатой и знатной общины арских князей. Эта борьба постепенно подтачивала самые основы могущественного аула, разлагала души людей, несла смуту и волнения, являлась предвестником грядущего упадка древней деревни.

Такие же губительные процессы происходили в некогда монолитном роде князей Хозясеитовых, многочисленные ветви которого жестоко соперничали между собой за огромные земельные владения, оставленные их легендарными предками, за большие деньги, приносимые мануфактурами и успешной торговлей. Юный татарский капитализм, отягощенный феодальными пережитками, появлялся на свет в тяжелых социальных муках, стремительно разрушая патриархальные устои мусульманского дворянского гнезда, не оставляя ему никаких обнадеживающих перспектив.

¹⁷ Фәхрәддин Ризәәддин. Асар. I том. – Казан: Рухият, 2006. – 85 б.

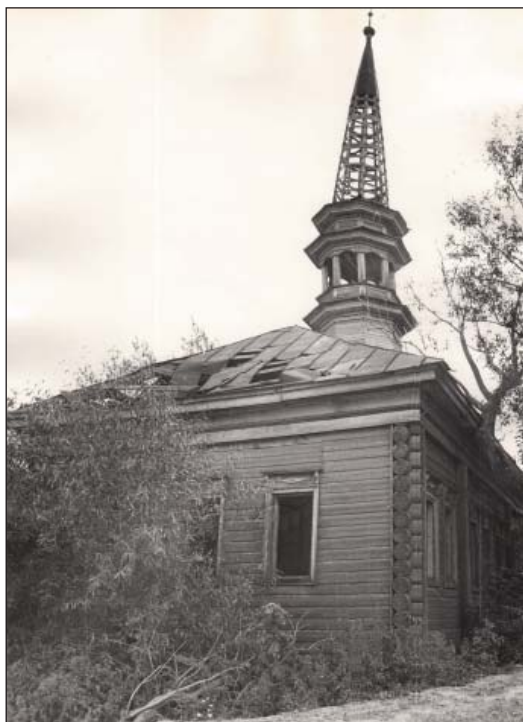
*Тихие улочки
Нижней Уры
хранят память
о столетиях
выдающейся и
созидательной
истории. Фото
А.И.Ногманова*

*Речка Ура, в 1817
году вызвавшая
сильнейшее
наводнение, в
результате ко-
торого погибли
десятки людей.
Это событие
осталось в на-
родной памяти
как «Су вакый-
гасы». Фото
А.И.Ногманова*

*Мемориал жи-
телям Нижней
Уры, павшим на
полях сраже-
ний Великой
Отечественной
войны. Уста-
новлен на месте
первой соборной
мечети. Фото
А.И.Ногманова*

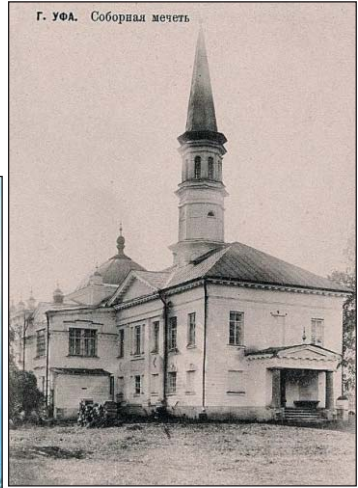
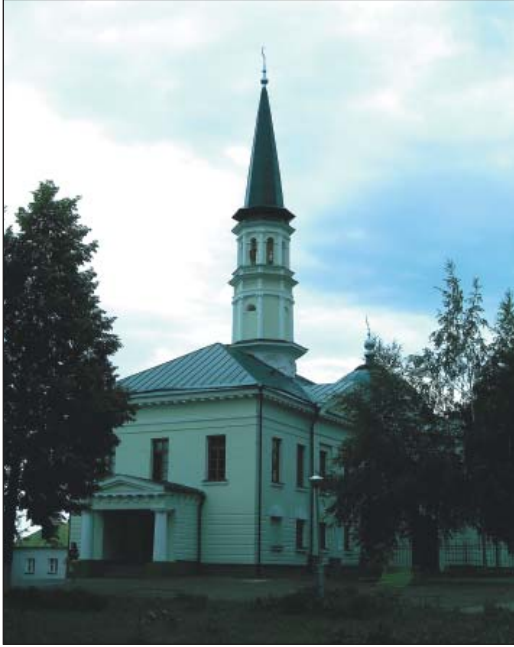

Здание второй соборной мечети 1905 года постройки (не сохранилось). Относилось к махалле, основанной ишаном Хабибуллою Оруви. Фото 1990 г. Архив Института истории им. Ш.Марджани АН РТ

Мечеть д.Ташикичу, построенная в 1817 году купцом Сулейманом Назировичем Хозясеитовым

*Первая соборная мечеть
г.Уфа, построенная в
1830 году на средства
купца Мукмина Тагирова-
вича Хозясеитова*

Гор. Троицк. № 18.
Татарский переулок. Видъ на мечеть.

*Вторая соборная мечеть г.Троицка, построенная в 1835 году
на средства купца Мукмина Тагировича Хозясеитова*

План усадебного устройства деревни Служилая Ура
1856 года. НА РТ. Ф.324. Оп.733. Д.495

Шамайль «Имена обитателей пещеры со свойствами их имен». 1898 г. Автор Мухаметзян бин Халиулла Хозясеитов. Из альбома И.М.Покровского. НМ РТ. КП-7242/4

Шамайль «Священные имена». 1902 г. Автор Мухаметзян бин Халиулла Хозясеитов. Из альбома И.М.Покровского. НМ РТ. КП-7242/1

Шамашль «Второй ковчег Нуха (Ноя)». 1902 г. Автор Мухаметзян бин Халиулла Хозясеитов. Из альбома И.М.Покровского. НМ РТ. КП-7242/2

Шамашль «Аллах – лучший хранитель». Начало XX века.
Автор Мухаметзян бин Халиулла Хозясеитов.
Из альбома И.М.Покровского. НМ РТ. КП-7242/3

*Некрополь д.Нижняя Ура.
Памятник «Лублиде бике».
Установил Биктемир суфии сын
Кильдияра хафиза. 1687–1688 гг.
Фото А.М.Гайнутдинова*

*Некрополь д.Нижняя Ура.
Памятник купцу Сулейману
Назировичу Хозясеитову. 1836 г.
Фото А.М.Гайнутдинова*

*Некрополь д.Нижняя Ура.
Памятник «Великому султану...
сыну Саидгали». Первая
половина XVI века*

*Родовой зират Габдразака
Алма абыза*

*Некрополь д.Нижняя Ура.
Памятник купцу Мукмину
Тагировичу Хозясеитову. 1852 г.
Фото А.И.Ногманова*

*Предприниматель Нигметзян
Мусин, сын казанского мещанина
Мухаммади Мухаметзяновича
Мусина с матерью Махирой,
дочерью Гатауллы. Май 1915 г.
Москва. Фотостудия Новикова.
Фото предоставлено Яриной
Мухаметвалиевной Ризвановой
(род князей Маметевых)*

ГЛАВА III. Токымы Служилой Уры

Утрата родового единства

Изначально Служилая Ура формировалась из нескольких групп сыновей князей Хозясеита Янсеитова и Мурзагильды Маметева, по принципу «токым», распространенном в Карино. Основу села составили четыре токыма, восходящие к братьям Ходаяру, Янморзе и Кильдияру Хозясеитовым, а также сыну Мурзагильды Маметева – Килмамету. Но говорить о полном сходстве все-таки нет оснований, потому что в отличии от родового гнезда в Нократе, земельные владения, пожалованные князьям Уры вплоть до первой половины XIX века не были пропорционально размежеваны и находились в общем пользовании этих двух крупных родов.

Как мы уже отмечали, в течение всего XVII века наиболее состоятельными являлись потомки мурз Ходаяра и Кильдияра Хозясеитовых, а также Килмамета Маметева, обладавшие крепостными крестьянами, некоторые из которых, вероятно, прибыли с ними из Карино. Сыновья Янморзы Хозясеитова не отличались особым богатством, единственным их достоянием была пожалованная земля. Токым Ходаяра мурзы (2 двора) предположительно занимал западную часть деревни, токымы Килмамета Маметева (1 двор) и Янморзы Хозясеитова (1 двор) центральную, самую неудобную, с трудным, изрезанным рельефом, территорию аула, а токым Кильдияра мурзы (1 двор) северо-восточную оконечность деревни, находившуюся на сухой безопасной возвышенности.

Между последними двумя токымами традиционно селились знаменитые абызы и имамы Служилой Уры. Линия Ямеика Байсеитова к концу XVII века пресеклась и прекратила свое существование. К этому времени, роды братьев Ходаяра, Янморзы и Кильдияра Хозясеитовых группировались в деревне отдельными «кварталами», состоящими из трех дворов каждый. Маметевы также проживали в двух дворах¹.

¹ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.139. Л.125(об.)–126(об.).

Изначальное неравенство, заложенное еще в момент заселения Уры, способствовало с одной стороны постоянной конкуренции между тоқымами, с другой сплачивало каждый из них, укрепляло родственные отношения, помогавшие в жестком соперничестве между родами. К середине XVIII столетия численность тоқыма Ходаяра мурзы резко сократилась, в первую очередь, за счет полного обособления отдельных его ветвей, фактически представлявших собой отдельные мелкие тоқымы. В частности, династии Нияза мурзы Хозясеитова и Кутлугуша Биктемирова уже никак не были связаны со своими родичами, потомками Мамеда (Мамая) бин Ходаяра. Они проживали в другой махалле и не отличались богатством.

Поэтому основная борьба за первенство в ауле развернулась между родами Янморзы Хозясеитова и Кильдияра Хозясеитова. Первый из них, скорее всего, значительно укрепил свои позиции за счет растущей численности и удачной торговли, второй, самый богатый и влиятельный, постепенно начал уступать давлению амбициозных конкурентов. Тем более, что некоторые представители этого рода, переселились в Казань, продав свою часть земли своим «заклятым» соперникам. Так, например, мурза Дауд бин Бурхамет (Берей) бин Колы бин Биктимер бин Кильдияр бин Хозясеит, уже являясь жителем Старотатарской слободы Казани, в середине XVIII века за серьезные деньги уступил свои значительные владения Туктамышу бин Муслиму бин Котлы бин Янморзе бин Хозясеиту². Все это обостряло и без того непростые отношения между этими двумя тоқымами.

Здесь следует отметить, что, казалось бы, самые неудобные земли села, доставшиеся тоқыму Янморзы Хозясеитова и находившиеся вдоль речек Ура и Селенгур, в сырой и болотистой низине, стали, по настоящему, бесценными в период промышленного развития. Первые мануфактуры и красильни на этих крестьянских усадьбах, могли получать воду быстро и в неограниченном количестве. Что тоже являлось несомненным конкурентным преимуществом.

Клан мурз Маметевых отличался более сильной родовой сплоченностью. Его представители старались не вмешиваться в запутанные дела Хозясеитовых, но свои права отстаивали решительно, часто выступали арбитрами при возникающих спорах и конфликтных ситуациях, без страха оппонировали монополизму богатых односельчан.

² ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.217. Л.5.

Вообще, жители деревни, всегда сознававшие свое знатное происхождение, в целом представляли довольно замкнутую общину, что, несомненно, сказывалось на установлении новых родственных отношений. По нашим приблизительным подсчетам во второй половине XVIII века, согласно данным 3, 4 и 5 государственных ревизий, 20% всех брачных связей приходилось на родственные токымы аула, около 50% на семьи князей, мурз и служилых татар деревень: Старый и Большой Менгер, Кушар, Мазарбаш, Карадуган, Старый Ашит, Шаши, Кшкар, Айшияз, Пичментау, Казань, Сеитовскую слободу в Оренбурге и другие. То есть важное значение имел сословный фактор. Из близлежащих ясачных деревень в этом ряду можно назвать дд. Ишнарат и Ташкичу. Ареал брачных связей Служилой Уры ограничивался территорией современных Арского и Атнинского районов и, за редким исключением, Высокогорского и Балтасинского районов РТ, иными словами северными районами Заказанья. Показательно, что у арских князей Служилой Уры почти совсем не было брачных отношений с Карино, как впрочем, коммерческих и иных связей. Это наводит на мысль, о возможном серьезном конфликте в среде ноكرатских князей на рубеже XVI–XVII веков, послужившим причиной исхода в Заказанье сыновей и близких родственников князя Хозясеита Янсеитова и дальнейшей их изоляции от родового села. В то же время мурзы Служилой Уры поддерживали тесные отношения со своими сородичами из д.Верхняя Ошма (Ошмабаш), где также обосновались в начале XVII века выходцы из Карино, чья шаджара как и Хозясеитовых, восходила к Галибеку – одному из сыновей Кара бека. Как мы отмечали, некоторые представители рода Байкеевых из Ошмабаша даже переселились в Служилую Уру в первой половине XVIII века. Кроме того, прослеживаются связи с этим селом знаменитой династии абызов и богословов Уры, относящейся к Янсари бин Байсари хафизу.

В самой Служилой Уре все кланы охотнее всего роднились с мурзами Маметевыми, а также представителями рода Ходаяра бин Хозясеита, Янсари хафиза. Потомки Янморзы Хозясеитова, большинство браков заключали внутри токыма и фактически игнорировали династию Кильдияра мурзы, что свидетельствует о достаточно напряженных отношениях между этими двумя родами. Единственный брак, между ними, зафиксированный нами относится к середине XVIII века, когда набиравший силу Туктамыш бин Муслим бин Кот-

лымамет бин Янморза взял второй женой Зулейху Бахтиярову – внучку Тиммамета мурзы из токыма Кильдияра Хозясеитова. Правда, в это время противостояние кланов, не имело ярко выраженного враждебного характера и ограничивалось взаимовыгодными коммерческими сделками, которые сопровождали скупку земли богатеющими потомками Янморзы у терявших былое могущество правнуков Кильдияра бин Хозясеита.

Однако, в последующие десятилетия, по мере быстрого обогащения и стремительного капиталистического успеха представителей одной семьи, ситуация только осложнялась, грозя полным разрушением векового статус кво в ауле, где многочисленные потомки князей Хозясеита Янсеитова и Мурзагильды Маметева владели сообща буквально «золотыми» пашенными, сенокосными и лесными угодьями общей стоимостью не менее 250000 рублей в ценах начала XIX века. Причем, если значительная часть населения рассматривала эту землю как единственный источник существования, как спасительное наследство предков, которое будет поддерживать будущие поколения местных крестьян. То другая, уже вкусившая огромные прибыли от мануфактурного производства и торговли, относилась к общему земельному наделу просто как конкурентоспособному товару или полезной территории, где безболезненно, без арендной платы можно было разместить обширные фабричные комплексы со всей необходимой инфраструктурой.

Поэтому уже в конце XVIII века, Служилая Ура, буквально разрывалась от противоречий и скандальных происшествий, связанных с неразрешимыми конфликтами внутри клана Хозясеитовых, возвышением семьи Назира бин Туктамышша, члены которой, являясь типичными буржуа, пытались править в родном селе с твердостью и коварностью средневековых беков и мурз. Их основными соперниками стали давние оппоненты из токыма Кильдияра Хозясеитова – члены семьи его правнука Назира бин Кутлуша.

В войне все средства хороши

В июне 1798 года в ауле был пойман беглый матрос Надырша Курмангалеев. При обыске у него были обнаружены трут, кремень и огниво, предназначенные, как показал допрос, для поджога домов Назира Хозясеитова и его старшего сына, промышленника Сулеймана.

На проведенном на месте дознании, в присутствии старосты с.Кубьян Мусы Маметева, он сказал, что его за приют и ковригу хлеба нанял Муса бин Кутлуш князь Хозясеитов. Прибывшие представители Царевококшайского нижнего уездного суда, без проведения необходимых правовых процедур, со слов несостоявшегося поджигателя, 19 июня 1798 года, схватили, заковали предполагаемого организатора преступления в кандалы и отправили в уездный центр, в соответчики был призван и его племянник Мухаметшариф бин Дауд князь Хозясеитов.

Решение суда также было торопливым и очевидным. Несмотря на то, что в присутствии муллы, Надырша Курмангалеев изменил показания, сказав, что в деревню его привез из Казани Сулейман Хозясеитов, который, вместе с братом, казанским купцом Мусой бин Назиром, поселив беглеца в доме своего отца, предложил за 25 рублей оговорить дальнего сородича. Однако, вместо ассигнаций, предприниматели предложили ему медные деньги. Их невозможно было спрятать, они с головой могли выдать подкупленного клеветника, поэтому «дезертир» решил отказаться от них и от всей этой дурнопахнущей затеи. Тогда Назир и Муса Хозясеитовы, вместе со своими приказчиками Абдрашитом и Ахмером пригрозили ему «жестокими истязаниями», и, он вынужден был согласиться.

Однако, суд, совершенно не обращая внимания на вновь открывшиеся обстоятельства, в присутствии свидетелей из одной лишь деревни Ясачной Уры, учтя общественный приговор всего лишь 55 крестьян Служилой Уры, приговорил 19 июня 1798 года Мусу бин Кутлуша и его племянника к лишению всех имущественных прав и выселению из села³.

Возмущенная жена приговоренного Мусы Хозясеитова – Хабиба Галеева 2 июля 1798 года направила казанскому губернатору Д.С.Казинскому пространную жалобу на решение Царевококшайского нижнего уездного суда, на действия обидчиков своего мужа. Она утверждала, что свидетели, привлеченные Назир баем сплошь состояли из его близких родственников, работников мануфактур, должников, личных врагов ее семьи. Даже крестьяне из Ясачной Уры, свидетельствовавшие в пользу купца, были замешаны в тяжбе с Мусой бин Кутлушем из-за кражи его лошадей. Почему-то не было заслушено судом мнение крестьян из близлежащих деревень: Уньжи, Старого и

³ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.53. Л.73–74.

Нового Кинера, Старого Ашита, Пичментау и других, которые хорошо отзывались об осужденном. Кроме того, ею приводились сведения о «кумовстве», близкой дружбе представителей суда с Назиром Хозясеитовым, часто угощавшихся в его доме и доме шурина Абдулкарима Абсалямова.

Эта жалоба обнажила всю суть конфликта, заключавшегося в безжалостном самоуправстве одной разбогатевшей семьи, давно уже жившей капиталистическими принципами, презиравшей общинные и родовые устои во имя «дела» и приносимой им постоянной прибыли.

Оказывается осужденный Муса навлек на себя гнев и преследования промышленников своими жалобами в губернскую администрацию на самовольный захват Назир баем и сыновьями общего земельного имения Хозясеитовых и Маметевых. Его возмущало строительство на этой земле промышленных предприятий, загрязнявших своими отходами питьевые водоемы деревни. Из-за чего жители Служилой Уры вынуждены были привозить воду из других населенных пунктов. Для нужд мануфактур массово вырубались окрестные леса, а это создавало дефицит топлива в деревне в зимний период. Рабочие мануфактур, съезжавшиеся в аул из самых разных мест, вели распушенный образ жизни, часто оскорбляли и притесняли крестьян. На все это, мануфактурщики смотрели сквозь пальцы, совершенно не обращая внимание на мнение односельчан.

К чести, губернатора, вникнув в природу конфликта, он оперативно отдал распоряжение Царекокшайскому уездному суду рассмотреть решение нижнего земского суда. Разбирательство длилось полгода и, наконец, 21 февраля 1799 года Муса бин Кутлуш был освобожден из-под стражи, решение о выселении его и племянника Мухаметшарифа отменено. Попытки доказать клевету Назира Хозясеитова окончились ничем, так как ни один свидетель ее не подтвердил⁴.

Несмотря на относительно благополучный исход дела, оно оставило довольно тяжелое впечатление. Стало очевидно, что мир в общине уже никогда не будет восстановлен. Скорее всего, из-за данного разбирательства окончательно разладились отношения промышленников со своим первым имамом Хабибуллой бин Хусаином, который сначала принял сторону своих покровителей и родственников,

⁴ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.53. Л.1–4, 73–74.

а затем, почувствовав двусмысленность и аморальность ситуации, перешел на сторону их оппонентов.

Атмосфера в деревне долгие годы оставалась очень напряженной, страсти были накалены, разлад происходил не только между родами, но и внутри отдельных семей, когда брат ненавидел брата, а сын мог оскорбить отца.

Так, например, еще в 1786 году Назир бин Кутлуш князь Хозясеитов жаловался казанскому губернатору на своего сына Мусу, который злоупотреблял спиртными напитками, скандалил, транжирил семейный капитал, сквернословил в адрес отца и даже угрожал его убить⁵.

Клан Кильдияра, измотанный соперничеством со своими дальними родичами постепенно приходил в упадок. В XIX веке большинство его представителей, ничем не отличались от небогатых крестьян соседних деревень. Разрыв в их положении с фабрикантами Уры был колоссальным. Так, например, сын уже названного выше Мухаметшарифа бин Дауда бин Кутлуша – Хамит, влачил буквально жалкое существование. Он считался «выходцем из-за границы», скорее всего торговавшим в Бухаре, но торговавшим неудачно. Вернувшись в деревню, он даже не имел лошади. Когда в апреле 1835 года Хамит безвести пропал, отправившись пешком в Казань, чтобы купить муки и починить самовар, газета «Казанские губернские ведомости» дала характерное описание его одежды: *«Одет в зиян Мензелинского сукна, и киргизском полосатом поношенном халате, с заплатами на вате, подпоясан синим кушаком, в шапке с лисьим околышем, в белой холщевой рубаше, в бактовых портах, шитых по бухарски, обут в суконных чулках и лаптях»*⁶. У бывшего купца, в наряде которого еще оставался слабый налет добротности, практически не было денег и он, по всей видимости, стал легкой добычей грабителей, не гнушавшихся любой мелочью. Как он отличался от своих более успешных родственников, одевавшихся богато, передвигавшихся на сытых конях в сопровождении приказчиков.

Справедливости ради, следует отметить, что отдельные представители клана Кильдияра во второй половине XIX века продолжали занимать значительное место в сельской мануфактурной промышленности. Это относится к ветви династии с фамилией «Пожаровы», ведущей свое начало с Мусы Назировича Хозясеитова, о котором мы

⁵ ГАРМЭ. Ф.165. Оп.1. Д.44. Л.1.

⁶ Казанские губернские ведомости. №46 от 12 ноября 1838 г.

говорили выше. Его внук Абдулбаки Абдулвалеевич Хозясеитов еще какое-то время пытался поддерживать авторитет своего рода. В 1872 году, будучи царевкокшайским второй гильдии купцом, открыл кумачную мануфактуру в родной деревне на 41 станок, которая, по всей видимости, просуществовала совсем недолго. Фамилия «Пожаров», происходила, вероятно, от кушамата, связанного, в свою очередь, с каким-то происшествием в жизни семьи⁷.

Официальное разделение села на две махалли, произошедшее в 1802 году, очевидно, зафиксировало глубокий кризис родовых отношений, начавшийся и уже неотвратимый процесс распада токымов. В первой соборной мечети прихожанами остались только потомки Котлымамета бин Янморзы, наиболее богатые представители ветви Бикмета бин Янморзы, одна семья из клана князей Маметевых, семья Пожаровых из рода Кильдияра Хозясеитова и ряд других, консолидировавшихся на основе общих деловых интересов, династийных браков, и, конечно же, определенном финансово-имущественном цензе.

Ко второй мечети относились остальные жители села, представлявшие все основные токымы Служилой Уры, восходившие к Янморзе, Ходаяру, Кильдияру Хозясеитовым, Килмамету Маметеву. Причем первая махалля считалась байской, купеческо-мещанской общиной, а вторая, по большей части, крестьянской. Хотя и в ней тоже проживали очень богатые семьи, состоявшие в «благородных» сословиях, но не нашедшие общего языка с Назир баем и его сыновьями. По численности, второй приход почти в два раза превышал первый. Поэтому, баланс между капиталами мусульман одной махалли и численным большинством другой, также далеко не бедной, общины, являлся фактором непрекращающейся конкуренции, продолжающегося бесконечно долго, но совершенно бесплодного противостояния. Напряженность в отношениях стала постепенно спадать лишь полвека спустя, в период монополизма Мукмина Хозясеитова и выравнивания общего благосостояния жителей села.

Интересно, что процесс исламизации общественных институтов, начавшийся по воле Оренбургского магометанского духовного собрания, выступил здесь в качестве эффективного оружия, безжалостно уничтожавшего, в угоду жестким капиталистическим реалиям, вековые основы, на которых строились родственные объединения. Так,

⁷ НА РТ. Ф.2. Оп.3. Д.99. Л.4–13.

под давлением огромных денег, рациональных интересов и стимулов, теряющие силу и единство токымы, начали уступать место мусульманским приходам, позволявшим объединяться людям одного круга, без особой оглядки на кровное родство и традиции.

В нашем случае можно вести речь о некоторой «шизофреничности» социальной ситуации в Служилой Уре, когда в сугубо капиталистической махалле деревни, роль имама, шариата и коллектива практически не имела значения. В ней доминировал фактически средневековый сюзерен, в лице сначала Назира Хозясеитова, а затем его сына Сулеймана и внука Мукмина.

Во втором приходе, куда входили в большинстве своем так называемые иганчелэр или заригатчелэр («земледельцы»), напротив торжествовала коллективная воля, было высоким влияние хазрата, неуклонно соблюдались интересы всех фамилий села. Все это также являлось источником непрекращающихся противоречий, взаимных обвинений и вражды.

Следует особо отметить, что духовное и общественное разложение происходило на фоне роста показной религиозности. В селе действовало два крупных медресе, в которых обучались сотни шакирдов из разных уголков татарского мира, здесь всегда служили самые образованные имамы и мударрисы, многочисленные мюриды и дервиши проводили свои бдения, богатые купцы не жалели средств на строительство мечетей.

«Библейский» потоп или наказание за грехи

Этот драматичный диссонанс чувствовался каждым жителем села. Поэтому, когда 1 июня 1817 г. в Служилой Уре произошло стихийное бедствие с большим количеством погибших, многие расценили его как заслуженную божью кару. Речь идет о неожиданном и очень сильном ливне, вызвавшем выход из берегов близлежащих рек и спровоцировавшем затопление всей деревни. В народной памяти оно осталось как «су вакыйгасы» (водное происшествие), погубившее 82 человека, унесшее сильнейшим потоком большое количество имущества, жилых домов и общественных зданий⁸.

⁸ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 263 б.

Невиданное прежде и никогда более не повторявшееся событие, в относительно маловодной местности действительно представлялось мистическим, наводило на мысль о чем-то проклятии. Ходили слухи о некоем дервише, который бродил по богатым дворам Уры и просил попить воды. Везде его грубо, с криком прогоняли и лишь одинокая, бедная старушка гостеприимно приняла суфия, выполнив его просьбу. Когда он покинул деревню, сразу же в светлом небе появилась большая туча, которая разразилась чудовищным дождем, вызвавшем наводнение, погубившее дома и людей, прогнавших со своего порога странствующего старика⁹. Это, конечно же, легенда, но имеющая, безусловно, назидательное содержание, отражающая тогдашнюю народную оценку моральной атмосферы в сказочно разбогатевшей деревне.

Судя по двум вариациям байта, описывающим природную катастрофу, она произошла в пятницу, в послеобеденное время, начавшись во время намаза икенде и достигшая своего апогея во время намаза ахшам¹⁰. Сильнейший ливень с крупным градом и ураганным ветром вывел из берегов речку Уру и все ее притоки, поднял трехметровую волну и погнал ее по узким улочкам аула. В мгновение ока поток снес множество домов, где находились ничего не подозревающие люди. Погибло много детей, разом утонули или осиротели целые семьи. В байте, в частности, говорится о мулле Габдельхалике, который, высунув голову из окна, уносимого волной дома, вплоть до самой своей гибели, продолжал читать зикр. Вместе с ним погибла и его жена, чье тело так и не нашли.

Огромный урон понесли и знаменитые фабриканты Уры, дети Назира Хозясеитова, домовладения и мануфактуры которых, находились в центре села, в низине, примыкавшей к реке. Очень сильно пострадало имущество одного из них – Мухамета (в других версии Мухмута). Постройки с его участка, в том числе фабричные строения и склады вместе с 10 работниками и прислугой, унесло далеко за пределы деревни, хотя сам он остался жив¹¹. То же самое произошло с мануфактурами его братьев – Хасана и Мусы. Сами они в это время находились по торговым делам в Семипалатинске. Последствия для

⁹ Хаков Б. Су вакыйгасы // Татарстан яшьләре. №66 от 2.12.2010 г.

¹⁰ Оры бәйте // Милли-мәдәни мирасыбыз. Мари Эл тагарлары. Бәрәңге. – Казан, 2012. – Б.66–68. Татар халык ыжаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.27–28.

¹¹ Татар халык ыжаты. Бәетләр. – Казан, 1983. – Б.27–28.

местных предпринимателей были ужасающими. От самой Служилой Уры до деревни Коллар, на протяжении нескольких километров, в грязи лежала испорченная бумажная пряжа, предназначавшаяся для изготовления кумача.

Разбросанное в близлежащих полях имущество привлекло к себе много мародеров и воров, растаскавших до прихода хозяев, все, что представляло хоть какую-нибудь ценность. Впоследствии, жители Уры обратились на имя императора с просьбой, помочь в ликвидации последствий наводнения и компенсации материального ущерба. Так, Мухамет Хозясеитов потерял недвижимости и заводского сырья на 45000 рублей, а его брат Муса на 140000 рублей¹².

Менее всего пострадали мечети. Мужчины, находившиеся на намазе, уцелели, а вот их кони, ждавшие хозяев во дворе на привязи, были сметены внезапной волной. Затопило полностью одно из медресе, скорее всего, относившееся к махалле Хабибуллы ишана. В баите говорится, что мутный поток уносил Кораны, другие религиозные книги. Утонули несколько шакирдов.

Тела погибших людей, туши лошадей еще долгое время находили у аула Коллар и даже дальше, на берегу реки Ашит.

Губительное наводнение прогремело и в губернском масштабе. Газета «Казанские известия» посвятила ему специальную статью, представив подробную картину стихийного бедствия, которая, хотя и отличалась в деталях от народных преданий и баитов, но в целом свидетельствовала о глубоком драматизме произошедшего. Автор материала не говорил о мистике, но рассуждал о божественном провидении в виде обширного грозового фронта, шедшего с юга со стороны Симбирска, задевшего краем село Нижний Услон на правобережье Волги и ударившего всей своей мощью по Служилой Уре.

Вот, что писал современник: *«Весна в нынешнем году открылась здесь несколько ранее в сравнении с прежними годами. С самого начала оной по 1-ое текущего июня стояла хорошая погода, которая прерываема была по временам дождями, и мы со всех сторон получали приятные известия, что как озимый, так и яровой хлеб подают сладкую надежду к изобильному урожаю. Но 1-го июня в 9-ть часов пополудни покрыло горизонт наш густое, сильно электрическое об-*

¹² Оры бэйете // Милли-мэдэни мирасыбыз. Мари Эл татарлары. Бэрэнге. – Казан, 2012. – 68 б.

лако, пришедшее с юго-запада, из которого в течение 3 часов лился крупный дождь при весьма сильном ветре и непрерывном блеске молнии, громовыми ударами сопровождаемый. Честь села Нижние Услоны называемого, лежащего на правом берегу Волги в 10 или 12 верстах от Казани по прямой линии, сделалось жертвой грозы сей. В нем молния ударила в крышу одного дома, зажгла оную снизу – и двадцать два двора превратились в пепел. Благодарение Богу! Что ни один из жителей села не погиб при сем несчастном происшествии, что даже и скот весь спасен из пламени. Благодарение Богу! Что и город Казань много пострадавший от бывшего в 1815 году большого пожара, ни малого вреда не потерпел в сие время.

Но величайший ужас нанесло сие громовое облако деревне Уре, населенной зажиточными служилыми татарами, находящейся в Царевококшайском уезде, в 50 верстах от Казани, и очень известной своими кумачными фабриками. Здесь беспрестанно происходили громовые удары, лился чрезвычайно сильный дождь и полосой шел крупный град, которым во всех домах выбиты были стекла, а в огородах повреждены овощи. От дождя оною в ручье, протекающем по среди деревни Уры, в продолжении получаса столько скопилось воды, что она выступив из берегов образовала большую реку, которая имела глубины до 7 аршин (более 5 м. – прим. авт.), и с быстрым своим течением увлекла с собой строения, людей, скот и словом все, что только на ее пути встречалось.

Разрушенные водой строения, различное имение и другие легкие вещи снесло вниз верст на двадцать. Сие ужаснейшее явление природы продолжалось там до полуночи, в которую буря утихла и небо очистилось, а к рассвету и вода сбыла, оставив по себе следы горестнейшего опустошения. Из донесения Царевококшайского земского суда Казанскому губернскому правлению явствует, что при сем печальном и ужасном происшествии потонуло 15 человек, из коих 12 найдены, а прочие не отысканы; сверх того снеслось еще 12 человек; разнесено и неотыскано: кумачная фабрика в 1150 рублей, дом со всеми при нем службами в 1150 рублей, разных заведений при фабриках бывших на 7620 рублей, припасов и инструментов потребных к производству изделий на 26000 рублей, разных строений и служб к домам принадлежавшим на 11273 рубля, 70 копеек, разных товаров и кумачей на 45200 рублей, разных домашних вещей, экипажей и припасов на 8428 рублей, денег Государственными ассигнациями на

1520 рублей, различного другого имения на 8326 рублей, лошадей 11 оцененных в 2110 рублей, рогатого скота 63 головы на 1400 рублей, домашних птиц на 227 рублей, 3 мукомольных мельницы, оцененных в 405 рублей 30 копеек, запасной магазин с хлебом; у одного дома снесен корпус с места, поправление коего будет стоить не менее 3500 рублей; всего же убытку, по исчислению помянутым Земским судом учиненному, потерпела деревня Ура на 118.394 рубля...

Достопримечательно, что вскоре после описанной бури, настала здесь сырая, по летнему времени холодная, дождливая, совершенно подобная осенней погода...»¹³.

Конечно, официальные данные об ущербе деревни несколько отличались от сведений, сохранившихся в народной памяти, в том числе и о количестве жертв. Напомним, что Ш.Марджани говорил о 82 погибших, а земский суд о 15 утонувших. Но здесь необходимо учитывать тяжелый шок населения, который возможно гипертрофировал число жертв и материальный урон. Официальная статистика также могла оперировать неверными цифрами, применяя собственные критерии финансовых потерь и попросту не зная о погибших работниках мануфактур или шакирдах медресе, временно проживавших в Служилой Уре. Но даже зафиксированную сумму убытков, властям компенсировать не пришлось. Пока информация о стихийном бедствии гуляла по высоким инстанциям: от казанского губернатора, до министра полиции и кабинета министров Российской империи, а затем обратно, выяснилось, что менее чем за полгода, жители Служилой Уры полностью и за свой счет восстановили разрушенное, не запросив у государства ни копейки. Только после настоятельного запроса казанского гражданского губернатора, в ноябре 1817 года, просьбу о пособии в 100 рублей на поправку дома попросил единственный из всего аула человек, крестьянин-бедняк Халит Абдрахимов¹⁴.

Так или иначе, июньский потоп в ауле всеми сторонами: местными жителями, губернской общественностью, уездными органами управления, однозначно оценивался как катастрофический. В истории деревни он навсегда остался страшным символом расплаты за богатство, успех, жестокие распри и гордыню.

¹³ Казанские известия. № 49 от 20 июня 1817 г.

¹⁴ РГИА Ф.1263. Оп.1. Д.251. Л.37–44.

Это трагическое событие особенно потрясло Хабибуллу ишана, искренне веровавшего в свою святость и добродетель, а, следовательно, и покровительство Всевышнего. Когда, мощная волна унесла и разрушила два его собственных дома, лишила жизни односельчан, сподвижников и родного брата Губайдуллу, он расценил это как личное наказание. Не успокаивало его даже то, что сам шейх чудом спасся, выплыв, из губительной стремнины. Душевные терзания и физические травмы окончательно подорвали здоровье мятежного хазрата, который, так и не оправившись от шока, год спустя скончался.

Дело своего знаменитого отца, став 20 декабря 1819 года имам-хатибом второй соборной мечети, продолжил его сын Галим (1797–10.04.1882), также являвшийся, хотя и не широко известным, шейхом, обладавший более уравновешенным характером, но, тем не менее, также славящийся своими глубокими знаниями Ислама. Он прослужил в мечети более 60 лет, оставив после себя наставниками махалли сыновей Мухаметгарифа и Мухаметшарифа. После кончины Хабибуллы ишана, чьи мюриды постепенно разбрелись кто-куда, количество шакирдов в общинном медресе уменьшилось. Еще раньше в 1809 году умер всесильный Назир бай, сыновья которого Сулейман и Муса сосредоточились на ведении своих семейных предприятий. Все это способствовало некоторой стабилизации обстановки в деревне.

Восстание родичей

В то же время уже ничто не могло остановить маховик внутри-общинного кризиса, когда отдельные преуспевающие семьи начали самовольно на общей земле строить мануфактуры, вырубать лес, по рыночному варварски пользоваться угодьями. Произошедший позже, раздел имения, уже никак не мог способствовать какому-то компромиссу, в связи с прогрессирующим ростом населения и появлением большого количества семей, претендующих на свою долю общего достояния. Большой вопрос наследственной земли только усугублял рано обнажившиеся социально-психологические проблемы, процветающего, на первый взгляд, аула. Поистине феодальный монополизм потомков Котлымета бин Янморзы бин Хозясеита, органично совмещавших прогрессивность преуспевающих буржуа с жестокими «атавизмами» средневековых беков, их довлеющая власть над не менее знатными сородичами, провоцировала череду бесконечных межличностных, внутрисемейных, внутриобщинных конфликтов.

Поэтому затишье было недолгим. В 1811 году началось новое, затяжное и довольно жесткое противостояние между кланом разбогатевших промышленников и остальными жителями села. Можно сказать, что именно в это время окончательно завершилась история кровного и духовного единства арских князей в Служилой Уре, когда сами представители родственных семей начали требовать равного подушного раздела, оставленных предками земельных угодий. По сути, в деревне произошло самое настоящее восстание против семьи Назира Хозясеитова, когда наиболее авторитетные представители общины: Якуб бин Халилулла бин Амин Бин Бикмет бин Янморза бин Хозясеит (происходил кстати из одного токыма с знаменитыми промышленниками), братья Монасып и Таир бин Габдрахман бин Калим Маметевы, так и не дождавшись положительного решения губернских властей, самостоятельно разделили между односельчанами общую для двух княжеских фамилий землю. Этот отчаянный шаг был вызван настоящей вакханалией захватов общинной земли многочисленными сыновьями, внуком и близкими родственниками Назир бая, которая им как воздух требовалась для дальнейшего расширения мануфактурного производства, увеличения жилых усадеб, возведения складов, амбаров и других построек фабричной инфраструктуры. Мало того, местные нувориши начали производить коммерческие операции с захваченной землей, вызывая естественное возмущение совладельцев. Особенно пострадали от этих действий обширные владения токыма, в который входили потомки Кильдияра Хозясеитова.

Во всю эту сумятицу и были вынуждены вмешаться наиболее уважаемые мурзы Служилой Уры и, по собственной инициативе, произвести неформальный подушный раздел, чтобы у каждого клочка фамильной земли имелся конкретный защитник и хозяин, способный хоть как-то противостоять захватам разбогатевших предпринимателей. Их поддержала вся деревня, каждый домохозяин, вполне оправданно опасавшийся не только за общее наследство предков, но и за собственную усадьбу. Мало того, односельчане вновь стали требовать сноса фабрик, выстроенных у местных водоемов, которые стали непригодны, даже для хозяйственных нужд, так как оказались загрязненными промышленными отходами: золой, жирами и краской. Они силой начали возвращать в общее владение пашни и сенокосы, самовольно присвоенные сыновьями Назира Хозясеитова. В частности, сильно пострадал его сын Халит, лишившийся значитель-

ного количества земли под энергичным напором сельчан. Слабые оправдания о наследственных правах на нее, о том, что еще дед Туктамыш бин Муслим, приобрел данное имущество у Дауда бин Бурхамета (Берей) бин Колы бин Биктимера бин Кильдияра бин Хозясеита, не возымели никакого действия¹⁵.

Губернские власти тоже ничего не могли сделать, годами ожидая соответствующий вердикт Правительствующего Сената. Упорное сопротивление бывшего феодального гнезда беспощадным капиталистическим тенденциям, набирало силу, и готово было продолжаться бесконечно. Первыми не выдержали новые буржуа. Через восемь лет, после разгоревшегося конфликта, 1 июня 1819 года Исхак Назирович Хозясеитов обратился к императору с жалобой на действия Таира Маметева и его единомышленников. Дело, переданное в Царевokokшайский уездный суд, долго разбиралось и, в конце концов, было вынесено решение, отказывающее просителям в жалобе. Захват и самовольный подушный раздел земли был фактически узаконен.

Однако, это совсем не означало благополучного завершения земельной эпопеи. Нерешительность властей казалась понятной и очевидной. С одной стороны «обыватели» деревни, самостоятельно разделив подушно имение, преступили закон, с другой, агрессивное присвоение общинных угодий одной семьей, грозило самыми неприятными последствиями и тоже не имело ничего общего с элементарным соблюдением права.

Поэтому, Казанская судебная палата, получив апелляцию, в 1825 году постановила отменить прежнее решение Царевokokшайского уездного суда и вернуть, отобранное имущество Халита Назировича Хозясеитова, который тут же, «от греха подальше» продал ее своему родственнику. Позиция внуков Назир бая подкреплялась многочисленными документами: купчими крепостями и грамотами. К тому же формально действия жителей Служилой Уры, пошедших в наступление на богатых мануфактурщиков являлись не законными¹⁶.

Но в то же время в Служилую Уру были направлены землемеры для осуществления замеров всех насильно захваченных участков земли. Впрочем, бюрократические проволочки существенно затянули эту крайне необходимую процедуру, что привело к обострению давнего противостояния.

¹⁵ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.217. Л.5.

¹⁶ РГИА. Ф.1151. Оп.1. Д.101. Л.2–3 (об.).

Причем оно приобрело еще и сословный характер, так как все потомки Назира Хозясеитова, обладавшие огромными для аула капиталами, приписались в уездное купечество или мещанство, постоянно подчеркивая свой высокий статус перед остальной «чернью» Служилой Уры. Они быстро пришли в себя и, воспользовавшись ситуацией, пошли в наступление на взбунтовавшихся родичей. В 1822–1826 годах самые успешные и богатые промышленники Уры Сулейман Назирович Хозясеитов и внук Назир бая Мукмин Тагирович Хозясеитов продолжили захваты больших участков общей земли, врезать территории своих дворов в домовладения соседей. Жертвами их становились и близкие родственники из собственного токыма, и давние соперники из токыма Кильдияра.

Масштаб таких притязаний постепенно принимал угрожающий характер и вынудил сельчан в 1826 году обратиться с просьбой к уездному землемеру, который еще в 1822 году по решению уездного суда провел аналогичную работу, не принеся никаких результатов, вновь прислать специалистов для замеров, захваченных угодий и добиться, наконец, справедливого решения. Землемер, в свою очередь, сообщал в уездный суд, что конфликт перерос в сословное противостояние между арскими купцами, мещанами и просто обывателями села. Он отмечал со слов поверенного жителей Уры Бикчентая Абселямовича Хозясеитова, что первые из них, несмотря на малочисленность, *«пользуются оной землей усильственным образом... засевают оную хлебом и занимают в покосе, а также застраивают разными фабриками произвольно сколько им потребно, яко свою собственность, в чем им обыватели Служилой Уры не осмеливается никто никакого делать воспреещения; по причине той, что на фабриках имеют разного сословия людей, человек по сто, то оных тот час посылают какое место похотят запахать или занять: следовательно таковое число людей обыватели никак не в силах от того удержать, да и по всем своим просьбам не могут нигде получить справедливой защиты, тем более, что купцы они значительные капиталисты»*¹⁷.

После заявления землемера суд начал расследование, которое продолжалось неоправданно долго, с 1826 по 1835 год. Вероятно, большую роль в этом сыграли коррупционные связи и в целом презрение к праву, а также правам односельчан со стороны промышлен-

¹⁷ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.257. Л.3.

ников. Ровно то, на что жаловались крестьяне Служилой Уры. В ходе судебных опросов обнажился масштаб холодного рационализма первых татарских капиталистов, которые ради расширения своего дела, личных подворий, сельскохозяйственных площадей, готовы были лишиться имущества членов своих семей. Так, Усман Сулейманович Хозясеитов выстроил кумачную фабрику на земле, отобранной у его родного дяди – Халита¹⁸.

Особое возмущение сельчан вызвали действия Мукмина Хозясеитова, вырубившего под луг для сенокоса, общественный подлесок. Купец пустил на дрова для собственных нужд 24 дуба, ели, липы, березы и вязы. В условиях растущего населения деревни, соответственно с появлением дефицита земли такое посягательство на общее достояние, рассматривалось не просто как преступление, но и предательство общины¹⁹.

Их, безусловно, поддержал землемер, заявивший 19 ноября 1833 года, что *«Земля усильно завладенная Хозясеитовым (М.Т.Хозясеитовым. – прим. авт.) ни в каком случае не должна ему принадлежать как собственность казны и казенных поселян, наделенная им по числу душ. За несправедливое и усильное завладение купец Хозясеитов неминуемо должен быть подвергнут законному взысканию»*²⁰. Впрочем, решение царевкокшайского уездного суда от 13 сентября 1835 года, как и желание Мукмина Хозясеитова заключить мировое соглашение с односельчанами не дали никаких результатов. Возвращать уже захваченные площади никто не собирался. Правда насильственное приобретение земли тоже прекратилось, в первую очередь из-за объективного ослабления, а то и повального разорения мануфактурщиков в середине XIX века. Более выгодным стало приобретение угодий на стороне, которые и стоили дешевле, и не сопровождались бесчисленными и болезненными конфликтами интересов.

¹⁸ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.257. Л.14 (об.)–15.

¹⁹ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.257. Л.22.

²⁰ ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.257. Л.100.

ГЛАВА III. Мироздание аула: амбиции и свобода

Кровные узы

Было бы крайне неверно и несправедливо представлять жизнь прославленного аула только как череду жестоких ссор, холодной и беспощадной конкуренции, пронизанной бездушным практицизмом. Напротив, вся история Служилой Уры представляет нам замечательные примеры, не просто физического выживания, но и достижения амбициозных целей, гордости, достоинства, милосердия. Противоречивость, поведенческая многоликость жителей живого, буквально бурлящего, села, сочетавшая как стремление к единству, так и небрежное отношение к родственным узам, меркантильный эгоизм с высоконравственными поступками, не должны вводить нас в заблуждение. Это не лубочная картина мира, а отражение реальной, очень болезненной трансформации татарской деревни, связанной с нарушением баланса между ее оседлыми и номадическими основами.

В этом смысле необходимо поразмышлять об особом микрокосме Служилой Уры, ставшем на определенном этапе главным фактором успеха ее жителей, и, последующим его разрушением, обусловленным, как это не парадоксально, логикой его собственного развития в условиях нарождающегося капитализма.

Хотя понятие микрокосма (малого мира) больше относится к категории физики и философии, тем не менее, оно, в последнее время, становится определенным инструментом при изучении сложной среды автономных социальных объектов, в том числе деревень, сельских общин, махаллей, других общественных и этнокультурных институтов. Р.С.Хакимов первым обратился к микрокосму татарского села, который «нельзя воспринимать только как ограниченность в пространстве и связях, он моделирует многие процессы, которые встречаются в мире, по крайней мере, дает возможность отработать некоторые навыки, позволяющие их использовать впоследствии, перенеся на более широкий класс отношений»¹. По мнению историка,

¹ Хакимов Р.С. Историческая этнология: парадигма и инструментарий. – Казань, 2012. – С.130.

микрокосм татарской деревни является полем для приложения энергии, проявления способностей, развития навыков и лидерства.

Конечно, малый мир каждого аула имеет свои уникальные особенности, но он, безусловно, обладает и общими параметрами, моделью, заданными ходом этнической истории.

Для Служилой Уры, как и для многих других татарских деревень Заказанья, было все-таки характерно относительно позднее возникновение. Да, бесспорно, и мы это, отмечаем, селение уже существовало во времена ханства. Об этом свидетельствуют сохранившиеся надгробные памятники, устные предания, косвенные данные шаджара.

Однако, связать напрямую историю деревни периода татарской государственности с родами, обосновавшимися здесь во второй половине XVI – начале XVII века, часто бывает просто невозможно, в силу отсутствия каких-либо фактических оснований. Учитывая последствия военных действий на заказанской территории, массовый исход мусульманского населения, реквизицию и раздачу поместий неблагонадежной татарской знати, князьям и мурзам лояльным новой власти, а значит решительную перестройку прежних владельческих отношений, мы не можем с уверенностью говорить о какой-либо преемственности и вынуждены иметь дело фактически с новой действительностью старинных мусульманских аулов.

Кроме того, важным фактором являлся полукочевой образ жизни татарских родов, кланов, групп, постоянно мигрировавших по территории Заказанья, основывавших и покидавших населенные пункты из-за соображений безопасности, экономической выгоды и другим причинам. Поэтому сегодня нельзя достоверно утверждать, что, например именно князья Яшуревы и мурзы Утеевы, а ни какие-то другие семьи, были владельцами сел Кошар и Старый Менгер в эпоху Казанского ханства. В знаменитой деревне Кшкар потомки князя Камая Смиленова, впоследствии богатые мануфактурщики Усмановы поселились только в XVII столетии, при этом существенно потеснили прежних владельцев мурз Ямбаевых.

В Служилой Уре ситуация более очевидная. Имея многовековую историю, она получила новое настоящее в первой половине XVII века с подселением многочисленного рода князя Хозясеита Янсеитова, пришедшего с собственным духовенством и крепостными людьми из Карино. Если, даже, согласиться с тем, что до него здесь уже жили представители клана Кара бека, восходящие к его сыну князю Муха-

меду (Маметевы), всеравно это был уже совершенно другой аул, с иной планировкой, иным количеством населения, иными традициями и системой взаимоотношений. Тем более, что по преданиям, бытовавшим в Уре, Хозясеитовы, буквально силой выдавили отсюда прежних хозяев села – потомков Манаш тархана.

Прочное оседание на земле аула Ура, довольно большой ветви каринских князей, находившихся в тот период в стадии активного передвижения в северной части Казанского и восточной части Уфимского уездов, сопровождалось формированием устойчивых территориально-родовых структур – токымов. Они, особенно в первых поколениях, характеризовались довольно жесткой структурой, предусматривающей непререкаемый авторитет главы семейства и определенной закрытостью от других родственных линий и токымов. В дальнейшем, в связи с ростом населения, в рамках этих объединений, начали выделяться новые семьи, в миниатюре повторявшие иерархию токыма. Это нашло отражение в кучевой планировке деревни, зафиксировавшей обособление взрослых сыновей, так и не вышедших из-под опеки отца, живших на общем дворовом участке, огражденном от других родственных фамилий заборами или хозяйственными строениями².

Впрочем, если судьба благоволила семейству, и оно приобретало все больше и больше потомства, токым выходил за границы своей территории, постепенно теряя свою племенную организацию. Так произошло с родом князей Маметевых, начинавших свою историю с одного человека, но впоследствии разросшегося до трети населения всей деревни и занимавшего около половины ее территории. То же самое можно сказать и токыме Янморзы Хозясеитова, имевшего многочисленные ответвления, каждое из которых возглавлялось своим родоначальником. Поэтому, по крайней мере, в добуржуазный период, в селе существовал своеобразный паритет глав обособленных семейных ячеек, что подразумевало в целом демократичность отношений, возможность консолидации при решении общих задач.

Древняя, идущая еще с кочевых времен тенденция образования новых отдельных племен из одного кровного источника, в связи с оседлым образом жизни, замораживалась на ранней стадии, ограни-

² Надырова Х.Г. Принципы организации застройки городов Казанского ханства // Известия КГАСУ. – 2012. – №2. – С.31–33.

чиваясь лишь общим территориальным размещением в пределах условного квартала и изменением общей родовой тамги³.

Так, например, главный знак клана Кара бека – хас тамга – свастика, оборачивающаяся по часовой стрелке, использовавшаяся еще Янморзой Хозясеитовым, стала распадаться на разные элементы, которые брали в качестве своих фамильных «гербов» его потомки. Сыновья Бикмет и Котлы, а затем и их дети, начали применять различные части данной тамги, направленные уже против часовой стрелки.

Род Кильдияра Хозясеитова, в основном, продолжал использовать тамгу в ее классическом виде. Очевидно, что наибольшую обособленность приобрела ветвь Ходояра Хузясеитова, составлявшая свой знак из различных комбинаций отдельных частей хас тамги.

Маметевы, вероятно, происходившие от старшего сына Кара бека – князя Мухамеда, оставили себе от свастики наклонный крест, также солярный символ, применявшийся с некоторыми добавлениями и вариациями. Наибольшей популярностью у различных династий рода пользовалась тамга «песочные часы», в вертикальном и горизонтальном положениях (см. приложение III).

Таким образом, основу микромира Служилой Уры, как и во многих других татарских аулах, составляло родство ее жителей. Однако, родство осознанное, освященное великими деяниями предков и знатным происхождением. В здешних семьях бережно хранились родословные списки, берущие свое начало еще в XII веке, указывающие на кровные узы с выдающимися тюркскими ханами, эмирами, беками и полководцами. Это – то, о чем писал Ш.Марджани, особо указывая на гордость и достоинство жителей деревни. Кстати, в Служилой Уре вплоть до начала XX века жили только потомки Кара бека, в первую очередь Маметевы и Хозясеитовы, а также мурзы Байкеевы из Верхней Ошмы, служилые татары Туйметовы и Сулеевы из Карино. Никто другой не мог войти в эту закрытую общину. Исключение составляли лишь представители духовного сословия и бывшие дворовые люди. Хотя, в селе на правах наемных работников жило большое количество крестьян из самых разных деревень Заказанья.

³ Хисамутдинов Г.М. Общественные отношения // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: «Наука», 1967. – С.221–222.

Культ труда и жажда успеха

Из самой сути родовой организации, восходящей еще к кочевым временам, происходит особое качество местных жителей – высокая конкурентность между близкими семьями и династиями, которая в условиях бескомпромиссной борьбы за выживание превращалась в энергичную конкурентоспособность. Члены клана, проживавшие на одной территории, имевшие общие, порой ограниченные ресурсы постоянно состязались между собой в освоении промыслов и ремесел, приобретении навыков, трудовом самопожертвовании, необходимых для достатка и, соответственно, продолжения рода.

Более века в Служилой Уре принципиальным объединяющим фактором являлись обширные поместные владения, пожалованные князьям Маметевым и Хозясеитовым, дававшие их потомкам не просто выгодные «стартовые» условия на новом месте, но и гарантии дальнейшего развития и успеха. Масштаб поместья впечатлял. В современных цифрах, оно составляло почти 2500 гектаров, из которых 605 гектаров приходилось на лиственные и смешанные леса, а остальные угодья занимали пашни, луга, выгон для скота. Здесь же в реку Ура впадала речушка Селенгур, в поймах которых находились прекрасный сенокос, а также густые чащи с разнообразными деревьями и кустарниками. Конечно, большая часть земли была отдана под трехполье, причем озимые и яровые культуры занимали сравнительно небольшую площадь.

Очевидно, что основными занятиями мурз Уры были промыслы и животноводство. Сухой выгон для скота даже в середине XIX века продолжал занимать фактически весь центр села и уходил далеко за его пределы. Многочисленное поголовье коров, овец, табуны лошадей, регулярно пополняемые из оренбургских степей, давали сытость и достаток, и что самое существенное, являлись товаром, предназначенным для мясомолочного и сырьевого рынков государства.

В целом организация хозяйственной жизни деревни в чем-то сохраняла древние тюркские традиции, заключавшиеся в развитом скотоводстве, обрабатывающих промыслах, торговом обмене и сравнительно скромном земледелии. Чрезвычайно популярным и развитым делом в семьях местных крестьян было домашнее ткачество, искусство, которого передавалось из поколения в поколение с незапамят-

ных времен⁴. Основным сырьем этого промысла являлась шерсть, что можно считать явным продолжением кочевой хозяйственной традиции. Однако, длительное проживание потомков Кара бека в регионе Карино, наложило свой своеобразный отпечаток на специфику этого занятия, характеризовавшегося органичным освоением финно-угорского ткацкого мастерства, использовавшего сырье растительного происхождения. Таким образом, женщины фактически всех семей Служилой Уры активно занимались ткацким промыслом, используя для него все имеющиеся в распоряжении материалы, традиционно производя продукцию высокого качества. Не будет преувеличением сказать, что именно, кустарное ткачество стало одним из факторов экономического процветания аула. Или уникальным навыком, превратившим со временем, проще говоря, Бухару из основного производителя хлопчатобумажной ткани, в просто сырьевую базу татарской ткацкой промышленности.

И все же главным смыслом трудовой активности родовитых жителей Уры была и оставалась торговля на огромной территории от внутренних областей государства до степной зоны и Средней Азии. В этом особенно ярко проявлялся кочевнический менталитет потомков могучего кочевого клана, не признававших никаких границ для достижения заветного богатства как источника власти и безопасности, а значит и выживания в тяжелейших условиях затянувшегося средневековья. В этом смысле для «арских» князей, для многих других татарских благородных династий, великая Золотая Орда, с ее евразийской общностью, масштабными коммерческими связями, единым рынком, продолжала существовать вплоть до второй половины XIX столетия.

Поэтому обычный татарский крестьянин, живущий, в затерянной в северном Закавказье деревни, ощущал уверенность, чувствовал себя на родной земле и в бескрайних степных просторах Казахстана, и кварталах древней Бухары, и среди бесконечных рядов Макарьевского торжища.

Мужчины Служилой Уры, подобно своим легендарным предкам, когда-то, проводивших свою жизнь в военных походах, тоже практически не бывали дома, находясь в постоянном движении, в пути. Но

⁴ Халиков Н.А. Традиционное хозяйство // Татары. – М.: «Наука», 2001. – С. 190.

только уже не с оружием в руках, а составе торговых караванов, постоянно перемещаясь по бесконечным пространствам континента. Не удивительно, что все ресурсы оседлой жизни, появившиеся благодаря пожалованному поместью, предприимчивые мурзы Служилой Уры старались превратить в товар, а их хозяйства быстро приобретали все признаки и свойства крестьянской промышленности. Некоторые из этих хозяйств уже в XVIII веке трансформировались в крупные капиталистические мануфактуры.

Несмотря на разные формы и степень развития, товарное производство, охватившее все стороны трудовой жизни Хозясеитовых и Маметевых было подчинено их главному делу – торговле с Востоком, многогранному коммерческому посредничеству между рынками центральной России и Средней Азии.

Все эти обстоятельства, формировали особый микроклимат деревни, своего рода героический дух, осененный высокими целями, ощущением исторической избранности, жаждой материального успеха. Мы уже отмечали, наличие острого, но здорового соперничества между семьями и токами, до той поры, пока в этой борьбе не появились баснословно богатые династии, заменившие конкуренцию на диктат и жесткую монополию. А пока жители Уры учились друг у друга, перенимали опыт, стремились перещегоолять друг друга в труде от зари и до зари.

Да, культ труда, удивительная работоспособность, творческая расчетливость и безусловная энергичность характеризовали интересы, черты характера, в целом личность жителя гордой деревни. К этим замечательным качествам можно еще добавить смелость и мужество, определенную рискованность, позволявшую не бояться новаций и большого дела. Молодые люди и отцы больших семейств, не раздумывая, отправлялись в далекие путешествия в глубокой надежде на успех. Многие погибали от рук разбойников или пропадали без вести в дальних караванных переходах. Но это не могло остановить других мурз аула, искренне и не без оснований, веривших в свою счастливую звезду. Мы имеем полное право назвать, например, Назира Хозясеитова весьма противоречивым, иногда неоправданно жестким человеком, но мы не сумеем отказать ему в храбрости и прозорливости, позволивших не просто заработать серьезный капитала на масштабной торговле, но и приступить к созданию крупного мануфактурного производства в селе.

Великие результаты оправдывали подчас тяжелые потери. В деревню текли большие деньги и наверно каждую семью Служилой Уры в конце XVIII – начале XIX века, в той или иной степени, можно назвать состоятельной. Это, в частности, подтверждают данные метрических книг второй трети XIX столетия, фиксирующие средний махр (свадебный подарок невесте) в Служилой Уре в размере 500 рублей. Крупные же капиталисты села платили во время никаха от 1000 до 2000 рублей⁵.

Разбогатевшие крестьяне строили большие двухэтажные дома, оснащали их дорогой мебелью. В 1879 году, например, не в самую лучшую пору для экономики деревни, все 155 домовладений имели добротные деревянные и каменные строения, а 20 усадеб заслуженно гордились роскошными, в городском стиле особняками, оставлявшими неизгладимое впечатление своей площадью и оформлением фасадов. В период же расцвета торгово-промышленной славы деревни, когда здесь жили сотни пришлых рабочих людей, вся эта недвижимость активно и прибыльно сдавалась под наем квартир, принося их, и так, не бедным хозяевам дополнительный источник дохода.

Неотвратимое стремление к богатству и самостоятельности, охватившее каждый род, каждую семью каждый двор аула, было естественным, вполне объяснимым для родственного объединения, перед которым всегда стояла проблема элементарного выживания. Угроза внезапной гибели, некая обреченность постоянно присутствовали в жизни их предков, представлявших действующее военное сословие. Благодаря ратным подвигам, они только во второй трети XVII века сумели найти свою новую родину, до этого страдая от голодного малоземелья в Карино и подчас бесплодно промышляя на огромной территории Поволжья и Приуралья в поисках свободных и плодородных пространств.

И даже закрепившись в Уре, они, несмотря на полную лояльность, знатность и былые заслуги, часто оказывались на грани выживания, будучи вовлеченными в непредсказуемую адмиралтейскую повинность, оказываясь под жестким давлением миссионерских отрядов, ломавших по приказу Луки Конашевича сельские мечети, частных неурожаев и набегов разбойничьих шаек.

⁵ Источники указаны в приложении II.

Вне конкуренции – дети

Страшным бичом старой российской деревни всегда была детская и младенческая смертность, сводившая на нет демографический рост. В истории Служилой Уры, как и многих других татарских аулов, это наверно одна из самых трагических страниц. Трудно представить всю горечь и боль матерей села, иногда раз за разом терявших новорожденных и маленьких детей из-за многочисленных инфекций, против которых не имелось тогда никаких средств. Кроме, разумеется, жаркой молитвы и материальной обеспеченности. Именно, высокий доход, и соответственно, качественное питание, добротная одежда, наличие прислуги, следившей за гигиеной в доме, возможность нанять кормилицу для грудного вскармливания или дорогого доктора становились важнейшими факторами сокращения детской смертности.

Мы провели анализ соотношения убыли и прибыли населения по двум махаллям опираясь на данные метрических книг деревни за два успешных десятилетия с 1830 по 1854 гг. (см. приложение IV).

Высокой рождаемостью отличался приход второй соборной мечети, где жили не особо богатые мурзы Маметевы и Хозясеитовы. Он значительно опережал, в отдельные годы в два раза, по этому показателю, приход первой соборной мечети, являвшийся небольшой общиной успешных промышленников и их родственников. Однако, такая рождаемость сильно нивелировалась младенческой и детской смертностью, составлявшей от 30 до 90% всех смертей за год.

Показательно, что в первой, богатой махалле детская смертность была почти на 50% ниже, чем во второй «земледельческой». Поэтому, еще раз необходимо отметить, что финансовые возможности, сопровождавшиеся грамотностью, относительно широким кругозором и знаниями, являлись важным условием демографической стабильности в общине. В Служилой Уре, во второй трети XIX столетия практически не умирали подростки 13–15 лет, а также юноши и девушки 15–21 года. Ежегодную убыль людей зрелого возраста (21–55 лет), в целом, нельзя назвать высокой. Она была на уровне или едва превышала смертность среди пожилых и стариков (55–90 лет).

Пусть редко, но иногда встречались и долгожители, прожившие более 90 лет. За 24 года во всем селе их зафиксировано 10 человек. Самым старым мурзой деревни, умершим в 1850 году в возрасте 103 лет стал Габдельзалил Галиев из рода князей Маметевых, которые,

по нашим наблюдениям, вообще, отличались крепким здоровьем и долголетием⁶.

В таких непростых и драматичных условиях в ауле сформировалось особо трепетное отношение к детям. Их окружали теплом и нежной опекой, берегли всеми силами. Сиротство ребенка воспринималось с болью и состраданием, а самым большим благодеянием считалось, взять оставшегося без родителей маленького человека, к себе в семью на воспитание. Безусловно, это диктовалось не только религиозными требованиями, но и собственным инстинктом выживания потомков Кара бека. Неприятие сиротства и заботу о детях в деревне, где порой, даже между братьями, бушевали нешуточные страсти, можно назвать наиболее живучим атавизмом родовой солидарности.

Сегодня нас восхищают многочисленные примеры взаимной поддержки, милосердия, родственного самопожертвования. Так, Абдрашит мурза бин Салих бин Халилулла бин Амин бин Бикмет бин Янморза, имея собственных шестерых детей, воспитал и вырастил трех сыновей своего, безвременно ушедшего брата Габита. Представитель того же токыма Баязит мурза бин Алькасим бин Дауд бин Рахманкул бин Бикмет бин Янморза вывел в жизнь трех сыновей умершего брата Халита. Фабрикант, негласный хозяин Служилой Уры Мукмин Хозясеитов опекал, рано оставшихся сиротами, детей своих братьев Муртазы и Хасана. В 1833 году он выгодно выдал замуж свою племянницу Хабибзмал бинте Муртаза за промышленника из деревни Мазарбаш Хасана Махмудова. Невеста, благодаря, могущественному дяде получила большой махр в размере 1000 рублей. В 1836 году другая его воспитанница, дочь брата Хасана – Бибимихрезамал вышла за имама деревни Мулла иле Тухватуллу Нигматуллина, получив точно такой солидный махр. Десять лет спустя, в 1846 году Мукмин бай женит племянника Мухаметсалиха бин Муртазу на дочери арского мещанина Абдулхалика бин Абдулзалила бин Гали Маметева и выплачивает за него в качестве свадебного подарка 800 рублей.

Знатные и богатые мусульмане Служилой Уры, когда речь заходила о детях, не делили их на своих и чужих. Они не жалели ни сил, ни средств, когда была нужна какая-то помощь сиротам. Почти каждая семья в ауле имела приемных сыновей и дочерей из других деревень Заказанья. В 1832 году, например, арский купец Исхак Раимович Хо-

⁶ Анализ проведен по источникам, указанным в приложении II.

зясеитов сыграл свадьбу опекаемой им сироты из деревни Сюрда Бибиназирабики бинте Исхак с богатейшим купцом Казани Баширом Аитовым, который выплатил махр в размере 800 рублей. Сулейман Назирович Хозясеитов – знаменитый промышленник, жесткий и волевой человек вырастил и устроил дальнейшую жизнь своей воспитаннице Бибифатиме бинте Назир бин Амир из деревни Старый Ашит. Его сын – Усман, богатый арский купец старательно заботился о судьбе сироты из аула Марджан Мухибзамал бинте Хабибулла.

Замечательные традиции своего отца продолжили дети Мукмина Хозясеитова. Его дочь Бибисагадатбану стала второй матерью для девочки из села Большой Кульбаш Бибифатимы бинте Абдулхалик бин Абдулсалаям, которой она в 1853 году устроила хорошую брачную партию, подобрав в женихи, муэдзина села Печи Нижегородской губернии Хуббихуза Мухетдинова. Сын Мукмин бая – царевкокшайский купец Абдулкотдус принял в свою семью крестьянку деревни Иябаш Бибихафизу бинте Сайфетдин бин Мустай. Сегодня трудно говорить об истинной роли приемных детей в байских семьях, их реальном статусе. Возможно, девочки жили в них на правах так называемых «асрау кызлар» служанок, но самое главное они получали кров, пропитание, хорошую одежду, заботу и защиту в целом, взамен горькой сиротской участи и неминуемой голодной смерти. В любом случае, среди ярких сюжетов захватывающей истории Служилой Уры, именно тот, что повествует о детях и об отношении к ним, впечатляет своей естественной добротой и благородством.

Без комплекса господина: открытость и равенство

В хозяйской ментальности зажиточных крестьян аула, их родичей, успешно промышленявших торговлей и производством, испокон века жила неистребимая память о господском статусе предков, владевших с незапамятных времен, вплоть до середины XVIII века собственными дворовыми людьми. Уже в первой доступной нам переписи населения деревни 1646 года, в Уре зафиксировано несколько душ дворового люда. В частности, Хусаину бин Ходаяру бин Хозясеиту принадлежал «человек» Айгильдейко Айкин «по роду немчин», очевидно пленник, приведенный из-под Смоленска. Остальные, по всей видимости, являлись либо бесермянами, пришедшими вместе с князьями из Карино, либо марийцами, проживавшими в близлежащей округе и подчиненными новыми помещиками Уры. Так, с Биктемиром бин Кильдияром

и его сыном в одном дворе проживал Чеплемышка Кильдияров, а с Ямейкой бин Байсеитом Уракчейка Ондреев⁷. В последующие десятилетия количество дворовых несколько увеличилось, однако в эпоху Петра I, когда началось последовательное снижение дворянского статуса татарских князей и мурз, отказывающихся принять крещение, Маметевы и Хозясеитовы начали постепенно избавляться от «рабов», отпуская их на волю или продавая на сторону. Например, правнук Ходаяра князя – Арслан мурза Ермаков продал в период между первой и второй ревизиями вероятного потомка «немчина» Айгильдейки Айкина – Уразметку Тойбулатова казанскому служилому татарину Бикбау Бикмаметеву. Дворовые становились первыми кандидатами на отдачу в рекруты, что и произошло с неким Ишмаметкой, принадлежавшим Исмагилу бин Ниязу Хозясеитову⁸.

Но, по древней тюркской традиции, местные княжеские фамилии, могли обласкать самых старательных и преданных своих людей, даровав им свободу и равные с родовитыми односельчанами права. Среди вольноотпущенников Служилой Уры был дворовый человек того же Исмагила мурзы – Тохча Тонеев, который вошел в сословие служилых татар деревни, стал собственником жилой усадьбы. Впоследствии, его род, в который входили племянники, дети умершего брата Тохтарки Тонеева, также получившие свободу, превратился в уважаемую на селе фамилию. С ней не стыдились родниться потомки самых знатных династий Уры.

Кстати, аналогичное благодеяние произошло в ауле в первой половине XIX века. Привезенный из степей казах Атагай Тургаев, поначалу живший здесь в качестве работника Хозясеитовых, затем, благодаря незаурядным способностям, трудолюбию и порядочности был принят в общину Служилой Уры. Он проявил себя как удачливый предприниматель, вошел в третью гильдию арского купечества, оставил после себя многочисленное потомство.

Очевидно, что для мурз деревни не существовало комплекса господина, им не были присущи снобизм, брезгливость и презрение к низшему сословию. Напротив, их украшала щедрая благосклонность к зависимым от них людям, иногда перераставшая в буквально отеческую заботу. Это хорошо видно на примере Мукмина Хозясеитова, который всегда старался устраивать жизнь своих верных слуг, дво-

⁷ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6445. Л.528–530.

⁸ РГАДА. Ф.350. Оп.1. Д.1157. Л.14(об.)–15.

ровых и работников. В этой связи, необходимо сказать еще об одном замечательном качестве бывших каринских князей, их открытости, добром отношении к местному финскому населению, которое по объективным обстоятельствам всегда находилось в некотором подчинении, или точнее в орбите влияния, потомков Кара бека. Еще со времен легендарного предка, они жили рядом и вместе с удмуртскими родами. Конечно, в средневековье эти взаимоотношения имели разное содержание, но неизменным оставалось добрососедство, взаимопомощь, обмен традициями и навыками. Неизменные спутники каринских беков – бесермяне были их надежной опорой на протяжении столетий. Сегодня, есть множество версий о происхождении данной тюркской группы, основной из которых является их болгарский генезис⁹. Хотя и она еще не имеет окончательных и веских доказательств. Можно даже предположить, учитывая фактическое единство нукратских татар и бесермян, что последние, вообще пришли, в лесные районы Вятки, вместе со своими татарскими покровителями из восточной Анатолии. Вряд ли возможно представить мир каринцев без влияния этой своеобразной народности.

В Служилой Уре жизнь потомков Хозясеита князя Янсеитова определялась теми же принципами. Их мироздание строилось на уникальном фундаменте древнетюркской и финской культур, том естественном основании, которое помогло бывшим степнякам осесть и адаптироваться среди непроходимых лесов северного Закавказья. Весьма интересно, в этом смысле село Ясачное Ура (ныне Верхняя Ура Арского района РТ), которое по нашему предположению, является специфическим аулом-спутником княжеской Уры, где, возможно, заселились бесермяне, пришедшие с каринцами, а также зависимое марийское население, позднее перешедшее в ислам. Не случайно, что именно, в этой деревне в качестве мусульманских проповедников, действовали потомки миссионера Абдразака бин Алма абыза из Служилой Уры. В дальнейшем, в нее подселялись отпрыски знатных фамилий, Хозясеитовых и Маметевых.

Несколько слов и джиенном округе деревни, который обычно связывают с родовыми отношениями между различными населен-

⁹ Исхаков Д.М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). – Казань, 2010. – С.63–67.

ными пунктами. Ура, наряду с селами Новый Тазлар, Шура, Шурабаш, Новая Серда, Новая Атня, Верхняя Ура, Чембулат, Мамыш, Кшклово, Верхние, Нижние и Новые Шаши, Кунер, Старый и Новый Узюм, Старый Тазлар, Большая и Малая Атня, входила в джиен «Тазлар каршы», отмечавшийся ежегодно в конце июня – начале июля месяца на горе Мокши¹⁰. Между тем, анализ родственных связей Служилой Уры, показывает более тесные кровные отношения с джиеном «Катык» или «Ашит каршы», в который были объединены деревни Старый и Новый Кинер, Старый Ашит, Пичментау, Сюрда, Ташкичу, Ташчишма. Скорее всего, мы имеем дело с джиенами, входившими некогда в одно родовое сообщество, связанное вероятно с арскими князьями периода Казанского ханства. Иначе, следует говорить не о кровнородственной и родоплеменной основе джиенов, а несколько иных факторах их формирования, обусловленных соседским и земельно-имущественным взаимодействием, территориальной привязкой к священным, еще с языческих времен, местам.

Размышляя о сложном, и, в то же время «равновесном» микроклимате деревни, нельзя не обратить внимание на достаточно высокую степень образованности наиболее успешных и богатых семей. Исламская книжная традиция, привнесенная в Уру еще из Карино, являлась необходимым атрибутом власти и духовного лидерства. Дело в том, что наиболее богатые и статусные первопоселенцы аула с гордостью носили религиозные звания, несмотря на существование в деревне особого сословия абызов, профессионально занимавшегося проповеднической деятельностью.

Так, очевидно, старший и самый богатый из братьев Хозясеитовых – князь Кильдияр, весьма скромно, именовал себя «суфием». Его сын, помещик Биктимер был известен в качестве «хафиза» (абыза). При этом, в мечети Служилой Уры служили такие знаменитые хазраты как Юнус бин Иванай, Янсари бин Байсари абыз, Габдразак бин Алма абыз и другие.

Это объясняется, тенгрианской традицией, когда главы родов или вожди племен обладали, одновременно, родовой, военной и духовной властью.

Князья Хозясеитовы оставались главными арбитрами во всех сторонах жизни своего аула, в том числе и в вопросах шариата, а му-

¹⁰ Гарипова Ф.Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. – Казан, 1997. – 367 б.

сульманское духовенство играло при них роль своеобразного обслуживающего персонала.

В конце XVIII века, полновластный хозяин Служилой Уры, фабрикант Назир Хозясеитов считался настоящим лидером исламской общины. Именно, он выстроил каменную мечеть и назначил в нее имамом Хабибуллу бин Хусаина Оруви, а затем, буквально, вышвырнул из нее этого уважаемого во всей России хазрата, чья вина состояла в самостоятельности мышления и неповиновении воле властного бая. Поэтому опальный ишан пользовался уважением у тысяч мюридов Поволжья, но только не у себя в деревне, где находился в положении гонимого человека.

Внук Назира Хозясеитова – Мукмин продолжил древнюю традицию, распоряжаясь по своему смотрению судьбой авторитетного ахуна Фатхуллы бин Хусаина Оруви. Такое отношение клана промышленников к духовенству было возможно не только благодаря деньгам и связям, но и обуславливалось моральным правом знатоков Корана и шариата. Практически все представители этой ветви рода Хозясеитовых имели блестящее богословское образование, а некоторые из них посвятили свою жизнь духовному наставничеству. Родной брат Мукмин бая – Исмагил бин Тагир был имамом в деревне Новый Узюм, избирался членом Оренбургского магометанского духовного собрания¹¹. Внучатый племянник фабриканта Мухаметзян бин Халиулла бин Хасан бин Тагир (17.03.1846–?) прославился на весь тюрко-мусульманский мир России как искусный каллиграф, создатель высокохудожественных шамаилей.

Исследователи отмечают высокий религиозный смысл его полотен, возможный лишь благодаря прекрасным знаниям исламских наук, постоянным размышлениям на религиозные темы¹². Шамаили этого мастера: «Аллах – лучший хранитель» (цветная литография 50x70 см, начало XX в.), «Второй ковчег Нуха» (Бумага, тушь, карандаш. 50x66 см, 1902 г.), «Названия месяцев с их добродетельными свойствами» (литография, бумага, 1901 г.) и другие произведения прочно вошли в золотой фонд национального историко-культурного

¹¹ Марджани о татарской элите (1789–1889). – М.: Изд. дом. Марджани, 2009. – С.68–69.

¹² Шамсутов Р. Забытые тексты татарских шамаилей // Восточная коллекция. – 2002. – №4. – С.34–35.

наследия и хранятся ныне в самых авторитетных музейных собраниях страны.

Фундаментальная мусульманская образованность богатых купеческих семей, консервация древнего права главы клана на духовную власть создавали стойкую альтернативу влиянию официального духовенства, его естественному стремлению к монополии на решение актуальных или спорных проблем в жизни Служилой Уры.

Таким образом, особый малый мир села основывался на определенной гармонии социальных отношений, стремлении к демократичности и равенству. И, даже сильная конкурентная среда, присущая этому аулу, была во многом обусловлена глубокой потребностью в равноправии. Никто не хотел отставать в тяжелейшей гонке за выживание, авторитет и влияние среди многочисленных родичей. К сожалению, уничтожение уникального микрокосма, началось с разрушения среды «равных возможностей», агрессивного монополизма одной, очень небольшой веточки, разветвленного клана Хозясеитовых. Этот монополизм, противоречил не просто духу капитализма, он конфликтовал с самой сутью номадического сообщества, не признававшего жесткие вертикальные структуры. И, конечно же, это чуждое для татарской деревни явление, порожденное, своего рода, конвергенцией традиций средневекового феодального права с анархическими преимуществами эпохи первоначального накопления капитала, было изначально обречено на поражение. Драматичность такого поражения приобретала всеобъемлющий характер, так как угасание династии-«узурпатора» приводило к кризису всей общины, быстрой утрате всех ее выдающихся достижений. Поэтому, стремительное разорение промышленной деревни, гибель целых отраслей мануфактурного производства, ослабление коммерческого духа, было связано не столько с изменением рыночной конъюнктуры, отсутствием банковской системы или же недостатком образования, сколько с противоречившей буржуазным принципам безграничной властью феодала-капиталиста.

Судьба, пожалуй, самого известного, самого яркого предпринимателя Служилой Уры – Мукмина Тагировича Хозясеитова, как раз и символизирует собой противоречивую историю знаменитой деревни, ее короткий шаг от славы и величия до полного и незаслуженного забвения.

ГЛАВА V. Последний князь Служилой Уры

Наследник грозного Назира

В первой трети XIX века неформальным лидером Служилой Уры стал внук Назира Хозясеитова – Мукмин Тагирович Хозясеитов – талантливый и удачливый предприниматель, крупный промышленник, очень щедрый и отзывчивый человек, старавшийся не повторять ошибок своих родственников. Он родился в 1773 году и был первенцем Тагира Хозясеитова. Мать будущего предпринимателя Салима Исхакова принадлежала к старинному роду служилых татар д.Менгер. После ранней смерти отца, он постоянно проживал со своим могущественным дедом и, по сути, стал его главным наследником и продолжателем фамильного дела. Мукмин, благодаря поддержке Назира бин Туктамыша, быстро добился впечатляющих успехов в производственной деятельности и начал на равных конкурировать со своими многочисленными дядями, каждый из которых имел либо мануфактуру, либо вел крупную торговую деятельность. Держал писчебумажную мануфактуру на речке Шоре, оборудованную двумя водяными турбинами, на которой трудились сезонно с мая по апрель месяц 16 крестьян Уржумского уезда Вятской губернии и Царевококшайского уезда Казанской губернии. Она находилась при мукомольной мельнице, принадлежавшей купцу. Мануфактура выпускала ежегодно 2500 стоп бумаги, сбывавшейся затем на рынках Средней Азии¹.

Мукмин Хозясеитов существенно модернизировал семейное бумагопрядильное производство, приобрел для него 35 новых станков и вскоре вышел на изготовление 80000 аршин кумача в год на сумму 60000 рублей. Эта продукция пользовалась большим спросом на ведущих российских ярмарках: Нижегородской, Ирбитской, Мензелинской.

В отличие от своего деда и других близких родственников этот предприниматель отличался дальновидностью и склонностью к компротиссам. Активно участвуя в захвате общих для Хозясеитовых и

¹ Казанские губернские ведомости. – 1852. – 22 декабря. – №52.

Маметевых земель, он, тем не менее, стремился погасить все более раздувавшееся в селе пламя земельных ссор и скандалов. Становясь фактически единственным полновластным хозяином родового села, Мукмин Хозясеитов нуждался в стабильной обстановке, в согласии с крупными токамими сородичей, чье недовольство и протесты ставили под угрозу успешное развитие мануфактур.

В 1832 году, купец, уже подмявший под себя значительную часть общинного достояния, не стал по примеру своего жесткого и решительного деда преследовать недовольных, а напротив, предложил обиженным односельчанам мировую сделку, компенсируя состоявшиеся по его вине потери².

Безусловно, этот запоздалый шаг уже ничего не мог изменить в печальной ситуации родственного противостояния, однако, он существенно снизил накал страстей, заставил говорить о справедливости промышленника.

По сути, он стал самым настоящим князем, вольготно расположившемся со своей многочисленной семьей и челядью, отдельно от всех остальных токомов, на обширном подворье, куда стекался не только рабочий люд из всех окрестных деревень, но предприниматели со всей России. Подписывая официальные документы, с удовольствием обозначал свой высокий статус «царевококшайский княжеского роду второй гильдии купец». Денег у него было так много, что народ всерьез рассуждал о том, что промышленник печатает их у себя дома. О местном фальшивомонетчестве даже слагали байты³. Хотя это было несомненным преувеличением. В лучшие свои годы, купец получал сказочные барыши с торговли, производства и многочисленных недвижимых имений. Прибыль, за неимением банков, по старинке хранил дома, в самых разных местах, фактически безо всякой охраны. Можно было сказать, что деньги у него валялись по углам, возбуждая у прислуги и дворовых людей различные, даже криминальные версии их происхождения.

Благодаря, Мукмину Хозясеитову на извилистых улочках Служилой Уры бурлила не по-сельски шумная жизнь. Бесконечной вереницей шли подводы с сырьем на мануфактуры, здесь же отгружалась

² ГАРМЭ. Ф.150. Оп.1. Д.257. Л.138.

³ Түбән Оры (рукописное краеведческое исследование). Хранится в сельсовете деревни Сюрда Арского района РТ.

готовая продукция, снаряжались и отправлялись торговые караваны в сторону Оренбуржья и дальше в далекую Бухару. Через деревню проходила обозная дорога из Казани в уездный город Царевококшайск, движение по которой не прекращалось ни днем, ни ночью. На улице аула, находившейся на холме⁴, круглосуточно гудел весельем государственный питейный дом, где всеми делами управлял ясачный крестьянин д. Чурилино Казанского уезда Архип Григорьевич Маралов, угощавший своих посетителей дешевым вином и «Ерофеичем» – спиртовой настойкой на травах. Приезжих в селе было настолько много, что Мукмин Хозясеитов выстроил для них специальный постоянный двор. Не случайно, что в это время, в народе, деревню фабрикантов стали почтительно называть «Оры шәһри» – «город Ура».

Но, самое главное, купец своей уравновешенностью, невероятным трудолюбием и религиозной благотворительностью сумел завоевать если не признание, то спокойное отношение односельчан, во многом смирившихся с его монополизмом. Мало того, в трудные для себя минуты он чувствовал твердую поддержку общины, от соседей и других односельчан, даже не связанных с ним близкими родственными узами.

Ограбление домашнего «банка»

Это ярко проявилось в неприятном для купца событии, произошедшем в ночь четверга на пятницу 25 августа 1832 года. Отдыхая после тяжелого рабочего дня, он неожиданно проснулся во втором часу ночи от странного стука в соседней комнате, и, практически сразу же в темноте увидел силуэт человека, быстро уходящего из покоев. На окрики хозяина тот не остановился, бросился бежать, потеряв в попытках свои галоши. Встревоженный Мукмин бай кинулся в зал, где только что побывал незнакомец и обнаружил, что дверь в него, закрытая с вечера на надежный замок, отперта, а из-под кровати исчез небольшой сундучок, в котором хранилась серебром, ходячей золотой монетой, ассигнациями весьма серьезная сумма в 10200 рублей⁵.

Разъяренный купец сразу же выскочил во двор и криком разбудил, спавших там своих работников и приказчика. Осмотрев, остав-

⁴ В деревне до сих пор улица на холме иногда называется как «Кабак тау».

⁵ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.3(об.).

ленные воров калоши, он узнал в них обувь своего бывшего дворового человека «киргиза» из каракалпаков Алтая – молодого двадцативосьмилетнего человека, работавшего у него в качестве жнеца на хлебном поле. Алтай, вместе со своей женой Сахибзамал Абдулхайровой – восемнадцатилетней девушкой проживал на съемной квартире в доме вдовы Бадигульзамал Сайфуллиной, недалеко от усадьбы Хозясеитова. Часть работников Мукмин бая тотчас бросились туда, однако застали лишь жену, которая заявила, что Алтай отправился провожать своих гостей Сейфульгабита Аитова и Сабита Галеева.

Однако, в доме Аитова предполагаемого вора не оказалось. Безрезультатные поиски по деревне, прекратились криком приказчика Ишмухамета Ишмуратова, что грабитель пойман вместе с деньгами. Алтай задержали на пустыре у старой кузницы в сотне саженой от владений купца. Он был пьян, бос, но одет в рубаху и камзол. Деньги остались нетронутыми, а на быстрый допрос, Алтай ответил, что после тяжелой работы на поле, ночью у него разболелся живот и он решил «подлечиться» в местном питейном доме, выпив вина на 20 копеек. Как оказался у кузницы с деньгами не помнил, утверждая, что сундук ему подкинул приказчик Хозясеитова.

Конечно, последнего можно было бы с уверенностью подозревать в подобного рода авантюрах. Служилый татарин деревни Семеновские Отары Ишмухамет Ишмуратов – пожилой, но очень опытный, хитрый и хваткий мужчина 58 лет, в свое время был волостным головой Кубянского лашманского правления и привлекался к суду за пропажу государственных денег. И, хотя он, заявлял повсюду о своей неграмотности, никто в это не верил, так как Ишмуратов, в числе немногих местных жителей, неплохо знал русский язык⁶. По всей видимости, Мукмин Хозясеитов, сам человек жесткий и по своему авантюрный, уважал эти качества, и, именно, такую личность видел на должности своего ближайшего помощника. Вообще, как мы уже отмечали, приказчики Назира Хозясеитова и его потомков, отличались верностью, напористостью и наглостью, готовностью выполнить любое поручение хозяина, в том числе не касавшееся торговых дел.

Вероятно, по этой причине, купец даже не захотел рассматривать возможности соучастия в воровстве Ишмухамета Ишмуратова, который первым нашел вора и передал хозяину сундук с деньгами в це-

⁶ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.9.

лости и сохранности. Кроме того, оставленные грабителем калоши, признала как свои, жена Алтая – Сахибзамал Абдулхаирова. Можно было вздохнуть с облегчением, преступник пойман, деньги возвращены. Но впереди ожидалась неделя судебного разбирательства, а здесь без помощи односельчан обойтись было нельзя.

Кстати, в ту суматошную ночь, Мукмин бай не остался в одиночестве. Практически сразу же к поискам подключился мирской начальник Служилой Уры Мухаметшарип Мухаметкаримов, а также крестьяне Абдульман Юсупов, Мазит Абдулхаиров, Ахмет Нигматуллин, Хусаин Абдулгаллямов, Мухаметрахим Мухаметов, Мухаметрахим Монасыпов, Ибрагим Мухаметов, Сайфулла Мусин, Курбангали Габязов, Исхак Мусин и другие, представлявшие все княжеские токымы аула⁷. Благодаря их поддержке, сыск прошел максимально быстро, преступник был задержан в течение часа.

В период судебного следствия, к поиску истины подключились и другие жители Служилой Уры, с помощью которых начала вскрываться более сложная картина преступления. Дело, в том, что никто не мог поверить в криминальную самостоятельность, безграмотного, пьющего и затюканного судьбой Алтая, всю свою жизнь проведшего в рабстве в Средней Азии. По сути, его спас Мукмин Хозясеитов, перевезя в Россию, в свою деревню, дав ему работу и женив на своей служанке.

Главные подозрения сельчан в организации преступления сразу же пали на Сейфульгабита Аитова – сына муэдзина 1-й соборной мечети. Этот беспутный тридцатилетний мужчина был главным возмутителем спокойствия в уважаемом ауле. Сейфульгабит часто устраивал пьяные загулы, драки и скандалы. Будучи выходцем из обеспеченной семьи, грамотным человеком, он легко подчинялся своему влиянию сверстников односельчан, не занятых делом, или таких бесправных людей как «киргиз» Алтай. Ходили упорные слухи, что по наущению Аитова, жена Алтая – Сахибзамал, работавшая прислугой в доме Хозясеитова, еще 12 апреля 1832 года, помогла Сейфульгабиту украсть у Мукмин бая 10 концов кумача, 3 бухарских выбойки, серебряные деньги, талеры и ассигнации, всего на сумму 172 рубля⁸.

⁷ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.14.

⁸ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.31.

В случае с кражей сундука с деньгами также подозревали жену «киргиза», действовавшую по указке Аитова и спровоцировавшую мужа на это преступление. Мукмин Хозясеитов, в частности, отмечал, что лишь Сахибзамал знала, что ключ от комнаты с деньгами лежит в приемной, в блюде под салфеткой. Перед кражей кто-то предусмотрительно остановил часы-ходики с боем, чтобы они случайно не разбудили спящего хозяина. Впрочем, все косвенные улики указывали на семейство Алтая, но также все жители деревни в один голос утверждали, что за этим поступком стоит Сейфульгабит Аитов.

В характеристике, подписанной 37 уважаемыми домовладельцами Служилой Уры, была дана в целом положительная характеристика Алтая, близкого приятеля Аитова – Сабита Галеева, которого тоже подозревали в соучастии в краже. Однако, все в один голос отмечали «дурное поведение» Сейфульгабита, который еще в 1831 году находился под судом за ограбление питейного дома. Жители просили навсегда удалить из деревни злостного нарушителя спокойствия⁹.

Однако, Царевококшайский уездный суд руководствовался только прямыми доказательствами. Обвиняемым остался один Алтай, который 24 января 1833 года был приговорен к 20 ударам плетью и отдан в солдаты¹⁰.

Впрочем, давление сельчан на Сейфульгабита Аитова, несколько раз покушавшегося на собственность Мукмина Хозясеитова, успешно продвигавшееся судебное следствие по прежним делам, дали свои результаты.

Аитов, не выдержав напряжения, враждебного отношения со стороны «однообщественников», в 1833 году вынужден был тайно бежать из деревни.

Показательно в этом случае то, что вся община деревни, бросилась на помощь своему соседу в трудную минуту, забыв о прежних обидах, ссорах и зависти. Посягательство на чью-то частную собственность рассматривалось сельчанами как угроза всему существованию аула. Богатой, важной и честолюбивой Служилой Уре совсем были не нужны пьющие и ворующие маргиналы, пусть и отпрыски авторитетных семей.

⁹ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.44.

¹⁰ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.52.

В то же время стало очевидно, что без взаимовыручки, от преступлений или попыток совершения их, невозможно спрятаться даже в самой богатой, закрытой и охраняемой резиденции.

Крепость Мукмина

Сегодня, по сохранившимся документам, мы можем составить достаточно детальное представление об усадьбе Мукмина Тагировича Хозясеитова, которая в целом, была типичной для потомков бывших татарских помещиков, разбогатевших на международной торговле и успешном мануфактурном производстве. Дворовое владение предпринимателя в Служилой Уре органично соединявшее в себе жилое и фабричное пространство, занимало прямоугольный в плане участок в центре села общей площадью 5000 кв.м. (0,5 га).

К сожалению, из-за отсутствия документальных сведений мы не можем указать точное местоположение усадьбы. Судя по косвенным данным, она примыкала к каменной 1-й соборной мечети и простиралась на юго-запад от нее, вплоть до речки Селенгур. В пользу этой версии говорит и сам факт строительства мечети дедом предпринимателя Назиром Хозясеитовым, выделившим, скорее всего участок для здания из своего двора. Учитывая то, что Мукмин, находившийся под опекой деда, возможно, наследовал часть или все его имущество, то и обширные владения купца продолжали оставаться в том же родовом месте.

Двухэтажный кирпичный особняк купца, в котором он проживал вместе со своей семьей, находился с некоторым отступом от красной линии улицы. Он своей добротностью и даже монументальностью, модным в то время классическим оформлением фасада, символизировал могущество и богатство мануфактурщика, возрождавшего великую славу рода, соперничавшего в материальных атрибутах жизни с русским дворянством.

По всей видимости, дом был построен в первой трети XIX века, в период расцвета торгово-промышленной деятельности М.Т.Хозясеитова. По своему проекту это здание, как впрочем, и вся структура участка, очень напоминали усадьбы первостатейных купцов Казани, и, в первую очередь, домовладение М.И.Апанаева на 3 Поперечной улице в Старотатарской слободе (ныне ул. Сафьян, д.1–5). Дом Мукмин бая, как и дом Мусы Апанаева, был двухэтажным. На первом

этаже находились три кладовые с железными дверями, на втором – 6 жилых комнат. Неподалеку от особняка, ровно также как у Апанавых, располагалась двухэтажная, квадратная в плане, кирпичная кухня, общей площадью 72 кв.м. Она, вероятно, обслуживала не только хозяев, но многочисленных работников, прислугу. Кухня была оборудована тремя печами, и, соответственно, 3 большими котлами, в которых непрерывно готовилась пища для жителей усадьбы.

Продукты, ежедневно требовавшиеся в огромном количестве, хранились в трех специальных одноэтажных деревянных амбарах, каждый площадью 64 кв.м. Непосредственно рядом с хозяевами находилась контора приказчиков – самых доверенных лиц М.Т.Хозясеитова, готовых, помимо сугубо торговых дел, выполнить любое его поручение. В одноэтажном деревянном, двухкомнатном флигеле они вели бухгалтерию, общались с рабочими и коммерсантами, решали все деловые вопросы.

Безусловно, значительная часть строений, входивших в комплекс двора, имела хозяйственное назначение. Среди них две вместительные конюшни. Одна с каретником, площадью 84 кв.м., другая с летним навесом – 72 кв.м. В них содержались лошади бая, повозки и телеги, использовавшиеся им сугубо в личных нуждах. Мукмин Хозясеитов являясь крупным землевладельцем, активно занимался сельским хозяйством, заготовкой зерна и фуража в больших объемах. Поэтому, в его домовладении были предусмотрены 4 амбара для хранения этой продукции, площадь каждого из которых составляла 110 кв.м. Кроме того, еще 5 амбаров в среднем по 80 кв.м. каждый, один из них с погребом, хранили различные виды сырья, хозяйственный инвентарь, фабричные изделия. Таким образом, поместье купца в целом представляло собой огромный склад, в который нескончаемым потоком стекалось нажитое успешной коммерцией и производством «добро» – предмет зависти, слухов, вынужденного почтения односельчан.

Недалеко от особняка располагали две добротные бани, топившиеся по белому. Одна хозяйская – площадью 36 кв.м., другая для рабочих и прислуги – площадью 24 кв.м. Ну и конечно, довольно приличный абзар (скотная изба), 3 конюшни для рабочих лошадей, небольшой домик прислуги¹¹.

¹¹ ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.95–95(об.).

Однако, большую часть усадьбы занимал комплекс кумачной мануфактуры, состоящий в общей сложности из 14 зданий. Основными здесь являлись два больших, деревянных на каменном фундаменте, прямоугольных в плане корпуса (38x7 м) с 62 окнами по фасаду, предназначавшиеся для ткания кумачей и китайки. Одно, помещение, рассчитанное не менее чем на 50 ткачей, было снабжено 5 печами. Следовательно, в лучшие времена на фабрике трудилось 100 рабочих.

Отдельно стоял «дом для колотильщиков» (14x6м) в 17 окон по фасаду. – Еще одно производственное здание – «дом для клейки бумаги» на каменном фундаменте (14x6 м) в 17 окон по фасаду состояло из двух комнат также предусматривало значительное количество работников. Вообще, судя по значительности строений мануфактуры, в ней изготавливался весьма серьезный объем продукции, требовавший как вместительности помещений, так и большого количества рабочих рук. Учитывая также сезонный характер работы на фабрике, можно предположить, что реальное количество ее персонала намного превышало цифры, указывавшиеся в официальных документах и статистике. Например, только для сушки кумачей, в комплексе мануфактуры, действовало два «цеха» площадью более 100 кв.м. каждый. Еще в двух деревянных, одноэтажных, квадратных в плане зданиях, площадью 36 кв.м. кумач мыли и сортировали. Готовый товар складировался, в специальном большом амбаре (28x8 м).

Кстати, кумачный мастер во многом ключевая фигура в производственном процессе, своеобразный технолог и руководитель трудился в отдельном доме (6x6 м). Особые условия предприниматель создал и для искусного кузнеца, обслуживавшего мануфактуру. Он также жил в отдельном доме, рядом с которым находилась кузница общей площадью 36 кв.м.

Рабочие мануфактуры мылись в особой, очень небольшой бане (4x4м), которая отапливалась «по черному». Единственным каменным зданием комплекса являлась пекарня (6x6 м), обеспечивавшая мануфактуру свежим хлебом.

Интересно, что масштаб торговых связей заставил промышленника уже за пределами своей усадьбы построить своего рода, говоря современным языком, гостиничный комплекс для приезжающих в Служилую Уру агентов, предпринимателей, работников. Для них купец возвел двухэтажный деревянный жилой дом (8x6 м), оборудо-

ванный печью и кухонным котлом. Рядом находились конюшня, каретник и скотный двор. Здесь же заботливый хозяин держал лавку, в которой гости могли приобрести продукты и товары первой необходимости¹².

Сам Мукмин Хозясеитов со своей семьей, как мы уже отмечали, в пору успеха и богатства располагался в большом двухэтажном кирпичном особняке. В него он перебрался уже в зрелом возрасте, а до этого жил в отцовском доме, который возможно принадлежал еще его деду, грозному Назиру бин Туктамышу. Сохранилось описание этого здания, возведенного, скорее всего в середине XVIII века, и, воплощавшего традиции древнего татарского зодчества. Оно дает определенное представление о жилище богатых татарских мурз в эпоху лашманской повинности. Это было одноэтажное деревянное, квадратное в плане здание (12x12 м) в 12 окон по боковым фасадам, строго разделенное на мужскую и женскую половину. Оно состояло из 8 комнат средней площадью по 18 кв.м. каждая¹³. Очевидно, что дом был построен для большого семейства. Так, например, у Назира бин Туктамыша было две жены и девять детей, восемь сыновей и дочь. В свою очередь, у его первенца, Тагира также было две жены, с которыми он вырастил пять сыновей и три дочери.

Семейный очаг

Мукмин Тагирович Хозясеитов по традиции имел большую семью. Вероятно, начинал он свою взрослую жизнь в отцовском доме. Его первая жена Бадигульдзамал Максудова (1776–7.02.1838), происходившая, по нашему предположению из рода князей Маметевых, родила двух сыновей и десять дочерей¹⁴. Причем, со своим старшим сыном Абдували, Мукмин бай и начал разворачивать фамильное дело. Видимо, это были счастливые годы для энергичного, молодого предпринимателя, без усталости, с удовольствием трудившегося рука об руку со своими сыновьями, постоянно чувствовавшего могучую поддержку знаменитого деда. Но, безжалостное время не терпит идиллий. Два единственных сына, быстро окрепли и пожелали отделиться от отца. Впоследствии, Абдували Мукминович Хозясеитов также

¹² ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.96–96(об.).

¹³ ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.95.

¹⁴ НА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.3. Л.220 (об.); ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.1–141.

стал крупным торговцем, основавшим собственную успешную веточку купеческой династии. Другой сын Мухаметгали тоже начал работать на себя, выйдя из отцовского капитала. К сожалению, оба они прожили недолгую жизнь, так и не успев полностью реализовать себя на коммерческом поприще.

Мукмин мурза, неуклонно богатея и укрепляя влияние во всем татарском мире, в личной жизни начинал испытывать серьезные проблемы. Полный сил и энергии, предприниматель, по примеру многих состоятельных мусульман того времени, решил взять вторую, молодую жену. В конце двадцатых годов XIX века, он женился на девушке Гульбике Хасановой, которая была младше его почти на 40 лет. У них один за другим родились трое сыновей: Абдулкотдус, Ахмет и Фатхирахман, еще две дочери вскоре после рождения умерли¹⁵. Окрыленный романтическими чувствами, властный и грозный бай, относился к Гульбике с особой нежностью и вниманием, что вызвало резкое недовольство старшей жены, которая по праву считала себя главной спутницей Мукмина, прошедшей с ним через все трудности и испытания. В то же время сам купец не считал себя в чем-то виноватым. Всех многочисленных дочерей, которых они вырастили, очень хорошо выдал замуж, в состоятельные, родовитые семьи. Постаревшей супруге обеспечил все условия для спокойной и комфортной жизни. Однако, так не считала Бадигульджамал, постоянно стыдившая и обвинявшая в предательстве Мукмина, устраивавшая громкие ссоры, что делало их брак просто невыносимым. Прожив так почти восемь лет, «второй гильдии купец и фабрикант» 2 мая 1836 года в присутствии свидетелей и приходском мулле официально объявил Бадигульджамал Максудовой развод, о чем уведомил Оренбургское магометанское духовное собрание и Казанскую гражданскую палату. Объяснил свой поступок купец лаконично: «Вышеуказанная Бадигульджамал Максуд кызы вела себя беспокойно, не ценила и не уважала Мукмина Тагира улы, тем самым сделала его равнодушным, отвратила от семейного ложа». Но, что особенно важно, Мукмин бай, сразу оговорил, что не оставит бывшую жену от своей заботы и попечения. Во время развода он заявил буквально следующее: «Гындаллаһи гөһәһкяр булмасым икән, балалары хакында аны тәбәррәган тәрбия кылырмын...» (т.е. Перед Богом не хочу быть

¹⁵ НА РТ. Ф.3. Оп.2. Д.165. Л.190(об.).

грешником, из-за этого, ради детей буду о ней заботиться)¹⁶. Бади-гульджамал после этого потрясения, не прожила и двух лет.

Именно для семейного очага с Гульбикой Хасановой Мукмин Хозясеитов и построил внушительный кирпичный дом, выделявшийся в сельском ландшафте своей монументальностью и городской претенциозностью. Общая площадь этого, почти дворянского жилища, составляла 320 кв.м. Прямоугольное в плане здание (20x8м) имело первый, хозяйственный и второй жилой, с 8 окнами по каждому фасаду, этажи. Члены семьи располагались в 6 комнатах, в среднем по 25 кв.м., которые отапливались 4 печами¹⁷. Как и в старом доме, помещение делилось на женскую и мужскую части.

Украшением этого нового родового гнезда являлась обширная гостиная, обставленная современной мебелью. Здесь стоял большой круглый стол с 6 стульями на кожаных подушках, а также ряд ломберных столиков, обшитых зеленым сукном и красным деревом. Несколько кожаных и полубархатных диванов оформляли уголок отдыха. На стене висело ростовое зеркало, отбивали время дорогие часы-ходики. Освещала гостиную люстра и настенные канделябры. В гостиной, предназначавшейся больше под представительские цели, проходили встречи с нужными чиновниками, уважаемыми гостями, различные меджлисы. Далее, как и в других жилищах богатых предпринимателей-мурз следовала «зала», очень напоминавшая по своему интерьеру гостиную, но использовавшаяся в повседневной жизни членами семьи. Вероятно, существовала и «передняя» комната, связывавшая мужскую и женскую половины. Здесь также стояли стол, стулья, диван, имелись настенные зеркала, люстра и подсвечники. О «европеизации» сельского дома татарского мурзы-промышленника уже в первой половине XIX века свидетельствует наличие большой столовой комнаты с полным набором необходимой мебели и посудных сервизов. Это и чашки с блюдцами, чайники из китайского фарфора, молочники, польские серебряные ложки, медные самовары и т.д. Интересно, что в этом ассортименте не было вилок, которые, вероятно, в этот период в среде татарского купечества еще не получили распространения. Судя по разнообразию соответствующей посуды, у Хозясеитовых существовала традиционно высокая для татар культу-

¹⁶ ГАРМЭ. Ф.305. Оп.1. Д.1. Л.51.

¹⁷ ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.95.

ра чаепития. Кроме того, видимо, благодаря турецкому влиянию, сам хозяин, любил кофе и приобрел редкий для того времени кофесамо-вар. В столовой, как и в других комнатах, имелись удобные диваны, естественно стол со стульями, посудный шкаф и зеркала¹⁸.

Вся мебель в доме была сделана из красного дерева, столы покрывались скатертями из полубархата, окна обрамляли коленкорые шторы.

В мужской приватной зоне особняка находился кабинет и спальня. Причем, Хозясеитовы уже не пользовались традиционными нарами – саке, а спали на кроватях с пуховыми перинами и подушками, заправленными в китайское постельное белье. Сам Мукмин бай располагал железной кроватью, а его жена на женской половине, в своем «будуаре» отдыхала на специально изготовленной из березы двуспальной кровати. В мужской и женской спальнях стояли шкафы для одежды, комоды, столики, ширмы. Сыновья четы, в отличие от родителей, жили в одной общей комнате и спали на саке.

Впрочем, несмотря на богатую и модную европейскую обстановку дома, следует особо подчеркнуть, что Мукмин Хозясеитов, обладая очень серьезными капиталами, все же по сравнению с казанскими купцами, жил относительно скромно. Он не гнался за предметами роскоши, не превращал свой дом в склад для дорогих, но бесполезных вещей. Он организовывал свое жизненное пространство, исходя из функциональных интересов фамильного дела. Его день начинался с молитвы и проходил в постоянной, изматывающей работе, которая совсем не оставляла времени для заслуженного сибаритства. Он все же оставался сельским предпринимателем, совмещавшим промышленное производство, торговлю с масштабным сельскохозяйственным трудом. Поэтому Мукмин бай не мог как его современники-горожане Апанаевы или Юнусовы коллекционировать книги и рукописи, занимать многочисленные общественные должности.

В трудах и заботах

В течение дня, после обязательной «планерки» с приказчиками, купец обходил свои владения: обширный двор с лабазами, комплекс мануфактуры, где приходилось решать многочисленные производст-

¹⁸ ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.97–98(об.).

венные вопросы, объезжал земельные угодья. Вообще, вся жизнь Мукмина Хозясеитова проходила в бесконечных разъездах. Он практически не бывал дома, разрываясь между фабриками, поместьями, земельными дачами, месяцами пропадал в дальних торговых караванах и на ярмарках. Те редкие дни, когда он оказывался дома проходили в чередѣ встреч и межлисов с чиновниками, коммерческими партнерами, родственниками, влиятельным духовенством. Фактически он не принадлежал ни себе, ни своей семье. Вот почему, успешный и прославленный предприниматель так и не сумел воспитать из маленьких сыновей от второго брака достойных преемников, продолжателей любимого дела.

Постоянным кругом общения купца являлись его преданные приказчики, торговые агенты и, конечно же, рабочие мануфактур, полностью зависевшие от щедрости и милости хозяина. Он никогда не брал на работу своих односельчан, с гордостью помнящих свое княжеское происхождение и родство с промышленником. Все его рабочие были из других деревень. Например, один из приказчиков Ишмухамет Ишмуратов происходил из крестьян деревни Семеновские Отары, работник Габит Хусаинов был уроженцем деревни Айшияз, Мухаметрахим Файзуллин из служилых татар деревни Большой Куюк, Бикчентай Биккенин из служилых татар деревни Ахметкозино, Губайдулла Рахматуллин из служилых татар деревни Большой Менгер и т.д.¹⁹ И это только самый ближний круг Мукмин бая. Мало того, предприниматель, много времени проводивший среди казахов и в Средней Азии, привозил оттуда юношей и молодых людей, трудившихся у него сначала в качестве слуг и дворовых людей, а затем «выраставших» до приказчиков, а то и равноправных и уважаемых домохозяев деревни. Уже упомянутый нами каракалпак Алтай вообще был выкуплен купцом из рабства, фактически стал приближенным могущественного бая, женился, благодаря его поддержке. Отплатив, правда, за это черной неблагодарностью. Казах Ганбар Хусаинов верой и правдой служивший своему хозяину на протяжении многих лет, также обзавелся семьей и навсегда осел в Служилой Уре²⁰. Другой выходец из «киргиз» Атагай Тургаев сумел стать успешным предпринимателем, завоевать авторитет у сельчан, стать

¹⁹ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.10–13 (об.).

²⁰ ГАРМЭ. Ф.58. Оп.1. Д.30. Л.3, 9 (об.).

членом их общины. В Нижней Уре и сегодня есть переулок, который называется «Атагай тыкрыгы». Кстати, в селе до сих пор существуют предания о переселившихся сюда казахах, работавших у местных баев пастухами и конюхами, предания, которые, как мы видим, имеют реальные исторические основания.

Однако, в большинстве своем, не связанный какими-либо условностями и приличиями, этот наемный люд, с презрительной завистью относился к зажиточным и высокомерным жителям Служилой Уры, вызываясь вел себя в селе, нарушая неписанные правила общежития. По сути, мужчины-рабочие и приказчики Мукмина Хозясеитова были своего рода личными нукерами промышленника-князя, его решительной гвардией, которую он с успехом применял в земельных и иных конфликтах. Не случайно, жители Служилой Уры жаловались губернским и уездным властям на самоуправство этих людей, которые по приказу своего хозяина распахивали и засеивали уголья, захваченные им у своих сородичей. Здесь можно вспомнить и настоящие сражения между рабочими Назира Хозясеитова и мюридами Хабибуллы ишана Оруви. Очевидно, что здесь уже речь идет о полном разрушении родовых связей, обусловленном стремительным возвышением промышленника.

Еще в конце XVIII – начале XIX века быстро разбогатевшие дети Назира бая первыми начали разрушать свой родовой токым – один из крупнейших в Служилой Уре, восходивший к князю Янморзе Хозясеитову. Они ловко манипулировали собственными наделами, увеличивая их за счет соседей или продавая «на сторону». Возводимые ими многочисленные мануфактуры нарушали границы общепризнанных земельных участков, превращали обычные крестьянские подворья в огромные усадьбы, что часто происходило за счет территории всех остальных токымов.

Мукмин Хозясеитов был не просто активным участником этого неминуемого разрушительного процесса, он довел его до логического завершения, окончательно отделившись как от своего токыма, состоящего из очень дальних родичей, но и ближайшего родственного окружения: дядей, родных братьев, двоюродных братьев и племянников.

Как мы уже отмечали, усадьба Мукмина Хозясеитова доминировала в Служилой Уре над всеми другими дворами – богатыми и не очень. Она напоминала феодальную резиденцию с крепкими стенами

и воротами, надежной охраной и многочисленной преданной челядью. Однако, и этого, могущественному промышленнику оказалось мало. По всей видимости его тяготила напряженная обстановка в родном ауле, практически неразрешимые конфликты с односельчанами, изматывающая конкуренция с амбициозной родней, невозможность дальнейшего расширения своей усадьбы. Вряд ли он чувствовал себя полным хозяином деревни, среди многочисленных князей Хозясеитовых и Маметевых, постоянно напоминавших ему о «нелегитимности» его богатства, основанного на вероломном захвате общинной земли.

Но главное противоречие заключалось в том, что Мукмин бай-один из самых ярких пионеров татарского капитализма, энергичный предприниматель исчерпал в родной деревне все ресурсы и возможности для развития своего дела. По понятным причинам он не мог осваивать окружающую территорию в масштабах необходимых для рентабельного промышленного и сельскохозяйственного производства.

Вот почему на протяжении нескольких десятилетий Мукмин Хозясеитов заботливо строил для себя и своих детей новое фамильное гнездо, находившееся в десятках верст от Служилой Уры в деревне Ямбаево или Каен Елга Мамадышского уезда (ныне Сабинский район РТ). В XVII–XVIII веках этот аул с обширными земельными и лесными угодьями принадлежал семье татарского князя Ямбаева, чьи потомки впоследствии распродали имение по частям представителям крупной мусульманской буржуазии: Аблаковым, Юнусовым, Апанавым. Однако, наибольшую часть земель здесь приобрел Мукмин Хозясеитов, который затем по частям выкупал деревню у своих коллег-предпринимателей.

Конечно, центром поместья стал новый поташный завод, представлявший собой одноэтажный деревянный корпус (30х6 м), оборудованный 3 чугунными и 5 железными котлами. Рядом с ним находился жилой трехкомнатный деревянный дом для рабочих. Поташное производство было необходимо Мукмину Хозясеитову для создания полного цикла промышленного изготовления кумача, в первую очередь, его качественной окраски. Такой завод, требовавший огромного количества древесного сырья не мог существовать в Служилой Уре, где густые прежде леса были давно поделены между владельцами, либо безжалостно вырублены. Другое дело – село Ямбаево, окруженное густыми еловыми лесами, с небольшой, но пол-

новодной и быстрой рекой Мешей. Общий размер владений купца в 2336 десятин 1112 сажен здесь превышал всю земельную собственность князей Хозясеитовых и Маметевых в Служилой Уре²¹. Причем примерно половина этих солидных угодий приходилась на строевой и дровяной лес, который и служил естественным сырьем для изготовления поташа.

Мукмин бай по всей видимости с особыми чувствами относился к новым владениям. Выстроил небольшой жилой деревянный дом (16x7 м) со всеми необходимыми службами и баней, где проводил с семьей достаточно много времени. На реке Меше поставил прекрасно оборудованный мельничный комплекс с амбаром о двух поставах, толчеей, помольной избой. Еще одна большая водяная мельница действовала на речке Щербет²². Иными словами, деревня Каен-Елга представляла собой богатое хозяйство, увлечение всей жизни, которое так радовало душу энергичного предпринимателя.

Вероятно, именно здесь он сблизился и подружился с малмыжским 1 гильдии купцом Ахметшой Габдулловичем Утямышевым, чьи многочисленные владения находились неподалеку, в том же Мамадышском уезде. За него Мукмин Хозясеитов выдал замуж свою дочь Сагадатбану, которая по признанию современников отличалась необыкновенной красотой. После смерти Ахметши Утямышева, многие из богатых предпринимателей пытались жениться на ней, прельстившись внешностью женщины и, конечно же, капиталами ее отца. В итоге она согласилась на предложение коммерции советника Исхака Губайдулловича Юнусова и стала его второй женой. Сын казанского миллионера впоследствии вспоминал, что его знаменитый отец загорелся идеей жениться на Сагадатбану, увидев на коробке конфет портрет русской девушки удивительно похожей на дочь Мукмина Хозясеитова²³. Скорее всего, она, как и многие потомки арских князей, была яркой блондинкой с большими зелеными глазами. Правда, брак ее с Юнусовым оказался недолгим, вскоре они расстались.

²¹ ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.78. Л.1.

²² ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.93. Л.101–103.

²³ Юнусов Габделькарим. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. – 1997. – №10–11. – С.99.

В Мамадышском уезде в д.Большой Арташ Мукмин бай нашел невесту для своего сына Фатхирахмана²⁴. Таким образом, постепенно купец крепко обосновался на новых землях, где он оставался единственным хозяином, приобретшим, наконец, желанную свободу действий, которой так не хватало ему в Служилой Уре.

Впрочем, основные его предприятия действовали в Царевококшайском уезде, поэтому окончательно расстаться с родными краями промышленник уже не мог. Особую гордость купца, помимо, кумачных мануфактур, составляла бумажная фабрика в марийской деревне Уньжа. Кроме этого, ему принадлежала большая земельная дача в деревне Комургузя, а также деревянный двухэтажный дом в Старотатарской слободе г.Казани²⁵.

²⁴ ЦИА РБ. Ф.И-295. Оп.4. Д.18167. Л.18 (об.).

²⁵ ГАРМЭ. Ф.43. Оп.1. Д.78. Л.1, 39.

ГЛАВА VI. Триумф и закат династии

Радетели веры

Хозясеитовы, как и некоторые другие богатые фамилии Заказня, выведившие свою историю из Казанского ханства и Золотой Орды, в новую капиталистическую эпоху, безжалостно стиравшую сословные границы, бережно сохраняли память о своем знатном происхождении, все так же претендовали на лидерство среди единоверцев, всеми силами распространяя свое влияние на обширных территориях от Волги до Урала.

Именно, первым татарским предпринимателям, с недавним феодальным прошлым, выпала историческая роль стать идеологами и финансистами стремительной исламизации татар, вытеснению из жизни народа древних этнических традиций и языческих представлений. Это был объективный процесс начального этапа формирования буржуазной нации, когда в разобщенную с сильным родоплеменным сознанием социальную среду внедрялся особый стандарт ислама, направленный на консолидацию народа, стандарт созвучный новым капиталистическим реалиям.

Конечно, в нем еще были очень сильны элементы бухарской схоластики и догматики, естественно необходимые для упрочения веры в полукучевом и полуязыческом обществе. Однако, здесь с самого начала закладывались совершенно определенные основы, приведшие через несколько десятилетий к общенациональному реформаторскому процессу. Среди них: очевидная конкуренция с православной церковью и миссионерством, стремление к учреждению сети профессиональных учебных заведений, вакуфных структур, серьезная поддержка наиболее одаренных имамов и мударрисов, опора на указное духовенство в противовес многочисленным суфийским братствам, негласное поощрение творческого свободомыслия. Не случайно, что выдающийся богослов-реформатор Габденасир Курсави вырос «под крылом» богатейших мануфактурщиков Утямышевых из д.Маскара, талантливый Шигабутдин Марджани оказался в главной мечети Казани благодаря воле купцов Юнусовых.

Кстати, Хозясеитовы на протяжении полувека являлись попечителями махалли в деревне Ташкичу, где служил имамом отец Шигабутдина хазрата и, где прошли его детство и юность. В 1817–1819 годах, Сулейман Назирович Хозясеитов возвел в селе большую, городского типа, каменную мечеть, символизировавшую силу и победу ислама в регионе, населенном преимущественно марийским населением. Судя по хронологии строительства, храм возводился специально под формирование крупного миссионерского и образовательного центра, который должен был возглавить, срочно переведенный из деревни Ябынчы в 1821 году, блестящий выпускник бухарского медресе Багаутдин бин Субхан аль-Марджани. Впоследствии, в 1834 году сын промышленника Усман окончательно достроил здание мечети. И, наконец, в 1879 году Садык Губайдуллович Хозясеитов еще раз отремонтировал его, установил ограду и фонари¹.

Вероятно, во многом, благодаря поддержке купцов д.Служилая Ура, род Марджани на протяжении почти 100 лет успешно вел активную проповедническую и педагогическую деятельность в с.Ташкичу. Известно, например, что Мукмин Хозясеитов и Губайдулла Рахматуллович Хозясеитов, отправляясь с караванами в Среднюю Азию, отвозили по просьбе отца, учившемуся в Бухаре Шигабутдину, письма, подарки и деньги. Помогали всем, чем могли².

Наверное самым активным и влиятельным сторонником исламского прозелетизма (осознанного укрепления и распространения веры) в России в первой половине XIX века стал Мукмин Тагирович Хозясеитов, не жалевший никаких средств на развитие мусульманских общин. На протяжении целого десятилетия с 1820–1830 гг. он являлся, пожалуй, самым авторитетным и деятельным татарским предпринимателем России. Горячо преданный идее возрождения религиозного духа соплеменников, преисполненный гордости за великие деяния своих предков, будучи жестко настроенным против православного миссионерства, купец, даже в небольших деревушках строил монументальные каменные мечети, не уступавшие своей масштабностью, церквям возводимым русскими помещиками.

¹ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 382–383 б.

² Фәхреддин Ризәддин. Асар. 3 һәм 4 томнар. – Казан: Рухият, 2010. – 465 б.

В 1829 году Мукмин бай в соседней д.Алашайка (Мазарбаш), своеобразном татарском анклав на обширной территории населенной язычниками, построил мечеть, аналогичную, мечети в с.Ташкичу – добротное кирпичное здание с высоким минаретом, доминировавшее на прилегающими окрестностями. В этой махалле в тот период служил имамом известный богослов, представитель знаменитой династии проповедников – Халид бин Биккол бин Ибрагим аль-Шаши, содержавший большое медресе. Своим пожертвованием Мукмин Хозясеитов укрепил развивающуюся, просвещенную общину, распространявшую ислам в лесных марийских районах. Тем более, что деревня Алашайка была связана с Урой тесными экономическими, образовательными и родственными связями³. Выдающиеся хазраты Уры всегда оказывали серьезное духовное влияние на местных имамов и махаллю в целом.

Однако, самым известным благотворительным актом промышленника стало строительство в 1830 году в городе Уфе первой соборной мечети, находившейся при Оренбургском магометанском духовном собрании, а также передачи ей в вакуф усадьбы с каменным домом. Следует особо подчеркнуть, что муфтий Абдусалам Габдрахимов, сумевший добиться от властей выделения земли и разрешения на строительство, долго не мог найти необходимые для этого средства. Его многократные обращения к богатейшим купцам Казани, Троицка, Касимова и других городов тонули в вежливых обещаниях и пустых словах поддержки. Мусульманская торгово-промышленная элита России никак не могла договориться и коллективно собрать требуемые деньги.

Замкнутый круг проволочек решительно разорвал Мукмин Хозясеитов, выделивший своему другу муфтию Абдусаламу личные 12000 рублей серебром и вызвавшийся непосредственно участвовать в возведении храма. Вероятно, он участвовал и в согласовании общих деталей проекта, т.к. великолепная с 30 метровым минаретом мечеть очень напоминала уже выстроенные Хозясеитовыми молитвенные здания⁴.

³ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 276–277 б.

⁴ История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань, 2013. – С.1006–1007.

Очевидно, что потомок арских князей этим своим шагом установил прекрасный памятник не только своему роду, но и всему первому поколению татарских промышленников, успешно воспользовавшихся благодеяниями Екатерины II, и, гордо вознесших знамя веры над своим терпеливым народом, стремительно избавлявшемся от унижительных страхов и былой неуверенности. Уфа – официальная мусульманская столица Российской империи приобрела величественный архитектурный комплекс, который на долгие годы стал центром притяжения выдающихся исламских ученых, выпускников медресе, представителей многочисленных махаллей из разных губерний государства. Мукмин Хозясеитов не просто дружески помог муфтию, не просто упрочил свои позиции в общероссийском масштабе, он поддержал главный, в то время, институт татарского духовного самоуправления.

Вообще, казалось, что Мукмин Хозясеитов строительством монументальных мечетей стремился обозначить границы расширяющегося татарского мира. Его собственные коммерческие интересы охватывали огромную территорию от регионов европейской России до степей Казахстана и государств Средней Азии и всюду он стремился помочь имамам, шакирдам, мусульманским общинам. В 1835–1838 годах на средства промышленника было возведено большое каменное здание второй соборной мечети г.Троицка – крупнейшего транзитного центра караванной торговли на Южном Урале. Этот город, изначально формировался как татарский населенный пункт, в котором обосновывались предприимчивые выходцы из Закавказья, извлекавшие огромные прибыли от многопрофильной коммерции между Европой и Азией.

Интересно, что решение о строительстве храма, появилось у благотворителя одновременно с возведением мечети в Уфе и фактически сразу же после завершения работ в Алашайке. То есть в конце двадцатых – начале тридцатых годов XIX века Хозясеитов выделил единовременно около 80000 рублей на мусульманские культовые постройки. В Троицке он хотел сделать все максимально быстро, по уфимскому проекту, «сколько бы суммы ему не стоило». Однако сначала военный губернатор П.П. Сухтелен, назвав уфимскую мечеть «безобразной», предложил построить культовое здание в Троицке на подобие турецких или аравийских, а затем, после смерти чиновника, купцу пришлось выбирать один из трех образцовых проектов. Поэто-

му работы затянулись на несколько лет. Сам же предприниматель действовал очень энергично. В сентябре 1834 года он купил для расширения площади перед зданием два «обывательских» домовладения, залил фундамент, подготовил весь необходимый строительный материал, нанял мастера с рабочими, чтобы уже с лета приступить к кирпичной кладке⁵. Но бюрократические проволочки, протесты троицкого протоирея, длительная переписка с инстанциями замедляли начатое дело. В итоге, от замысла до его реализации прошло почти 8 лет.

Мукмин бай, благодаря которому в городе появилась, весьма оригинальная в архитектурном плане, двухминаретная мечеть, по сути, положил начало, сугубо татарской, заказанской махалле. Не случайно, что впоследствии, попечителями общины и храма стали знаменитые купцы Яушевы, чьи далекие предки происходившие из д.Кошар (ныне Атнинский район РТ), также как и Хозясеитовы относились к исторической группе арских князей.

Таким образом, первая половина XIX века стала своеобразным триумфом небольшого аула Заказанья, чьи знатные и богатые представители достигли высочайших вершин общественного признания.

Вся слава древней Уры, ее настоящее и будущее были связаны теперь с именем Мукмина Хозясеитова, безусловно пытавшегося примерить на себя доспехи легендарного Кара бека, чувствуя себя настоящим хозяином в Казани, Уфе и Троицке, искренним радетелем ислама среди тысяч соплеменников от Волги до Урала.

Действительно, его авторитет был непререкаем, освящался сказочным богатством и не менее сказочной щедростью. Купец, жени сыновей и выдавая замуж дочерей, породнился с самыми могущественными и родовитыми семьями татарского мира: Апаньевыми, Утямишевскими, князьями Замановыми, Усмановыми и другими. Войти в ближний круг знаменитого Мукмин бая считалось несказанным подарком небес. При нем Служилая Ура оставалась крупнейшим центром исламского просвещения и власти. Опекаемый им Фатхуллагин Хусаин являлся, наверно, в тот период самым влиятельным ахунном, чье слово для жителей приказанских уездов всегда становилось окончательным решением при богословских, семейных или наследственных спорах. Но только не в Уре, где главным арбитром оставался Мукмин Хозясеитов, который горячо поддерживая борьбу хаз-

⁵ ГАОО Ф.6. Оп.4. Д.9779. Л.38–58 (об.).

рата с суфийскими братствами, пережитками язычества, помогая ему в блестящей педагогической деятельности, мог во время одного из конфликтов отстранить его от занимаемой должности и с известной долей цинизма заявить: «Я истратил тысячу рублей на то, чтобы Фатхулла стал имамом, сейчас вновь пришлось заплатить тысячу, чтобы избавиться от него»⁶.

Вседозволенность и откровенный цинизм вкупе с искренней убежденностью в свою высокую миссию как ржа разъедали заслуженную репутацию выдающегося предпринимателя, ослабляли его социальное влияние и предрекали неблагоприятный исход. Фанатичный прозелетизм Мукмина Хозясеитова неизбежно создавал конфликтные ситуации с православной церковью и соответственно с властью, не суля ничего хорошего ни для профессиональной работы купца, ни для его личной судьбы.

Миссионерский детектив

Громкий скандал настиг, казалось бы могущественного и непобедимого бая, уже на склоне лет. Он был связан с его давней и, конечно же, тайной деятельностью по обращению в ислам «новокрещеных» татар и марийцев. Все началось 12 августа 1839 года, с донесения священника села Сунгарево Петра Алексеева, который сообщал уездным властям о том, что «арский второй гильдии купец Мукмин Таирович Хозясеитов совратил в магометанский закон, посредством обрезания, крещенного из татар Гаврилу... назвал его сыном татарина деревни Дворовый Уртем Магадея Аминова Хамидуллой и ходатайствовал о приписке по сказкам 8 ревизии в семейство Аминова»⁷. Обвинение по тем временам очень серьезное, предполагающее сразу несколько уголовных преступлений, дало начало тщательному расследованию, которое привело к противоречивым, но крайне, неблагоприятным для купца результатам.

Выяснилось, что еще в ноябре 1834 года двенадцатилетний крещеный татарин Гаврила Петров пришел в Хозясеитову и попросил работу исключительно «из одного пропитания». По версии самого юноши, промышленник согласился помочь ему только при условии

⁶ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 228–300 б.

⁷ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.816. Л.66(об.)–67.

прохождения обряда обрезания и обращения, таким образом, в ислам. Мало того, купец предложил Гавриле за это построить дом и найти хорошую жену. Подросток согласился и в итоге получил работу на писчебумажной фабрике Мукмина Хозясеитова в деревне Уньже.

Вероятно, купец так и не выполнил остальных своих обещаний. Юноша затаил обиду, которой умело, воспользовалось православное духовенство, давно подозревавшее промышленника в исламской миссионерской деятельности. Следует отметить, что первоначальное расследование, длившееся непозволительно долго, около четырех лет, даже толком не сумело раскрыть происхождение Гаврилы, и, тем более, заставить Хозясеитова признаться в противоправных поступках.

Предприниматель твердо стоял на том, что подросток пришел к нему, будучи одетым в мусульманскую одежду, представился Хамидуллой и о том, что он крещеный ничего не знал. Свидетели же были менее категоричны, но точного ответа на вопросы следствия дать не смогли. Магди Амиров из деревни Дворовый Уртем, к чьей семье причислили Хамидуллу (Гаврилу) утверждал, что находясь на заработках, прижил его со своей второй женой, а потом отдал на воспитание неизвестно в какую семью. Впоследствии, мать ребенка привела его к отцу и попросила причислить в Дворовый Уртем. Об этом говорила и мать юноши солдатка Матрена Яковлева. Однако, сам Гаврила настаивал на том, что родился в деревне Нурме Мамадышского уезда, воспитывался у своего родственника, принял крещение в селе Алаты, а затем уже попал на фабрику Хозясеитова, где был обрезан «по принуждению». На время следствия, признавая всю важность дела и в целях безопасности свидетеля, власти отдали Гаврилу Петрова на поручительство коллежского секретаря Петра Некрасова, который поселил его на своей фабрике в деревне Шоре.

Однако, в ночь с 5 на 6 февраля 1843 года Гаврила, отлучившись из деревни ненадолго по своим делам, бесследно исчез. Некрасов, понимая серьезность ситуации, поднял тревогу, а полиция немедленно начала поиски. Основной версией пропажи ключевого свидетеля с самого начала было убийство. Поэтому, обратив особое внимание на узкий круг подозреваемых, полиция сразу же задержала трех работников той же фабрики: Мухаметрахима Мухаметзянова, Саттара Абдулова и Абдулгази Ахмерова, также покидавших предприятие в это же время, и, на чьей одежде были обнаружены следы крови.

Конечно, на первом допросе все они полностью отрицали свою вину. Но, затем после неких «убеждений», двое последних «открыли, что при возвращении их с Мухаметзяновым на фабрику Некрасова, были настигнуты, ехавшим туда же Гаврилою, сели к нему в сани. Из них Мухаметзянов упрекая Гаврилу за отлучку от Некрасова, завел с ним ссору, потом в азарте ударил его по голове несколько раз, бывшей в санях саблей, а наконец угрожая изрубить и их, если не будут способствовать к сокрытию тела убитого Гаврилы. Они испугались этих угроз до такой степени, что не могли бежать, а Мухаметзянов, видевший, что Гаврила еще дышит, удавил его концом, бывшей в санях веревки, поворотил лошадь с санями к реке и при помощи их свалил тело Гаврилы в прорубь»⁸.

На последующих допросах подозреваемые то подтверждали свою вину, раскаивались и просили прощения, то вновь отрицали причастность к преступлению. Мухаметзянов – главный исполнитель убийства, в конце концов, признавшись в содеянном, назвал в качестве заказчиков двух женщин: Шахидубану и Шамсибану. Первая якобы заплатила ему 600 рублей и дала топор. Это же подтвердил и другой соучастник Саттар Абдулов.

Следователи, чувствуя, что задержанные юлят и буквально на ходу придумывают различные версии, продолжали давление. Тем более, что оговоренные женщины полностью и очень уверенно отвергали свое соучастие в нападении на Гаврилу. Они не только не имели каких-то мотивов для этого, но и достаточных средств для оплаты.

Через несколько дней, у двадцатитрехлетнего убийцы, крестьянина Мамадышского уезда Мухаметрахима Мухаметзянова не выдержали нервы. Оповестив уездного стряпчего, он, в присутствии Царевококшайского уездного суда 15 июня 1843 года заявил, что на убийство Гаврилы его подрядил купец Мукмин Хозясеитов, обещав за это, сказочную для нищего деревенского парня сумму в 1500 рублей. По словам Мухаметзянова, промышленник действовал через посредника, своего работника Губайдуллу Ахмадуллина, который передал ему сначала 5 рублей серебром, а затем еще 100 ассигнациями. Из них Мухаметзянов выдал 2 рубля 62 копейки своим подельникам. Больше от Хозясеитова они ничего не дождались. Как и какой-то другой помощи, находясь в заключении. Возможно, этим об-

⁸ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.816. Л.70(об.)–71.

стоятельством и объяснялась неожиданная откровенность подозреваемого. Он утверждал, что властный купец был очень зол на «новокрещена» за донос, поэтому и настаивал на его убийстве.

Вероятно, следователи изначально подозревали предпринимателя в организации этого жестокого преступления. Показания исполнителя рисовали картину, поражающего своей наглостью злодеяния, совершенного за деньги и по религиозным причинам. Дело, в котором оказался замешанным один из авторитетнейших мусульман Казанской губернии, обещало громкий общегосударственный резонанс. Поэтому все силы предварительного расследования были направлены теперь на изобличение Хозясеитова.

На допросе 24 июня 1843 года, семнадцатилетний Губайдулла Ахмадуллин и не думал отпираться. Напуганный вниманием к своей персоне, он показал следователям, что купец дважды через него передавал Мухаметрахиму Мухаметзянову деньги, завернутые в материю, не говоря для каких целей. Через месяц, после выдачи этих средств произошло убийство.

Но, власти недооценили влияния Мукмина бая на своих единоверцев. На очной ставке с промышленником, Губайдулла Ахмадуллин сразу же опроверг свои предыдущие показания. То же самое сделал и Мухаметзянов, отказавшийся от своих же слов, что работник купца вручил ему деньги со словами: «Убей Гаврилу». Такую же позицию они заняли на судебном заседании. Допрос работницы фабрики Хозясеитова – Пелагеи Яковлевой, проходивший 24 июля 1843 года многое дал для понимания весьма противоречивого поведения участников процесса. Было очевидно, что большинством из них руководил сильный страх перед жестким, мстительным и решительным предпринимателем.

Свидетельница показала, что Гаврила неоднократно жаловался ей, что Хозясеитов очень зол на него за обращение в христианство и угрожает убийством. Что работник купца Губайдулла Ахмадуллин и его брат Хайбулла, знавшие о замыслах бая, на период расследования, были выдворены из фабрики, а их мать, оставшаяся в своеобразных заложниках, умерла в подвале купеческого особняка в Служилой Уре. Во время обыска на предприятии промышленника была изъята его собственноручная записка одному из приказчиков следующего содержания: «Да будет известно Хусаину, пришли сюда Хайбуллу и Губайдуллу, а вслед за ними и сам явись, есть поруче-

ния, о которых я с тобой переговорю. В деревню свою поеду, туда зовут. С завода вышли за болезнью, чтоб знали»⁹.

Мало того, вскоре выяснилось, что Хайбулла Ахмадуллин вскоре был убит, при невыясненных обстоятельствах в Мамадышском уезде. Причем, по первой информации, которую получил царевokokшайский исправник от одного из заключенных, данное убийство было оплачено десятью золотыми рублями приказчиком Мукмина Хозясеитова, с целью скрыть следы предыдущего преступления.

Естественно, что все обвинения купец возмущенно отвергал, приводя простые доводы. Работники ушли с фабрики сами. Куда не знаю. Их мать умерла не в подвале, а в людской и очень давно, задолго до этих событий. О записке, найденной на фабрике, ничего не помню. Никому никаких денег не давал и никого не убивал.

Прямых доказательств против него не было. Ключевые свидетели куда-то исчезали, либо без конца меняли показания. Следователям удалось выяснить, что убийца Мухаметрахим Мухаметзянов был, что называется, «на крючке» у Хозясеитова, так как в свое время, работая у него на предприятии, совершил кражу, был пойман, но не сдан полиции. Полностью зависимыми от предпринимателя людьми являлись братья Губайдулла и Хайбулла Ахмадуллины, чьим отцом был крещеный мариец, а матерью татарка Шахида. По сведениям, дошедшим до полиции их, как и Гаврилу Петрова, купец обратил их в ислам, устроил к себе на работу и приписал к семье крестьянина Ахмадуллы Амирова все в том же Дворовом Уртеме.

Расследование выявило полный беспорядок в надзорных и полицейских учреждениях, волокиту и халатность, существенно тормозившие ведение дела, что сказалось на его конечных результатах. Так, например, становой пристав Царевokokшайского уезда Беляев, получивший через земский суд соответствующее донесение Уразлинского волостного правления, не начинал по нему работу с августа 1839 по ноябрь 1840 года. Пристав Казанского уезда также в течение нескольких месяцев в 1840 году, сначала не приступал к производству, а затем вообще отстранился от процесса. Другие полицейские чины небрежно относились к процедурам, не брали подписей у понятых при обысках, давали непроверенные, недостоверные сведения и т.д.¹⁰ Ко всему про-

⁹ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.816. Л.74.

¹⁰ НА РТ. Ф.26. Оп.1. Д.816. Л.65–66.

чему, незадолго до суда 17–18 мая 1845 года, исполнители убийства Гаврилы Петрова сбежали из тюремного замка и хотя вскоре были пойманы, весь этот комплекс обстоятельств грозил развалу многолетней следственной работы по данному преступлению.

Следует отметить, что приговор Казанской палаты уголовного суда от 13 июля 1845 года снял все подозрения с Мукмина Хозясеитова за их недоказанность. Ему лишь сделали предупреждение о необходимости приема на работу людей с документами и о недопустимости сокрытия преступлений, как это случилось с кражей Мухаметзянова.

Главный обвиняемый Мухаметрахим Мухаметзянов был приговорен за убийство Гаврилы и Петрова и побег из тюрьмы к публичному наказанию через палача 20 ударами кнута, наложению клейма и ссылке в арестантские роты, находящиеся в крепостях. Его подельники: Саттар Абдулов и Абдулгази Ахмеров получили наказание в виде 25 ударов плетью и отправки на поселение в Сибирь. Посредник, несовершеннолетний Губайдулла Ахмадуллин препровожден в ведение Казанского совестного суда.

Таким образом, громкого судебного процесса на конфессиональной почве не получилось. Собиравшаяся было гроза над головой Мукмина Хозясеитова неожиданно прошла стороной. Что здесь сыграло свою роль? Нежелание местных властей выносить сор из избы, непрофессионализм полиции, так и не нашедшей веских доказательств вины купца? Или же поголовная коррупция чиновников, закрывших глаза на очевидные вещи? Ведь было известно следствию, что промышленник приписывал обращенных в ислам «новокрещен» к чужим семьям в мусульманскую деревню при помощи волостного писаря Алексея Шиловцова. В то же время судьи, оперировавшие фактами, справедливо могли считать подозрения в адрес Хозясеитова банальными оговорами недоброжелателей.

Однако, в столице Российской империи всегда очень внимательно относились в делам, в которых фигуриовало посягательство на православных христиан. Именно, поэтому 19 февраля 1848 года Правительствующий Сенат возвратил все материалы казанскому губернатору для отправки их в Министерство внутренних дел, которое, в свою очередь, представила данные документы на рассмотрение и решение императора Николая I. Высочайшее повеление, последовавшее 8 декабря 1848 года, было компромиссным. С одной стороны

Хозясеитов признавался «неизобличенным в совращение в магометанство крещеных татар» и потому освобождался от суда¹¹. С другой стороны, и, это было вероятно мнение самого Николая I, озвученное военным губернатором Казанской губернии, купец по всем обстоятельствам дела оставался «в глубочайшем подозрении» в причастности к убийствам: Гаврилы Петрова, Хайбуллы Ахмадуллина и его матери Шагиды. В этой связи, предприниматель помещался под строгий полицейский надзор и особое наблюдение. Губернатор подчеркивал, что следствие по делу будет продолжаться, и если вдруг появится новая информация, подтверждающая вину Хозясеитова, его немедленно привлекут к уголовной ответственности.

Император несколько смягчил наказание Мухаметрахиму Мухаметзянову, заменив 20 ударов кнутом и наложение клейма, 50 ударами плетью. Его двум соучастникам наказание плетью было заменено экзекуцией розгами¹².

Можно сказать, что Мукмин бай еще счастливо отделался, спасшись от тюремного заточения и позора. Но, многим стало ясно, что век славы, всесильного некогда заказанского князя, подходит к своему завершению. Его неограниченная власть в регионе, подмявшая под себя как простых крестьян, так и местное начальство, зиждилась на культе силы, богатства, страхе и решительной жестокости. На непрочном фундаменте холодного и высокомерного цинизма, множившим количество врагов, ненависть окружающих, лишавшего талантливую и умную предпринимателя последних душевных сил.

Этот цинизм обнажал весьма шаткое положение не только в чувствах, мыслях, в повседневной жизни купца, но и порождал обоснованную тревогу за будущее его аула. Мукмин бай, привыкший, как и его отец и дед, властвовать с помощью денег, с помощью коррумпированных чиновников, постепенно терял преданных людей. Отказавшись от фамильной солидарности, он лишился твердой поддержки своего знаменитого рода. И дело не только в том, что разбогатевшему князю давно уже стали не нужны многочисленные и менее успешные родственники, сам род начал стремительно утрачивать ощущение исторического и кровного единства. Великая некогда княжеская деревня была обречена на неминуемое угасание, безвоз-

¹¹ НА РГ. Ф.26. Оп.1. Д.816. Л.80(об.).

¹² НА РГ. Ф.26. Оп.1. Д.816. Л.83(об.)–84(об.).

вратную потерю, казалось бы, вечного, ореола силы, богатства, высокого достоинства.

На эту драматичную ситуацию повлиял неумолимый ход капиталистического развития, который новыми технологиями и организацией труда, подрывал основы полукустарного мануфактурного производства татарских сельских промышленников. К середине XIX столетия постепенно начали падать обороты и прибыль предприятий Хозясеитовых. Сам Мукмин бай постарел и мучился болезнями. Он так и не смог из пяти своих сыновей вырастить хотя бы одного достойного преемника, который был бы способен вдохнуть новую жизнь в умирающее фамильное дело.

Неравная партия

Закат династии хорошо иллюстрирует сюжет, связанный с брачными отношениями семьи купца, который, как отмечалось выше, родился с людьми только своего круга. Однако, характер матримонильных связей в среде богатого купечества всегда зависел от прочности положения в коммерческом мире, размеров состояния и перспектив дальнейшего обогащения. Так вот для Мукмина Хозясеитова стал настоящим ударом и неожиданным унижением конфликт, связанный с предварительным браком его сына Абдулкотдуса и дочери, крупного промышленника из д.Маскара Ахметши Абдулловича Утямышева – Бибигайши.

В 1841 году А.А.Утямышев, зять и близкий друг Мукмина бая, находившийся в это время в гостях у ахуна Фатхуллы бин Хусаина в Служилой Уре, сам пожелал в будущем выдать дочь за сына своего партнера и друга. Соглашение это было скреплено «гакыдой» (клятвой) в присутствии ахуна, богатых и уважаемых крестьян Уры Тагира Мухаметкаримова, Валита Абдулкаримова, Абдулмазита Абдулхаирова, имамов д.Старый Кинер Самигуллы Губайдуллина, д.Новые Шаши Фахрутдина Идрисова, д.Параньги Ибрагима Биккулова, д.Новой Уры Сиразетдина Абдулгаллямова. Судя по количеству авторитетных свидетелей, событие это действительно проходило в торжественной обстановке праздничного меджлиса, характерного для заключения предварительных браков. Официальное оформление отношений было отложено до достижения женихом и невестой совершеннолетнего возраста.

Однако, через несколько лет, когда Мукмин Хозясеитов уже был серьезно болен и растерял былое могущество, династийный союз двух знаменитых купеческих фамилий оказался под угрозой. Его друг и названный кода (сват) А.А.Утямышев 28 октября 1848 года умер. После чего Мукмин Хозясеитов поспешил обратиться к имаму 1-й соборной мечети д.Маскара Габдулле Яхьину (Габдулле аль-Чиртуши) с просьбой зафиксировать брак своего сына в метрической книге, но неожиданно получил решительный отказ.

Дело в том, что сын Ахметши Утямышева – молодой, амбициозный промышленник Мухаметшакир, уже осознавший незавидное положение Хозясеитовых, посчитал данный союз неравной партией. Его сестра Бибигайша, являвшаяся родственницей по матери богатым мануфактурщиком Усмановым из д.Кшкар, считалась богатой наследницей и Мухаметшакир давно подобрал ей нового, более перспективного жениха.

По его настоянию Габдулла аль-Чиртуши прочитал никах Бибигайши и сына одного из самых состоятельных предпринимателей губернии, потомственного почетного гражданина Мухаметгалея Курбангалеевича Арсаева. Возмущенный таким поворотом событий, Мукмин Хозясеитов обратился в Оренбургское магометанское духовное собрание с просьбой разобраться и отменить неправомерное, по его мнению, бракосочетание, узаконив предварительную женитьбу его сына. В ноябре 1849 года, по поручению муфтия был произведен подробный опрос сторон, во время которого Мухаметшакир Утямышев полностью отверг претензии Хозясеитова, заявив, что отец его никакой гакиды не давал, так как сильно болел, а его сестра постоянно проживающая д.Кшкар у своего деда Мусы Назировича Усманова, не желает связывать свою жизнь с Абдулкотдусом Хозясеитовым по причине его «неблагопристойности»¹³. Сама Бибигайша написала специальное прошение на имя муфтия, утверждая, что не желает выходить замуж ни за Арсаева, ни за Хозясеитова по причине несовершеннолетия. При этом она подчеркивала: «родитель благословляя меня предоставил мне добровольное право избрать супружество на волю мою, за кого сама пожелаю, и на волю старшего брата...»¹⁴.

¹³ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.3. Д.2610. Л.26–26(об.).

¹⁴ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.3. Д.2610. Л.66–67.

Духовное собрание, исходя из показаний свидетелей, подтверждавших гакаду Утямышева, приняло решение расторгнуть брак Бибигайши Утямышевой и Мухаметгали Арсаева, официально утвердить предварительную женитьбу Хозясеитова и отстранить от должности имама 1-й соборной мечети Маскары Габдуллу бин Яхью аль-Чиртуши. То есть муфтий Абдулвахит Сулейманов, относившийся с глубоким уважением к заслугам Мукмина князя перед исламским миром России, решительно встал на защиту его интересов.

Но даже влияния муфтия не хватило для окончательного разрешения этой остроконфликтной и запутанной истории. Департамент духовных дел и иностранных исповеданий 19 декабря 1849 года опротестовал решение Духовного собрания, настаивая на учете мнения самой Бибигайши Утямышевой. Она, видимо под серьезным давлением брата, вскоре письменно объявила о своем желании выйти замуж за Мухаметгали Арсаева¹⁵.

Для Хозясеитовых случилось непоправимое. Впервые, публично со скандалом было отвергнуто родство с ними, впервые, они не смогли отстоять свою честь в судебных и бюрократических разбирательствах. Век, неоспоримого когда-то могущества арских князей из Служилой Уры, подходил к своему логическому завершению. Мукмин Тагирович Хозясеитов так и не оправился от такого позора. Он скончался 5 ноября 1852 года и был похоронен рядом со своими предками на кладбище родового аула.

Преемник

Впрочем, и после его кончины, шлейф ссор, жестоких споров, в первую очередь, из-за немалого наследства продолжал сопровождать жизнь многочисленной семьи предпринимателя. Вероятно, в последние годы жизни, он был очень озабочен судьбой своих детей и второй молодой жены, стремясь обеспечить любыми способами их стабильное существование. Этим обстоятельством, объясняется, в частности, горячее стремление купца женить своего сына Абдулкотдуса на девушке с богатым приданым. Отсюда три варианта завещаний предпринимателя, которые все время переделывались с учетом меняющихся интересов жены, сыновей и дочерей. Основной конфликт

¹⁵ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.3. Д.2610. Л.107(об.).

происходил между супругой Мукмин бая Гульбикой Хасановой, содержавшей малолетних сыновей Абдула и Фатхирахмана, и взрослыми детьми промышленника (всего у него было 15 детей от двух жен), многие из которых давно состояли в брачных отношениях с богатыми семьями Казани и были хорошо обеспечены. По этой причине раздел имущества затянулся на долгие 16 лет. Не помогло даже авторитетное посредничество Ш.Марджани и имама мечети Б.Сабы Абдулгалляма Абдулкадырова. После череды громких судебных разбирательств, решением Правительствующего Сената в 1868 году, наследство Мукмина Хозясеитова было разделено между его потомками в соответствии с гражданским законодательством¹⁶.

По сути, серьезные капиталы промышленника были раздроблены и растащены по разным семьям, и, теперь уже никак не могли стать стартовой основой для возрождения фамильного дела. Его дети и внуки превратились в обычных обывателей, не помышлявших о былом богатстве и смелых амбициях. Так, например, сын Фатхирахман, скончавшийся в 1878 году, оставил после себя «смехотворную» для бывших миллионеров сумму в 48 рублей «вещами» и 1793 рубля в билете Казанского городского общественного банка. Да и эти деньги стали предметом долгого раздела между детьми арского мещанина¹⁷.

Впрочем, такая судьба постигла почти все семьи Служилой Уры, чье богатство основывалось на мануфактурном производстве. Во второй половине XIX века потомки некогда влиятельнейших успешных купцов деревни, практически никак не проявляли себя ни в коммерческой, ни в общественной жизни. Относительно благополучно чувствовали себя лишь те предприниматели, которые занимались традиционной торговлей.

Прочный достаток имели представители клана князей Маметевых, а среди Хозясеитовых, остался лишь один крупный торговец Мухаметсадык бин Губайдулла бин Ибрагим бин Дауд бин Рахманкул бин Бикмет бин Янморза бин Хозясеит (1819–1892), не являвшийся прямым потомком знаменитого Назир бая.

Он родился в семье богатого крестьянина Губайдуллы бин Ибрагима, активно торговавшего в Средней Азии и имевшего 9 детей. Мухаметсадык был одним из старших сыновей от первой жены сво-

¹⁶ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.4. Д.6124. Л.1–6.

¹⁷ ЦИА РБ. Ф.И–295. Оп.4. Д.18167. Л.3–18.

его отца. Кроме того у него было еще три брата от второй жены главы семейства, являвшейся внучкой Назира Хозясеитова. Вероятно, все они получили неплохие стартовые условия для самостоятельной коммерческой деятельности. Однако, только Мухаметсадыку удалось добиться очевидного успеха на этом поприще. Основным занятием купца была торговля, но он не забывал и традиционное для Уры, кумачное производство. Полученную прибыль умело вкладывал в покупку недвижимости. Ему принадлежали несколько домов и водяная мельница в Служилой Уре, лесная дача в Уржумском уезде Вятской губернии в количестве 34 десятин, обширная усадьба из нескольких больших домов в лесной даче Пустошь Шатки Царевококшайского уезда Казанской губернии, два жилых особняка в Казани и другое недвижимое имущество¹⁸.

Благодаря своим немалым капиталам, активной благотворительности, он сумел в какой-то мере занять место покойного Мукмина Хозясеитова в Служилой Уре, хотя, конечно же, масштабы были уже не те, но сил у купца все же хватало на поддержание в порядке, мечетей, возведенных его родственниками и строительство небольших деревянных храмов в соседних аулах. Он, в частности, продолжал опекать махаллу д.Ташкичу, помогая брату Ш.Марджани – Садретдину хазрату содержать приход. Например, как мы уже отмечали, в 1879 году Мухаметсадык бай отремонтировал каменную мечеть села, возвел вокруг нее ограду, повесил фонари.

В 1881 году купец построил деревянную мечеть в деревне Кичкенеш, в общину которой вошли 76 домохозяев этого населенного пункта и села Селенгур, а также рабочие, проживавшие на кумачной фабрике промышленника в Служилой Уре¹⁹. Главой этого прихода он поставил представителя династии священнослужителей 1-й соборной мечети своего села – Мухаметшаджога Сибгатуллина.

О попытках М.-С.Г.Хозясеитова вдохнуть новую жизнь в родную деревню, постепенно приходившую в запустение после угасания ее знаменитых династий, писал еще Ш.Марджани²⁰. Так своеобразным и мрачным символом навсегда ушедшего богатства стала 1-я

¹⁸ НА РТ. Ф.2. Оп.3. Д.2005. Л.2 (об.).

¹⁹ НА РТ. Ф.2. Оп.2. Д.1732. Л.2–4 (об.).

²⁰ Мәржани Ш. Мөстфадел-эхбар фи эхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 390 б.

соборная мечеть села, построенная еще в 1787 году Назиром Хозясеитовым. За два десятилетия, прошедших после кончины его внука – Мукмина, в Служилой Уре так и не нашлось необходимых средств, чтобы поддерживать ее в достойном состоянии. Дело дошло до того, что купол храма обвалился, само здание треснуло посередине и стало разваливаться на глазах, возникла явная угроза обрушения минарета. В аварийной мечети прекратились службы. Спас положение Мухаметсадык Губайдуллович, который в 1872 году решительно взялся за ее восстановление, вложив серьезные деньги, полностью укрепил и обновил здание.

М.-С.Г.Хозясеитов вплоть до конца XIX века играл существенную роль в коммерческом мире Казанской губернии. Уже на излете своей жизни, в 1889 году он даже попытался вложить капиталы в промышленное производство, купив у разорившегося помещика С.А.Желтухина в с.Воскресенском Царевококшайского уезда стекольную фабрику. Однако, желаемой прибыли она не приносила и уже через год купец передал ее в аренду казанскому 1 гильдии купцу А.Я.Сайдашеву, с которым у него в уезде были конкурентно-партнерские отношения²¹.

Достойный зять Служилой Уры

Вообще, Мухаметсадык бай помешал своим участием в сделке с Желтухиным грандиозным планам Сайдашева по созданию крупного стекольного предприятия, не дав объединить две фабрики помещика в одну. Правда, уже после смерти Хозясеитова в 1892 году, его молодая вдова Бибикарима Абдуллина, выйдя замуж за сына казанского предпринимателя Мустафу Ахметзяновича Сайдашева, уступила фабрику в с.Воскресенском своему новому тестю. Тот слил оба производства и окончательно перенес их в свое имение в с.Петровском. Но, и этот шаг не принес ему стабильности, так как в дело вмешались другие наследники Мухаметсадыка – зять Закирзян Нурмухаметович Тагиров и сестра Магруй Курмашева.

Дело в том, что у Хозясеитова была единственная дочь Бибихадича. Все остальные дети, в том числе и сыновья, умерли в младенчестве. Поэтому, главной опорой купца, его помощником стал зять,

²¹ НА РТ. Ф.1. Оп.3. Д.8190. Л.4–4(об.); Д.7916. Л.22.

уже упомянутый нами Закирзян Тагиров, происходивший из семьи просвещенного имама деревни Культес (ныне Арский район РТ). Именно между ним и молодой женой промышленника развернулась жесткая борьба за немалое наследство, оценивавшееся по самым приблизительным расчетам в 200000 рублей. Сохранилось завещание предпринимателя от 25 ноября 1891 года, содержание которого характеризует Мухаметсадыка Хозясеитова как глубоко верующего и щедрого человека, стремившегося никого не обидеть и распределить заработанное им по справедливости.

Последняя его воля была такова: *«...Из всего оставшегося после меня имущества завещаю 1/3 часть употребить на те Богоугодные дела, которых я был обязан исполнить по шариату, а также и на другие богоугодные дела: 1) завещаю на фидию, т.е. за оставшиеся постов пятивременных молитв и тп. Шариатом на меня возложенные дела 2000 руб.; 2) завещаю кто отправится за меня в Мекку (хадж) 700 руб.; 3) в тот день в который я уйду прочитав пять раз Аль-Коран (хатым) завещаю 35 руб.; 4) на похоронах муллам и бедным раздать милостыню по обычаю 1500 руб.; 5) со дня моей смерти и до семи и более дней раздавать милостыню бедным, при этом же не оставляя и другие следующие в обряде милостыни; 6) завещаю детям моей дочери Хадычи, т.е. моим внукам Фатиме, Магире, по отцу Нурмухамета ХозяАхметова Курбангалиева по 1000 рублей каждой, итого 2000 руб.; 7) дом со всеми постройками, находящийся в дер. Уре, против мечети, на общественной земле, где в настоящее время живет Хусаин Хасанов Хозясеитов ему самому завещаю.*

8) *В той же дер. Уре, на общественной земле против мечети есть дом, в котором в настоящее время живет Касим Бакиев Хозясеитов ему самому и завещаю.*

9) *младшим моим братьям от одной со мной отца и другой матери Мухамет Юсупу, Ибрагиму, Искаку Губайдуллиным Хозясеитовым завещаю по 100 рублей, итого 300 рублей.*

10) *В той же деревне Уре, на общественной земле, около мечети находится дом, в котором живет приходской мулла. Этот дом завещаю самому мулле Валиulle Сабагатуллину.*

11) *оставшиеся от одной трети вышепоименованного завещания на богоугодные дела, раздать куда следует т.е. употребить на*

постройку мечетей, медресе, поправку колодцев и т.п. богоугодные дела.

12) оставшееся имущество кроме завещанной 1/3 т.е. 2/3 разделить между наследниками по магометанскому шаригату, исключая дачи в Царевококиш. уезде. Но дачу эту не длить, ни продавать и на заложив а пользоваться только доходом от нее.

13) кто либо был много оскорблено или обижен то их удовлетворить; врученное мне на сохранение имущество возвратить их кому следует.

Настоящее мое завещание исполнить в точности не отказывая нисколько. Душеприказчиками для точного выполнения сего моего духовного завещания назначаю: царевококшайского уезда деревни Уры: Хусаина Хасанова Хозясеитова, Ибрагима Губайдуллина, Мухамет-Галея Валитова Хозясеитова, дочь мою Биби-Хадычу Мухамет-Садыкову Хозясеитову, жену мою Кариму Абдуллину и имама деревни Кушкет-баи Малмыжского уезда Багаутдина Ибрагимова, которые прошу исполнить немедленно настоящее мое духовное завещание.

Это духовное завещание со слов завещателя Мухамет Садыка Губайдуллина Хозясеитова, ... Писал указной имам и мударис Абдул Каюм Абдул Бадигов.

Свидетелями были ташкентский купеческий сын Муртаза Габдрахманов Ибрагимов, живущий в Казани на Захарьевской улице в своем доме

Ииам и мударис в городе Казани 1-го прихода Бурганетдин Мухамет мулла Шагабутдинов Марджани, живущий в Казани на Захарьевской улице в своем доме

Казанский купец Мухамет Шарып Мухаметзянов Мусин, живущий в Казани на Поперечно-Сенной улице в своем доме

Казанский мещанин Габдулкадыр Габдулвалиев живущий в Казани на Захарьевской улице в доме Хозясеитова

Переводил крестьянин Хвалынского уезда деревний Старого Мостяка Фаткулла Сагадудинов Утишев»²².

Завещание, засвидетельствованное самыми уважаемыми имамами Казани Ш.Марджани, А.Абдулбадиговым, С.Утяшевым, предусматривало серьезные пожертвования на нужды села. Мухаметсадык

²² НА РТ. Ф.2. Оп.3. Д.2005. Л.10–11.

бай дарил выстроенные им дома своим близким и нуждающимся, среди которых был правнук знаменитого Мукмина бая – Касымхан Бакиевич Хозясеитов, приходской мулла Валиулла Сибгатуллин и другие. В то же время обделенными почувствовали себя родичи купца, в частности его братья, получившие всего по 100 рублей от солидного капитала, его сестра Магруй Курмашева, чье имя вообще не было упомянуто в документе, а также брат первой жены Усман Хозясеитов. Назревало очередное, и, к сожалению, привычное для богатых семей Уры родственное противостояние.

Однако, ситуацию под свой контроль быстро взял волевой, решительный и грамотный Закирзян Тагиров. Он сумел с помощью уездного исправника Спиридонова сместить с должности опекуна над наследством своего тестя, брата его первой жены Усмана Сулеймановича Хозясеитова, назначенного волостным правлением и добиться, чтобы эти обязанности начали выполнять его жена Бибахадича, вторая жена Мухаметсадыка Хозясеитова Бибикарима Абдуллина и приказчик Ибрагим Губайдуллин. Тагиров доказал, что опекун бедный, не имеющий достаточного имущества человек, не ведущий ни торговли, ни хозяйства.

Справедливости ради отметим, что Усман, являвшийся, к тому же, двоюродным братом Мухаметсадыка бая, происходил из состоятельной семьи, но погрязнув в дразгах по поводу раздела наследственных денег, остался ни с чем и обнищал. Об этом, более подробно, мы расскажем ниже.

А в нашем случае, Закирзян Тагиров, действуя через жену, легко избавился от слабого конкурента и, по сути, стал неформальным хозяином всего имущества, оставшегося после смерти его тестя. Он, умея заводить связи с начальством, заручился поддержкой станowego пристава Николаева, после этого составил собственную опись наследства, включив в нее те объекты, которые считал нужным и по удобным для себя расценкам.

Самое главное, он сразу же начал распоряжаться данным имуществом, организовав торговлю, взыскание долгов и иную деятельность, которая в принципе способствовала сохранению и приумножению семейного капитала. Закирзян Тагиров незначительными поступками сумел отбиться от претензий других родственников своего тестя и стать единоличным хозяином всех богатств умершего предпринимателя. Важным фактором успеха было то, что он происходил

не из Служилой Уры, был мужем единственной дочери купца, а также то, что вдова его тестя быстро вышла замуж за М.А.Сайдашева.

Кстати, Тагиров решительно вмешался в промышленную деятельность А.Я.Сайдашева, которую тот вел, мягко говоря, авантюрно и безответственно, фактически навязав ему свое партнерство. Он продолжил дело Мухаметсадыка Хозясеитова, стремясь закрепить за собой стекольную фабрику. В стремлении ослабить А.Я.Сайдашева – цепкого и опасного соперника, он не гнушался ничем. Видимо с подачи Закирзяна, 24 августа 1896 года его жена Бибихадича и сестра тестя Магруй Курмашева подали иск казанскому купцу в 2131 рубль 27 копеек за поставленные еще в 1892 году на его фабрику Мухаметсадык баем, дрова и лесные материалы. Сайдашев представил в суд оправдательные документы, которые были признаны подделкой. В результате, энергичный промышленник был заключен под стражу. Суд оправдал его лишь через три года, в 1898 году²³. Естественно, что за это время дело Сайдашевых постепенно пришло в упадок.

В 1897 году, когда «Товарищество А.Сайдашев с сыновьями и Баки Субаев» был признано несостоятельным, Закирзян принял активное участие в конкурсных торгах и сохранил свое весомое участие в развернувшейся конкурентной борьбе между многочисленными предпринимателями за производственные мощности и имущество товарищества²⁴. Ему, конечно же, хотелось закрепить за собой единоличное лидерство в компании, но сил явно не хватало, поэтому по возвращении А.Я.Сайдашева в активную жизнь, предприниматель из Уры сделал его своим союзником.

В 1901 году они вместе с нижегородским потомственным почетным гражданином А.П.Сергеевым создали «Петровско-Алексеевское товарищество стекольных заводов» с уставным капиталом в 60000 рублей²⁵. В дальнейшем, компаньоны неоднократно меняли названия и форму своего предприятия, включая в него все новых и новых вкладчиков. Но конъюнктура скадывалась крайне неблагоприятно, в первую очередь, из-за низкого профессионализма пайщиков, частых конфликтов между ними, стремления к сиюминутной выгоде. В ре-

²³ НА РТ. Ф.41. Оп.2. Д.2271. Л.2–11(об.).

²⁴ НА РТ. Ф.1153. Оп.1. Д.7. Л.18–20, 22.

²⁵ НА РТ. Ф.98. Оп.4. Д.387. Л.9–14(об.).

зультате, к 1905 году фабрики прекратили свою работу, а их владельцы переключились на иные отрасли коммерции.

И все же этот период можно назвать звездным часом Закирзяна Тагирова. Он прочно вошел в число наиболее влиятельных коммерсантов губернии, являлся одним из создателей крупного национального производства в пореформенный период, много средств вкладывал в Служилую Уру. В первой, байской махалле аула ловкий предприниматель постепенно стал неформальным лидером. Духовный наставник прихода, дамелла Самигулла Сибгатуллин был женат на его сестре Гарифе, что также упрочило позиции новоявленного хозяина общины 1-й соборной мечети. Интересен факт того, что на фабрике Тагирова некоторое время работал управляющим его родной брат, известный просветитель и джадид Шамсутдин Культияси, который вероятно оказывал определенное идеологическое воздействие на местных священнослужителей.

Однако, банкротство стекольного предприятия, естественным образом подорвало позиции Закира Тагирова, лишило его значительных капиталов, так и не дав ему шанса, стать вторым Мукмин баем или же полностью повторить славный жизненный путь своего тестя.

Конец славной истории

После него, в Служилой Уре уже больше не появилось богатых промышленников и коммерсантов, хотя в целом, ее жители отличались достатком, продолжали заниматься торговлей, не входя официально в купеческое сословие. Многие потомки легендарных баев начала XIX века жили на оставшиеся в наследство капиталы, размер которых порой достигал нескольких сот тысяч рублей. Да и они часто становились причиной постоянных раздоров, некрасивых конфликтов и семейных разбирательств.

Об этом ярко свидетельствуют шариатские материалы Оренбургского магометанского духовного собрания, в том числе, история мучительного развала семьи, потери статуса и состояния уже упомянутого нами Усмана Сулеймановича Хозясеитова. В феврале 1877 года он подал прошение на имя муфтия, в котором содержалась жалоба на его старшего брата Мухаметзяна, якобы завладевшего, оставшимися после смерти отца деньгами в размере 100 тысяч рублей серебром. Несмотря на прошедший раздел наследства по шариату,

старший сын покойного предпринимателя, справедливо разделил между собой, братом Усманом и сестрой Бибимафтухой лишь движимое и недвижимое имущество, а денежные средства под разными предложениями оставил себе. Кроме того, в ответ на претензии родственников он организовал через Духовное собрание встречное разбирательство, выбрав в качестве одного из арбитров своего друга, ахуна д.Параньга Нугмана Ибрагимовича Ирмашева.

Усман Сулейманович Хозясеитов в своем прошении как раз и требовал заменить его на какого-нибудь другого священнослужителя. Муфтий отстранил от этого дела Ирмашева и поручил решить финансовый спор другого авторитетного хазрата из деревни Большой Кульбаш, ахуна Тазетдина Максютова²⁶.

Однако, большая распря в этом семействе только начиналась и вряд ли ее мог решить даже самый уважаемый религиозный деятель. Через несколько месяцев, после уже вроде бы затухавшего скандала, 28 августа 1877 г. невестка умершего Сулеймана Ибрагимовича Хозясеитова – Магитаб Кахарманова обратилась с прошением на имя императора, обвиняя обоих братьев в нежелании отдать ей 2501 рубль ассигнациями, 41 рубль серебром, 120 золотых российских полуимпериалов и 400 рублей кредитными билетами, которые она, в свое время, дала взаймы тестю для ведения торговли. Несмотря на просьбы своей матери, подтвердившей наличие долга, Мухаметзян и Усман, полностью игнорировали справедливые требования близкой родственницы²⁷.

Магитаб Кахарманова просила императора о разделе имущества по шариату и возвращении ей денег. В то же время Мухаметзян Хозясеитов организовал новое шариатское разбирательство, также с целью возвращения ему некоего долга. Очевидно, что в таких условиях, когда на кону стояли годы сытой, обеспеченной жизни, прекращали действовать какие-либо моральные нормы, а традиционное религиозное право оказывалось бессильным.

Иными словами, некогда сплоченная, богатая семья, после кончины главы рода, разваливалась на глазах, проводя время в самых настоящих междоусобных битвах, которые, конечно же, приводили к

²⁶ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп.4. Д.10575. Л.7–8(об.)

²⁷ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп.4. Д.10575. Л.21–23.

неминуемому и быстрому уничтожению фамильного дела, строившегося тяжелыми трудами предшествующих поколений.

Причем речь здесь идет о родном дяде и двоюродных братьях последнего успешного и активного предпринимателя Служилой Уры Садыка Губайдулловича Хозясеитова, принадлежавшего, как мы уже отмечали, к линии Бикмета бин Янморзы бин Хозясеита, линии, к которой не относились легендарный Мукмин бай и его не менее легендарные родственники.

Таким образом, вслед за ушедшей в прошлое династией Назира бин Туктамыша, смертельная болезнь взаимной ненависти, замешанной на безудержной алчности, пробуждаемой огромным, незаработанным наследством, стала беспощадно поражать и остальные веточки знаменитого рода. Все это вело к окончательному затуханию коммерческой активности в селе, равнодушию к общественным делам и благотворительности, разрушению древней общины, плачевным, но закономерным итогам.

Гремевшая когда-то фамилия Хозясеитовых начала забываться, во всяком случае, она уже больше не ассоциировалась с баснословными деньгами, властью и могуществом. В начале XX века казалось, что знаменитый аул охватили апатия и безразличие. Конечно, его жители продолжали заниматься земледелием, промыслами и торговлей, жили в целом обеспеченно, но уже никак не помышляли о былой славе и великих целях. Уникальный микрокосм деревни, складывавшийся веками, освященный героическими делами предков, отличавшийся некогда родовой сплоченностью, общим стремлением к созиданию и делу, начал под давлением дикого, во многом анархического капитализма, постепенно разрушаться, истощая энергию ее жителей.

Явный регресс фиксировали органы статистики. С исчезновением мануфактурных отраслей, ослаблением коммерческого обмена с тюркскими регионами востока, поддерживать экономическую стабильность и общую зажиточность становилось все труднее и труднее, даже обладая обширными угодьями. Хотя, земельные наделы, принадлежавшие крестьянам Служилой Уры, изначально не могли способствовать высокой урожайности сельскохозяйственных культур. По своим морфологическим и другим особенностям почва здесь представляла собой серый или лесной суглинок с большим количеством песка и глины, отличавшийся слабым плодородием. Неудивительно, что основными посевами в Служилой Уре стали непрехотли-

вые ржаные поля, дававшие в целом либо низкий, либо средний урожай от 31 до 40 пудов с десятины. Данное обстоятельство и обусловило развитие в селе промыслов, торговли, промышленности и животноводства.

Однако, после угасания мануфактурного производства, массового разорения деревенских капиталистов, подушного раздела земельной дачи Маметевых и Хозясеитовых началось так называемое «окрестьянивание», еще недавно процветавшего промышленного аула. От некогда обширного земельного поместья бывших мурз, остались сравнительно небольшие наделы в среднем 4,8 десятины на 1 мужскую душу и около 15 десятин на один крестьянский двор. По данным на 1886 год, две трети населения или 102 двора занимались исключительно земледелием с использованием собственного инвентаря. Из 465 наделов села, таким образом, обрабатывалось 358 участков, то есть подавляющее большинство. В то же время оставалось значительное количество жителей Уры, которые формально занимались посевами, но нанимали для этого работников. Очевидно, что эти 44 семьи, владевшие 92 наделами, в основном занимались промыслами и торговлей и, обладая финансовыми средствами, использовали наемный труд²⁸.

Шесть семей вообще не засевали свои наделы. Несмотря на то, что в среднем на каждый двор приходилась одна лошадь, довольно большое количество семей испытывали материальные трудности и являлись безлошадными. Таких, для еще недавно богатого села, было довольно много, больше трети или 57 домохозяйств. По одной лошади имели 55 дворов. В итоге на конец XIX века, Служилая Ура представляла собой стремительно беднеющее селение, с очевидным расслоением ее жителей по уровню доходов. К куштанам, зажиточным крестьянам здесь можно было отнести лишь 21 семью, владевшую 3 или более лошадьми. Среди данных хозяйств большинство принадлежало активно торгующим коммерсантам. В то же время аул продолжал сохранять животноводческую специализацию. Промышленное производство фактически исчезло. Все фабриканты деревни, входившие в первой половине XIX столетия в национальную дело-

²⁸ Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Выпуск V. Уезд Царевококшайский. – Казань, тип. Г.М.Вечеслова, 1887. – С.59, 87.

вую элит, окончательно сдали свои позиции, а их потомки просто числились в уездном мещанстве.

Впрочем, это был объективный процесс, характерный для начальной стадии буржуазного развития, когда первое поколение татарских предпринимателей, происходивших, как правило, из старинных знатных семей, неимоверными усилиями создавших миллионные состояния, никак не могли успешно передать эстафету своим многочисленным детям. Их требования разделить, оставшееся наследство «по справедливости», обескровливало семейный бизнес, лишало его источников дальнейшего развития. Такой финальный кризис вообще характерен для фамильного дела, во многом обусловлен его примитивизмом, фатальной зависимостью от личности отца-основателя.

Практически все выдающиеся татарские торговцы и промышленники, пришедшие в коммерческий мир в конце XVIII – первой половине XIX века, не смогли сохранить свои династии к пореформенному времени. В конце XIX столетия окончательно исчезли из национальной экономической жизни знаменитые фабриканты Усмановы из деревни Кшкар, Мамяшевы из деревни Урнашбаш, Бурнаевы из деревни Береска и многие другие. Сильно ослабли и практически не играли существенной роли представители рода Юнусовых, являвшиеся еще в середине XIX века всецельными хозяевами татарской Казани. Исчезли и потомки первых татарских потомственных почетных граждан, купцов I гильдии Арсаевых. Список таких печальных потерь можно продолжать довольно долго.

В какой-то мере свои позиции удалось сохранить Апанаяевым, Аитовым и Утямышевым. Однако, успех отдельных представителей этих фамилий уже не был связан с родовой историей, напротив, в начале XX столетия разбогатели те потомки великих и многоколенных родов, которые прежде не отличались особым состоянием и высоким авторитетом.

Кроме того, они в соответствии с велениями времени, осваивали новые формы ведения и управления бизнеса, создавая товарищества на вере и акционерные общества во главе со специальным управляющим, позволявшие как в живой кровеносной системе, осуществлять постоянный и неприкосновенный оборот капитала, который в другое время неминуемо стал бы предметом хищнического и сугубо потребительского раздела между наследниками.

Такой отказ от принципов семейного дела, предусматривавший совместную концентрацию финансов самых разных купеческих фамилий, становился залогом сохранения той или иной фирмы, даже после смерти одного из ее создателей и совладельцев. Ярким примером здесь может служить совместное предприятие купцов С.М.Аитова и Х.В.Гизетуллина, спасших и возродивших в начале XX века, прославленный мыловаренный завод И.Арсланова.

Таким образом, конец замечательной торгово-промышленной истории Служилой Уры был закономерным явлением, вызванным промышленным переворотом, кризисом мусульманского образования, а также множеством других факторов экономического, законодательного, социального, культурного и личностно-ментального характера.

Ростки возрождения

Татарский деловой мир фактически начал свою новую биографию после великих реформ, с началом джадидских преобразований. Он усилиями нового поколения предпринимателей, в большинстве своем вчерашних крестьян, увлеченно осваивал современные методы торговли и производства, активно использовал кредитные ресурсы, изучал российское право и русский язык, создавал практическую национальную школу, что позволило ему не только выжить, но и успешно конкурировать с русскими капиталистами в условиях зарождавшейся технологической эпохи.

Вот и в Служилой Уре, после десятилетий опустошения и вынужденного безвременья началось новое возрождение, которое было теперь связано не с деньгами и прибылью, а с изменением традиционного сознания, религиозным реформаторством, развитием новометодного, джадидского образования.

Центром позитивных изменений в деревне стала махалля первой соборной каменной мечети, возведенной Назиром бин Туктамышем еще в 1787 году. Как мы уже отмечали долгие годы, практически со времени строительства, ее имамом был личный духовник Хозясеитовых, знаменитый богослов, знаток шариата, прославленный мударис Фатхулла бин Хусаин Оруви. Эта была очень противоречивая и сложная фигура.

Получивший блестящее исламское образование в лучших медресе Оренбурга и Бухары, он отличался яркими лидерскими качествами и выполняя обязанности ахуна, завоевал высокий авторитет как среди местного населения, так и в Духовном собрании. Он пользовался особым расположением муфтия Габдессаляма Габдрахимова, который не принимал никаких важных решений без совета с Фатхуллой хазратом. Конечно, большую роль здесь играла близость к главному благотворителю ОМДС Мукмину Хозясеитову, однако, нельзя отрицать, что муфтия привлекали в нем великолепные знания мусульманского права и поистине всероссийская известность.

В то же время, по замечанию Ш.Марджани, Фатхулла Оруви отличался непростым характером, любил роскошь и богатство. Постоянно решая споры, гася конфликтные ситуации среди мусульман Казанского уезда, он, тем не менее, вел самую настоящую войну со своим родным братом, также выдающимся священнослужителем, Хабибуллой бин Хусаином.

Фатхулла хазрат оставил после себя ряд научных и исторических произведений, но значение их было невелико, так как, в большинстве своем они являлись либо компиляцией, либо страдали вторичностью идей и ошибками. Яростное раздражение вызывал у него религиозный реформатор Габденасир Курсави. Фатхулла Оруви не просто писал полемические опровержения на его труды, но напрямую неоднократно обращался к властям с требованием пресечь деятельность вольнодумца²⁹.

Между тем, в своей махалле имам содержал большое медресе, где очень старательно и даже заботливо работал с шакирдами. Множество его учеников стали впоследствии крупными религиозными и общественными деятелями. К сожалению, у него не осталось наследников по мужской линии. Единственный сын Габдулла рано умер, две дочери Хадича и Фатима, вышли замуж и уехали из Служилой Уры.

Именно в эти годы, он приблизил к себе наиболее талантливого своего воспитанника, уроженца д.Шарипово Уфимского уезда Уфимской губернии (ныне Кушнаренковский район РБ) Сибгатуллу бин Габделькадыра бин Сулеймана бин Юнуса бин Мустафу (1798–1873), который родился в семье очень влиятельного и известного

²⁹ Мәржани Ш. Мөстәфәдель әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989. – 298–300 б.

ахуна. У отца Сибгатулла получил первые религиозные знания. Затем были годы учебы в медресе г.Оренбурга, д.Иж-Буби, г.Казани в махалле 4-й соборной мечети. Способный молодой человек даже какое-то время занимался преподавательской деятельностью в губернском центре, но вскоре, оставив все, уехал в Служилую Уру к Фатхулле хазрату. Здесь он не только получал богословские уроки, но и учился работе с непростыми прихожанами, вникал в переплетение сложных человеческих отношений и, конечно же, постигал педагогическое искусство, которым в совершенстве владел его наставник. В последние годы жизни Фатхуллы Оруви Сибгатулла бин Габделькадыр уже полностью заменил своего мударриса, как в мечети, так и в медресе³⁰. Поэтому после кончины в 1843 году официального главы прихода, Сибгатулла с согласия Мукмина Хозясеитова стал имам-хатибом первой соборной мечети села. В отличие от своего учителя новый мулла был менее консервативным человеком, много занимался наукой, ко всему подходил с позиций рационализма. Он не был замечен в каких-либо конфликтах, намеренно дистанцируясь от них. Р.Фахретдин дал ему очень емкую характеристику: «Ученый. Чистый человек...»³¹. Своим многочисленным сыновьям хазрат дал прекрасное воспитание и образование, основав крепкую и уважаемую заказанскую династию священнослужителей.

Ближайшим помощником Сибгатуллы хазрата в мечети со 2 сентября 1860 года стал его старший сын Валиулла (?–1893), а после смерти главы династии махаллей начал руководить другой сын муллы – Мухаметшаджог. В 1893 году на место покойного Валиуллы был избран самый младший сын Сибгатуллы аш-Шарифи – Самигулла (22.08.1863–1932?), который до этого был имамом в деревне Старый Кинер.

В некоторых окрестных деревнях Царевококшайского уезда проповеднической деятельностью также занимались представители этой семьи: в д.Кшклово Лотфулла Сибгатуллин, в д.Кичкенешево, перешедший из Уры Мухаметшаджог. Интересно и показательно здесь то, что все братья почти одновременно начали джадидские преобразования в своих махаллях.

³⁰ Сибгатулла бин Габделькадыр получил указ на исполнение должности второго муллы 17 января 1836 г., указ №601.

³¹ Фәхрәддин Ризәәддин. Асар. 2 том. – Казан, 2009. – 142 б.

Самигулла Сибгатуллин в 1896 году при финансовой поддержке своего зятя, казанского предпринимателя, брата известного религиозного реформатора Шамсутдина Культаяси – Закирзяна Нурмухаметовича Тагирова построил новое здание медресе в приходе и решительно ввел в нем новометодную программу обучения. Начатые преобразования шли трудно, постоянно встречая недоверие со стороны сельчан и уездного начальства. Поэтому, благотворителю приходилось проявлять чудеса изворотливости, чтобы добиться поставленной цели. В 1895 году, ссылаясь на завещание Мухаметсадыка Хозясеитова, Тагиров начал строительство большого двухэтажного деревянного здания школы в непосредственной близости от каменной мечети.

В марте 1896 года, года работы уже шли к завершению, брат покойного Мухаметсадыка бая – Ибрагим Хозясеитов, раздраженный исполнением завещания и выделением на медресе 3000 рублей ассигнациями, написал жалобу на действия Тагирова сразу же в несколько высоких инстанций: казанскому губернатору, прокурору и муфтию. Он обвинял своего родственника в том, что строительство ведется незаконно, с нарушением требований строительного устава и противопожарной безопасности, что, якобы, для фундамента было разобрано 16 каменных столбов в ограде мечети и, что, самое страшное, здание возводится не для духовенства, а для школы, где собирается преподавать зять Тагирова – имам 1-й соборной мечети Самигулла Сибгатуллин³².

Ибрагим Хозясеитов настаивал на том, что все жители против такого распоряжения средствами одного из богатейших купцов Служилой Уры, они пытались протестовать, но пристав А.Николаев, приятель Тагирова, собрал сход и запугал сельчан тем, что соберет одновременно все недоимки, которые накопились у них за прошедшие годы. После таких серьезных заявлений, началось долгое разбирательство, в котором приняли участие сельский староста, уездный исправник, земский начальник, пристав и жители деревни. Выяснилось, А.Николаев не собирал сельский сход и никому не угрожал. Мало того, он раньше заявителя увидел строящееся здание и приостановил работы на нем до выяснения их законности. По этому поводу он письменно сообщал следующее: *«...В начале зимы настоящего года мною в деревне Служилой Уре было замечено, что по лицевой*

³² НА РТ. Ф.2. Оп.3. Д.2254. Л.5–6.

стороне 2 каменной мечети³³ производится постройка нового деревянного здания, почему я тогда же вызвал местного сельского старосту, которого и спросил с чьего разрешения и кем строится это здание и какое будет оно. Иметь назначение, на что сельский староста объяснил, что это строение для духовенства 2-й мечети на средства дочери умершего купца Хузясеитова Кадычи Садыковой Нурмухаметовой и что постройка эта производится с дозволения местных прихожан и с разрешения Шиньшинского волостного старшины, который осматривал место, предназначенное для этой постройки. Затем дальнейшая постройка этого здания была воспреещена и от строителя была отобрана в том надлежащая подписка, которая хранится при делах Шиньшинского волостного правления. Затем по предписанию царев. уездн. Исправника от 15 марта 1896 года приставом было произведено по поводу этой постройки дознание, через спрос прихожан 2 мечети, объяснение которых по сему делу ими было своеручно подписано, данные дознания этого было предоставлено вашему высокоблагородию...

...К подаче этой жалобы просителя побудило, как мне известно, то обстоятельство, что у него явилось подозрение, что со временем в этом здании может быть открыта, по ходатайству строителей, школа для обучения татарских мальчиков русской грамоте, каковую мысль Губайдуллин высказывал, и другим своим однодеревенцам. На самом же деле проситель Губайдуллин вполне сознает, что постройка эта в пожарном отношении не может представлять какой либо опасности, т.к. здание это строится от мечети в 16/2 сажнях, близ реки, самая мечеть стоит на холме и кроме обшей каменной ограды защищена с 3 сторон каменными же стенами»³⁴.

Закирзян Тагиров также горячо уверял начальство, что никаких нарушений не допускал, что строительство начал, имея на руках официальное разрешение, и, здание намеревался возвести не для учебного заведения, а исключительно для приходского муллы. В итоге, не выявив никаких нарушений, казанское губенское правление отказало Ибрагиму Хозясеитову в его прошении запретить постройку дома из средств, завещанных его братом.

³³ Опечатка в донесении, речь идет о 1-й соборной мечети.

³⁴ НА РГ. Ф.2. Оп.3. Д.2254. Л.14(об.)–15.

Сейчас уже очень трудно сказать, как все было на самом деле. Но, по всей видимости, жалоба Ибрагима Хозясеитова всетаки не совсем была далека от истины. Потому что, после строительства нового здания в нем разместилось медресе Самигуллы Сибгатуллина, в котором просвещенный хазрат организовал новаторский учебный процесс с обучением молодых людей русскому языку, астрономии, географии, истории и другим общеобразовательным предметам. Таким образом, Закирзян Тагиров, решив добиться своего, буквально обвел вокруг пальца фанатично настроенных односельчан, смог рассеять подозрения губернского начальства и создать в уезде довольно крупный джадидский центр.

Благодаря этому, Служилая Ура вновь зазвучала в масштабах всей Казанской губернии как прогрессивный аул, где одними из первых, среди татарских сел, начали преподавать светские науки³⁵. Ежегодно в школе Самигуллы Сибгатуллина обучалось около 100 шакирдов.

Передовой имам подвергался за свою просветительскую деятельность серьезным нападкам со стороны кадимистов. Известный лидер традиционалистов Ишмухамед Динмухаметов (Ишми ишан) внес Самигуллу хазрата в свой «черный список» джадидов-«панисламистов», который затем передал в руки жандармских следователей. В 1911 году он привлекался к политическому расследованию по ложному обвинению в сборе денег на турецкий флот. Однажды в деревню нагрянули жандармы, полностью обыскали дом муллы, но ничего противозаконного не нашли. Дело 4 июня 1911 года закрыли, а имама оставили в покое³⁶.

Совсем другие процессы происходили во второй махалле деревни. Вернее следует даже говорить не о процессах, а жесткой консервации традиций, заложенных еще в начале XVIII века Хабибуллой ишаном. Мы уже писали, что его преемник, сын Мухаметгалим, получивший указ на исполнение должности имам-хатиба 20 декабря 1819 года, являлся главой прихода более 60 лет. И хотя масштаб его деятельности был несоизмерим с деятельностью Хабибуллы хазрата, он все же продолжал суфийскую практику, к нему по инерции на протяжении почти всего XIX века стекались шакирды из мишарских

³⁵ НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.99. Л.28.

³⁶ НА РТ. Ф.199. Оп.7. Д.785. Л.119(об.).

сел России. Мухаметгалим бин Хабибулла не вводил никаких новшеств в учебный процесс, бережно сохраняя бухарские традиции. Учитывая то, что вторая махалла аула была намного многочисленнее первой, можно говорить о глубокой консервативности большинства жителей Служилой Уры³⁷.

Ситуация совершенно не изменилась и после смерти имама, когда во главе махаллы стояли его сыновья Мухаметгариф и Мухаметшакирзян (1829–4.04.1908). Первый из них вскоре умер, а Шакирзян продолжал дело отца вплоть до своей смерти в 1908 году. Последний дореволюционный мулла второй соборной мечети, внук Хабибуллы ишана – Мухаметзян Шакирзянов (11.11.1874–3.03.1942) оставался последовательным кадимистом даже в разгар джадидских реформ начала XX века.

При нем, после сильного пожара 27 июня 1903 года, опустошившего значительную часть деревни, началось строительство, вместо сгоревшей, новой деревянной мечети. Средства на это выделили неизвестные благотворители³⁸. Можно предположить, что Мухаметзян мулла, лично руководивший постройкой, договорился о помощи с Закирзяном Тагировым, но не стал афишировать его имя из-за неоднозначной репутации предпринимателя среди жителей второго прихода. Проект на возведение нового здания на прежнем месте был утвержден казанским губернским правлением в октябре того же года. По некоторым сведениям, мечеть строилась довольно долго и открыла свои двери для мусульман лишь в 1905 году.

Вообще, при всем своем традиционализме Мухаметзян хазрат не проявлял агрессии к оппонентам, не писал доносов, мирно уживался с реформаторской махаллей Самигуллы Сибгатуллина. Да и делить им было нечего, времена бушевавших в ауле страстей давно прошли. А вскоре их объединила одна общая, трагическая судьба всех старорежимных людей, попавших в водоворот революции, гражданской войны и невиданных доселе социальных экспериментов.

³⁷ В 1909 году в первом приходе Служилой Уры насчитывалось 392 человека при 69 домовладельцах, во втором приходе 686 человека при 125 домовладельцах. В медресе второго прихода ежегодно обучалось более 160 шакирдов.

³⁸ НА РГ. Ф.2. Оп.2. Д.6891. Л.2–3(об.).

ГЛАВА VII. Бессмертный дух Кара бека

Тяжелый исход

С установлением советской власти, деревня, где когда-то зародился татарский капитализм, вновь начинала свою историю с чистого листа. Рушились прежние отношения, безжалостно разрывались вековые связи, уничтожались «отжившие» традиции и представления. Служилая Ура в соответствии с новыми идеологическими требованиями была переименована в Нижнюю Уру.

Село, которое всегда стремилось зарабатывать старанием и предприимчивостью, с помощью, накопленного за десятилетия упорного труда, бесценного экономического опыта, вдруг оказалось в тяжелой ситуации. Решительная смена привычной системы хозяйствования была только одной из многочисленных бед, обрушившихся на голову крестьянства. Страшный и непоправимый удар был нанесен, в первую очередь, по самым энергичным людям, годами, кропотливо и с любовью строивших свое дело. Преследования начались буквально с первых шагов новой власти. В период с 1918 по 1927 год были лишены избирательных прав члены 21 семьи, всего 56 человек. Среди них оказались, в первую очередь, муллы и муэдзины деревни, богатые торговцы, зажиточные крестьяне. Все они под разными предлогами подверглись раскулачиванию, кто за использование наемной рабочей силы, кто за капиталы, а кто просто за неблагонадежное занятие коммерцией. Однако, только этими мерами государство не ограничивалось. Начались высылки из деревни, отправка на принудительные работы. Так, постановлением Атнинского районного исполнительного комитета от 12 июля 1931 года большая семья сельского предпринимателя Нурмухамета Мухаметгалеева (Нурмухамет бин Мухаметгали бин Валит бин Алькасим бин Дауд бин Рахманкул бин Бикмет бин Янморза бин Хозясеит. 1886–?) была приговорена к высылке в Челябинскую область на строительство Магнитогорского комбината. В дальний и вынужденный путь вместе с главой семейства отправились его мать Ашраф (1859–?), жена Шакар, дети Абдул-

карам (1918–?), Вадут (1913–?), Равиль (1928–?), Зайнаб (1910–?), Зайтуна (1921–?).

Примечательна судьба одного из активных предпринимателей Уры – Мухаметшакира Мухаметзакирова (Мухаметшакир бин Мухаметзакир бин Аухади бин Габит бин Салих бин Халиулла бин Амин бин Бикмет бин Янморза бин Хозясеит. 1885–?), продолжившего и после революции дело своего отца по торговле мануфактурой с ежегодным оборотом в 5000 рублей. Коммерцию свою он вел тайно в Марийском крае. Во времена НЭПа легализовался и даже выкупил патент 2 разряда. Прибыль вкладывал в сельское хозяйство, арендуя у более бедных односельчан 3 га земли. Постоянно держал двух батраков: Юнуса Батырова и Гарея Сафаргалеева. При этом, предусмотрительный Шакир бай вступил в колхоз. Но это его не спасло. Компания по раскулачиванию лишила бывшего «нэпмана» всего имущества. Сам он, жена Марьям (1892–?), дети Ислам (1912–?), Марзия (1917–?), Фарит (1920–?) и Абубакир (1922–?) высланы из деревни¹.

Полной экспроприации в 1933 году подверглось имущество самого зажиточного крестьянина Нижней Уры, в этот период, Нигметзяна Мухаметзянова (1862–?). Известный в селе под кушаматом «Әлбә», он происходил, скорее всего, из семьи царевококшайского мещанина Мухаметзяна Сулейманова, и, принадлежал к токыму Янморзы Хозясеитова. В официальных документах, крепкий хозяин значился как Альбин Нигметзян, характеризовался категорично «кулаком-эксплуататором», пользовавшимся при обработке 4 га земли трудом 15 наемных рабочих. Он, единственный в селе, имел в собственности молотилку, жнейку и сепаратор, которые обслуживали батраки: мариец Уразай и Салахи Шарафиев. Кроме того, Нигметзян содержал постоялый двор, где осуществлял различные коммерческие операции. Старший сын куштана – Абдулбари, хотя и вступил в колхоз, но по донесениям советских органов, разворовывал его имущество, за что, привлекался к ответственности. В 1930 году, он являлся одним из активных участников антиколхозного движения в регионе.

Через два года был раскулачен как зажиточный крестьянин имам 2-й соборной мечети, потомок Янсари хафиза, правнук Хабибуллы Оруви, абсолютно законопослушный человек – Мухаметзян Шарифзянович Галимов (1874–3.03.1942). Он вместе с женой Газизой также

¹ НА РТ. Ф.Р–2767. Оп.1. Д.136. Л.13.

подвергся высылке из родного села. Его дядя, муэдзин Габдулла Галимов тоже попал под каток преследований. Невыносимая атмосфера была создана вокруг уважаемых фамилий Уры, восходящих к Янморзе и Кильдияру Хозясеитовым, Мурзагильде Маметеву, мурзам Байкеевым. Среди них: торговцы Баяровы, Ахметгалиевы, Маметевы, Курбангалиевы, Исмагиловы и многие другие.

В народной памяти остались имена и других баев, высланных из аула: Габдрахмана Хафизова, Шангарая Мусина, Гумера Маметева и других.

Трагическая судьба была уготована известному джадидскому деятелю, мулле 1-й соборной мечети Самигулле Сибгатулловичу Сулейманову, который в двадцатые годы XX века занимал должность районного мухтасиба. Его арестовали 23 марта 1931 года и предъявили обвинение по 58 статье как участнику «кулацко-мульской группировки». Решением тройки ГПУ ТАССР приговорен к Высшей мере наказания, которое заменили на 10 лет лагерей с конфискацией имущества. Только внезапная смерть в 1932 году спасла хазрата от дальнейших мучений. Его семья была раскулачена за использование наемного труда. Старший сын Абдулла, дослужившийся в царской армии до унтер-офицера, при советской власти работал в различных государственных учреждениях в Казани. Но находился под постоянным наблюдением органов, неоднократно арестовывался и привлекался к расследованиям. В 1931 году был задержан, вероятно, вместе с отцом и обвинен в контрреволюционной деятельности. Дальнейшая его судьба неизвестна. Жена Абдуллы – Марьям, две дочери: Аниса и Фирдаус жили в Казани.

Жена Самигуллы Сибгатуллина, сестра Закирзяна Тагирова – Гарифа старость встретила в Уре в полном одиночестве. Ее младшие дочери также покинули родной аул. Рамиля жила в Мензелинске, Асия в г.Спасске².

Так завершилась трехвековая история крупнейшего татарского религиозного центра, впервые с времен Луки Канашевича лишившегося действующих мечетей и медресе, оставшегося без проповедников и духовных наставников.

Тучи сгущались, напряжение в деревне росло. Все хорошо понимали, что за первыми жертвами последуют новые, что потомкам

² НА РТ. Ф.2767. Оп.1. Д.136. Л.78.

княжеских фамилий и знаменитых фабрикантов, покоя уже не будет. Поэтому, в конце двадцатых – начале тридцатых годов XX столетия начался массовый исход населения из Уры.

Десятки семей фактически бежали, оставив дома, в Среднюю Азию и даже Китай. Они уходили в те далекие края, которые были хорошо известны их предкам по вековым торговым и культурным связям. Большинство выходцев из Уры: Ахметгалеевы, Абдрахмановы, Закировы, Исаковы, Курбангалиевы, Рашидовы, Ситдиковы, Салиховы и другие поселились в Узбекистане, в Ташкенте, Хорезмской и Самаркандской областях, а также древнем городе бывшего Хивинского ханства Ташаузе в Туркмении. В Китае в г.Кульдже осел торговец Юсуф Хозясеитов, сохранивший древнюю фамилию рода.

Пустеющее и напуганное «княжеское» село оказалось в водовороте тревожных событий, невиданных социальных экспериментов. Аул, где частная собственность и личный достаток всегда были смыслом жизни и предметом отважных амбиций, переживал экспроприацию и обобществление имущества, мучительную коллективизацию хозяйств. Каленым железом идеологии и репрессий, казалось бы навсегда, жестоко выжигался особый менталитет потомков арских князей. Делалось все, чтобы навсегда вычеркнуть из памяти, из истории великие имена, великие деяния, былую славу.

Дома местных богачей, не уступвшие своими масштабами особнякам казанских баев, были разобраны и перевезены в новый административный центр региона – село Большая Атня. Такая участь постигла каменную мечеть деревни. На кладбище произошли вопиющие акты вандализма с разрушением такия Мукмина Хозясеитова, осквернением могильных камней предпринимателей и священнослужителей. Не удивительно, что сегодня в историческом ауле практически не сохранилось зданий, связанных с дореволюционным прошлым и мусульманской культурой.

В тридцатые годы XX века Нижняя Ура почти ничем не отличалась от других татарских деревень, где также досрочно выполнялись пятилетние планы, а терпеливые колхозники самоотверженно работали от зари и до зари, довольствуясь трудоднями или скудным заработком.

На полях великих сражений

Но величественный и могучий дух Кара бека не исчез, он просто ждал своего часа. Он вернулся к своим потомкам в тяжелые годы Великой отечественной войны, дав воинам богатырскую силу и отвагу. В простых крестьянских парнях, призванных на фронт, вдруг за бурлила кровь их воинственных предков, зовя их на подвиг.

Нижняя Ура по праву гордится своим уроженцем Гатауллой Салиховым, сыном предприимчивого животновода, крупного торговца мясом, в 1932 году бежавшего от преследований в Узбекистан, в далекий город Ургенч. Здесь он окончил десятилетку и отсюда в сентябре 1942 года был призван в ряды Красной армии. Окончил ускоренный курс Ташкентского пехотного училища и уже в мае сорок третьего оказался на фронте.

В звании младшего сержанта Гатаулла командовал отделением 1 стрелковой роты 518 Краснознаменного стрелкового полка 129 стрелковой дивизии, сражавшейся в составе Брянского фронта. И уже в первые месяцы боевой биографии ему было суждено навсегда обессмертить свое имя. Есть много очерков, посвященных подвигу этого солдата, но думается, что наилучшим свидетельством времени являются исторические документы, оценивающие мужество и героизм воина правдиво, без прикрас и утаиваний.

Поэтому, приведем отрывки из этих документов, которые стали доступны гражданам России, благодаря электронному ресурсу «Подвиг народа», публикующему награжденные листы, написанные командирами по горячим следам событий.

«Во время боев 10–12 июля 1943 года, несмотря на сильный пулеметно-автоматный и артиллерийский огонь противника, со своим отделением, действуя смело и решительно, прошел минное поле и проволочные заграждения и ворвался во вражескую траншею, где в упор, расстреливая немецких солдат, уничтожив их более 20. Заняв траншею противника, Салихов продвинулся с отделением вперед, овладел 2-й линией траншей, сам 2 гранатами уничтожил ручной пулемет и несколько автоматчиков. В бою он был ранен. За проявленную в боях отвагу и героизм тов. Салихов достоин правительствен-

ной награды – Ордена Красной Звезды. Зам. ком. полка подполковник Романенко»³.

Гатаулла Салихов за этот подвиг был представлен приказом № 27/н от 29.07.1943г. к награждению орденом «Красной Звезды». Однако, удивительный случай, за два-три дня этот молодой человек заслужил сразу несколько высших наград страны. Вот описание его подвига, за который он был удостоен Звания Героя Советского Союза. *«Вечером 11 июля с.г. Салихов получил задачу: действуя на правом фланге роты овладеть вражеской траншеей на выс.240 юго-западнее Вяжи на Орловском участке фронта. Утром 12 июля 43 г. под прикрытием артиллерийского огня Салихов в общей цепи роты пошел в наступлении е, его отделение было направляющим. Враг оказывал ожесточенное сопротивление. На отделение Салихова дважды обрушивался минометный огонь немцев. Оба раза стремительными бросками без потерь выводил Салихов своих бойцов из-под пулеметного огня. Большие всего мешали продвижение роты немецкий пулемет и группа автоматчиков с правого фланга, они не давали бойцам поднимать головы. Тогда Салихов со станковым пулеметом, пренебрегая смертельной опасностью, подобрался к фашистам почти на двести метров и вступил с ними в неравный поединок. В первую очередь он обрушил свой огонь на немецких пулеметчиков. В течение 2–3 минут немецкий пулемет с расчетом был уничтожен. Салихов принялся за автоматчиков врага. Длинными пулеметными очередями он прочесал кустарник, и автоматчики тоже замолчали. Передав пулемет командиру расчета, Салихов приполз в отделение. Но в это время на правом фланге заработал второй пулемет немцев. Теперь фашисты были на открытой местности. Вооружившись снайперской винтовкой, сержант Салихов открыл огонь по пулеметчикам врага. Тремя выстрелами он перебил пулеметный расчет (3 немца). В это время Салихов узнал, что из строя выбыли командир роты и командиры взводов. Положение стало критическим. Управление потерялось. Бойцы залегли. Немцы начали вести пристрелку, чтобы накрыть роту минометным огнем, тогда сержант проявил себя командиром, послал связного к комбату доложить обстановку, а сам быстро восстановил порядок и повел роту вперед. Он первым преодолел проволоч-*

³ <http://podvignaroda.mil.ru>. ЦАМО. Ф.33. Оп.686044. Д.2584. № записи 22535443.

ное заграждение немцев и ворвался в их траншею, за ним последовали все бойцы. Завязалась рукопашная схватка. На Салихова набросились 4 немца. Первых двух он застрелил в упор, а третьему вонзил в грудь штык. В это время один из гитлеровцев пытался ему кинжалом нанести удар в спину, но резким движением приклада винтовки назад отважный командир выбил немцу зубы, сииб его с ног, а затем пристрелил. В этой схватке Салихов получил сквозное ранение в ногу, но не ушел с поля боя. Четко управляя ротой, он выбил немцев из первой линии траншей и на их плечах ворвался во вторые траншеи. Преследуя отступающего противника, он на ходу расстрелял еще трех немцев. Вновь завязался рукопашный бой в траншеях. Подобрал автомат убитого бойца, Салихов здесь убил еще 4 фашистов. Заняв и вторую траншею противника, рота Салихова оказалась почти на 500 м впереди других подразделений полка. Стараясь ликвидировать сделанный ротой прорыв, немцы превосходящими силами дважды переходили в яростные контратаки. В этом бою они потеряли до 10 своих солдат, но успеха не добились. Отражая контратаки врага, Салихов уничтожил лично еще пять немцев. Когда подразделения полка достигли занятого ротой Салихова рубежа, он вновь поднял своих бойцов и повел их в наступление. Ударом с фланга рота ворвалась в Бол.Малиновец и начала теснить врага. Здесь сержант еще раз показал богатырскую хватку. Огнем автомата и прикладом он убил 4 фашистов. Развивая наступление, рота к исходу дня очистила от противника юго-западную опушку роци 1 км зап. Бол.Малиновец. Здесь она захватила трофеи: две пушки, 3 миномета, и свыше 200 снарядов.

Исключительный героизм и бесстрашие показал сержант Салихов и в последующих боях. Он во главе своей роты первым ворвался в Сетуха и гранатой взорвал засевших в блиндаже трех гитлеровцев. Его рота очистила от врага юго-зап. окр. населенного пункта и безостановочно гнала его два километра. У населенного пункта карьер немцы для прикрытия своего отступления оставили свыше взвода автоматчиков, которые своим огнем не давали продвигаться первому батальону полка. Тогда Салихов со своей ротой обходным маневром вышел фашистским автоматчика в тыл, отрезал им пути отхода и зажал их в огневое кольцо. 36 трупов немецких солдат остались на месте этого боя. Ни один фашист не вырвался из окружения. Благодаря находчивости Салихова, батальон с малыми потерями продвинулся на 4 км. Когда части дивизии вышли на р.Оптуха и получили

задачу занять оборону, Салихов подобрал 8 отличных стрелков и вместе с ними добровольно ушел в боевое охранение. За день они перебили до взвода немцев, 6 из них убил Салихов. Всего за время боев сержант Салихов истребил свыше 40 фашистов.

За отвагу, инициативу, мужество и героизм, проявленные при этом в боях товарищ Салихов достоин присвоения звания “Герой Советского Союза”». Заключение Военного совета фронта 20 августа 1943 года подписал командующий войсками Брянского фронта генерал-полковник Попов и Член военного совета Брянского фронта генерал-лейтенант Мехлис.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 августа 1943 года за «мужество и героизм, проявленные в боях» сержант Гатаулла Салихов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» за номером 1238.

Впрочем, не меньшей славы достоин потомок знаменитого хазрата, крупного богослова XVII века, легендарного Юнуса бин Ивана, Мазит Гумеров, скромно проживший свою жизнь в родной деревне и никогда не говоривший о проявленных им в годы войны выдающихся командных и организаторских качествах, личной храбрости и мужестве. Он был призван в ряды Красной Армии еще в 1939 году и самого первого дня войны, вплоть до последних ее месяцев, участвовал в ожесточенных сражениях. Капитан Мазит Гумеров, командир артиллерийского дивизиона воевал в составе Брянского, I и II Белорусских фронтов. Получил легкое ранение 11.02.1942 г. Награжден медалью «За отвагу» Приказом Брянского фронта от 3 июня 1942 года. Приведем выдержки из трех наградных документов, характеризующих основные этапы его военной судьбы.

«Тов. Гумеров в Отечественной войне участвует с июня месяца 1941 года. В наступательных боях против немецких захватчиков проявил мужество, героизм, отвагу. Дисциплинирован, исполнитель, инициативен. Волевыми качествами и организаторскими способностями обладает. К себе и подчиненным требователен.

Безотлучно находясь на наблюдательном пункте в период наступления, хорошо организовал управление подразделениями дивизиона. Отличная связь, хорошая разведка, топоработа и своевременная информация обеспечили хорошее взаимодействие с пехотой и управление огнем дивизиона в наступлении.

Так, в боях за д.Панская и Песочное 14, 15 07.1943 г. благодаря его организаторским способностям и хорошему управлению артогнем дивизиона было уничтожено: 1 минометная батарея, 1 арт. батарея 2-х орудийного состава, 3 станковых и 1 ручной пулемет и до 2-х взводов пехоты противника, приземлен аэростат наблюдения, подавлен огонь двух минометных батарей. Поддерживая огнем разведроту... по захвату контрольного пленного, умело организовал управление артогнем, в результате чего задание было выполнено. Разведрота потерь не имела. В боях за деревню Степановка 22.07.43 г. при налете вражеской авиации на совершивший марш дивизион, проявил находчивость, быстро рассредоточил материальную часть, личный и конский состав в укрытие – блиндажи противника и несмотря на интенсивную бомбардировку дивизион имел потери только 3 чел. раненых, выявив проходы через минные поля дивизион первым и без потерь переправился через реку Неручь и своевременно открыл арт-огонь по сопротивляющемуся противнику, обеспечив овладение пехотой д.1-й Степановский и Хоружевский Орловской обл.

В районе дер. Нахлестово 23.07.43 г. было своевременно обнаружено скопление для контратаки пехоты противника, сосредоточенным огнем дивизиона контратака была сорвана, при этом уничтожено до 150 солдат и офицеров противника.

В боях за дер. Змеево Орловской обл. 27, 28 и 29.07.43 г. им был выдвинут ПНП (передовой наблюдательный пункт – прим. авт.) впереди пехоты в разбитой церкви, в результате было уничтожено 75 мм пушка, стоявшая на прямой наводке, 2 автомашины, 12 лошадей, 2 пулемета и до 25 солдат противника. Замечено скопление и своевременно открыт огонь по самоходным орудиям противника в д.Реутово, в результате последние были рассеяны и повернули обратно.

Дивизион за период наступления продвинулся с боями около 100 км. Не имея потерь средств тяги и матчасти с незначительными потерями в личном составе».

Капитан Гумеров награжден орденом Красной Звезды. Приказ 48 армии от 14.09.1943 г.⁴

⁴ ЦАМО. Ф.33. Оп.793756. Д.42. № записи 1500288816.

«При прорыве вражеской обороны в районе д.Гронды Острув-Мазовецкого уезда Белостокского воеводства, находясь на наблюдательном пункте, под обстрелами противника умело управлял огнем своего дивизиона. Благодаря хорошо проведенной в дивизионе разведки, бесперебойной работы связи и точной привязки и засечки целей во время прорыва 3.09.44 года дивизион отлично справился с поставленной перед ним задачей и уничтожил 9 пулеметных точек противника, подавил огонь 1 артиллерийской и 1 минометной батареи и истребил до 25 немецких солдат и офицеров. Вражеская линия обороны была успешно прорвана нашими войсками с малыми потерями в личном составе.

4.09.44 г. во время прорыва котратаки противника силою 39 танков и до роты пехоты в районе д.Качки Острув-Мазовецкого уезда Белостокского воеводства, когда в тяжелом положении оказался 1 дивизион, быстро выбросил свой наблюдательный пункт вперед, с таким расчетом, чтобы видеть поле боя и открыл огонь одной батареей по контратакующему противнику.

Находясь под обстрелами из танков, а также крупными вражескими налетами из артиллерии, вел точный огонь по пехоте с закрытой позиции и, умело корректируя его, уничтожил до 45 немецких солдат и офицеров и разбил 1 автомашину, подвозившую боеприпасы к танкам, чем способствовал отражению вражеской контратаки... Достоин правительственной награды – ордена “Отечественная война 2 степени”». Приказ издан 28.09.1944 г. Военным Советом 48 армии Белорусского фронта⁵.

«В наступательных боях в районе д.Мюлен, что юго-западнее г.Хохенштайн (Восточная Пруссия) противник оказал упорное сопротивление нашим частям. Тов. Гумеров быстро развернул орудия своего дивизиона. Открыл огонь по врагу... и обеспечил тем самым выполнение стрелковыми подразделениями своей задачи.

В районе д.Тидмансдорф, что южнее г.Браунсберг 12 км. (Восточная Пруссия) 26.01.45 года противник предпринял контратаку.

Тов. Гумеров, находясь непосредственно у орудий прямой наводки, сам организовал отражение контратаки, причем было уничтожено 4 крупнокалиберных пулеметных установки, 4 миномета, орудий разных калибров – 9, повозок 18, лошадей – 40, сожжено 3 и

⁵ ЦАМО. Ф.33. Оп.690155. Д.3296. № записи 34654361.

подбит 1 бронетранспортер и истреблено 70 чел. Немецкой пехоты. Вражеская котратака была отбита. Тов. Гумеров в этом бою был тяжело ранен. Тов. Гумеров достоин правительственной награды – Ордена Красного Знамени». Приказ издан 22.02.1945 г. Военным Советом 48 армии II Белорусского фронта⁶.

Почти во всех наградных документах, указываются высокие организаторские качества Мазита Гумерова, умевшего планировать операции, поддерживавшего крепкую дисциплину, державшего в полном порядке вверенную ему часть. Как тут не вспомнить Мукмина Хозясеитова, искусно ворочавшего делами в общероссийском масштабе. Или его деда Назира Хозясеитова, еще в конце XVIII столетия, организовавшего в татарском ауле современное мануфактурное производство.

Среди десятков мужественных солдат Второй мировой, выходцев из Нижней Уры можно особо упомянуть Гумера Садыкова, ушедшего на воинскую службу в 1937 году. Во время войны – старшина, заряжающий 1 танкового батальона 219 танковой Кременчугской Краснознаменной ордена Кутузова бригады. Воевал на Сталинградском фронте с октября 1942 по март 1943 года. На 1 Белорусском фронте с 20.10.1944 г. Награжден медалью «За оборону Сталинграда» 22.12.1943 г.

«Старшина Садыков, участвуя в боевых операциях на 1-м Белорусском фронте, показал себя смелым, устойчивым и умелым в боях танкистом. Тов. Садыков своевременно и строго передавал все команды командира и одновременно принимал их с точным исполнением. В боях на подступах к городу Берлину, за местечко Вейзенсе, гор.Барнау они первые с роты врывались в оборону противника, уничтожая технику и живую силу противника. В составе экипажа с 21.04.45 г. по 24.04.1945 года уничтожены: 1 танк Т-4, 1 самоходное орудие, 2 пто с расчетами, 1 автомашина с войсковым грузом и уничтожено 27 немецких солдат и офицеров. Тов. Садыков из личного оружия уничтожил 5 немецких солдат». За этот подвиг он был награжден Орденом Славы 3 степени.

«При овладении городом Кенигсбергом 5.02.45 г. и населенным пунктом «Грабов» 6.02.45 г. – танк был подбит, силами экипажа был восстановлен и продолжал выполнять поставленную задачу, где

⁶ ЦАМО. Ф.33. Оп.90306. Д.3110. № записи 44361446.

уничтожил: 4 пушки с прислугой, 3 автомашины с боеприпасами, 8 гранатометчиков «Фауст» и до 40 немецких солдат и офицеров, чем обеспечил успешное выполнение боевой задачи части». Награжден Орденом Отечественной войны 2 степени⁷.

Такие примеры можно перечислять долго. Все, кто вернулся домой и все, кто пал смертью храбрых на полях сражений с честью продолжили священное дело своих предков – защищать и хранить свое Отечество. Княжеская татарская сабля, протянутая легендарными беками и мурзами сквозь столетия, оказалась в надежных руках их далеких правнуков.

Дух воителя и государственника Кара бека – бессмертен. Поэтому величие, гордость и сила древней деревни все настойчивей прорывается сквозь завесу забвения. Вновь возвышается над аулом стройный минарет, возводятся крепкие дома, возрождаются дедовские традиции, бережно хранятся могилы предков. На весь татарский мир звучит голос журналиста Ильфата Файзрахманова – потомка князя Хозясеита, смело и честно радеющего о своем народе.

Значит, история продолжается, значит, будут новые сюжеты, достойные пера летописца. Этой светлой надеждой всегда жила и будет жить моя родная земля.

⁷ ЦАМО. Ф.33. Оп.686196. Д.4462. № записи 28714219.

Послесловие

Богатая и многоплановая история деревни Нижняя Ура, конечно же, не исчерпывается проведенным исследованием. Есть еще множество неизученных аспектов, пресловутых «белых пятен», обусловленных, прежде всего, фрагментарностью документальной базы. Это характерно для всех населенных пунктов Татарстана, чье прошлое, даже после очень тщательных изысканий, продолжает хранить множество загадок. Но поиск продолжается, и впереди, несомненно, всех нас ждут новые открытия.

Книга посвящена дореволюционной истории села, богатой выдающимися свершениями, но, к сожалению, оставшейся за пределами памяти и знаний нынешних поколений. И здесь никак не обойтись без второй, следующей части, которая расскажет о советской и современной «биографии» Нижней Уры. Без этого не удастся восстановить преемственность поколений, что, по большому счету, является главной задачей исследователя российской деревни.

История умеет подсказывать и советовать. Уже сегодня жители Нижней Уры могут восстановить утраченные родственные связи, попытаться возродить традиционные промыслы родного села, принесшие когда-то их предкам целые состояния. Они способны пробудить, издревле присущие арским князьям, энергию предпринимательской инициативы, стремление к великим целям, чувство беззаветной любви к своей родине и вере отцов.

В идеале необходим джиен потомков Кара бека, объединяющий кровных родичей из Нижней Уры, Карино (Удмуртия), Верхней Ошмы (Мамадышский район РТ), большинства татарских деревень Агрызского района РТ, других населенных пунктов нашей страны. А из малого – реконструировать такие Мукмина Хозясеитова на местном зирате, чтобы можно было прочесть дога на могиле человека, прославившего свой аул в масштабах Российской империи.

В заключение хочу выразить искреннюю признательность Айдару Ногманову, Халиде Багаутдиновой, Олегу Владимирову, Лилие Габдрафиковой, Джадату Магсумову, всем моим коллегам, оказавшим помощь при подготовке данного издания. Отдельные слова благодарности молодому, талантливому ученому Айдару Гайнутдинову, с энтузиазмом изучающему рукописное и эпиграфическое наследие нашего народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

Ф.1209 – Поместный приказ, Вотчинная коллегия, Вотчинный департамент.

Ф.350 – Ландратские книги и ревизские сказки.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

Ф.1151 – Департамент гражданских и духовных дел Государственного совета.

Ф.1263 – Комитет министров (1802–1906).

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф.1 – Канцелярия Казанского губернатора

Ф.2 – Казанское губернское правление

Ф.3 – Казанская Казенная палата

Ф.26 – Казанский городской магистрат

Ф.42 – Казанский окружной суд

Ф.98 – Казанская городская управа

Ф.199 – Казанское губернское жандармское управление

Ф.1153 – Фабричный инспектор Казанской губернии

Ф.Р–2767 – Атнинский райисполком

Государственный архив Республики Марий-Эл (ГАРМЭ)

Ф.43 – Царевококшайский городской сиротский суд Казанской губернии.

Ф.58 – Царевококшайский нижний земский суд Казанской губернии.

Ф.150 – Царевококшайский уездный суд Казанской губернии.

Ф.165 – Царевококшайское духовное правление Казанской епархии Казанской губернии

Ф.305 – Коллекция метрических книг церквей Царевококшайского, Козьмодемьянского, Уржумского и Яранского уездов Казанской губернии.

Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ)

Ф.И–295 – Оренбургское магометанское духовное собрание.

Государственный архив Оренбургской области (ГАОО)

Ф.6 – Канцелярия Оренбургского генерал-губернатора.

Архив сельсовета деревни Сюрда Арского района РТ

Түбән Оры (рукописное краеведческое исследование).

Опубликованные источники

Марджани о татарской элите (1789–1889). – М.: Изд. дом Марджани, 2009.

Материалы для сравнительной оценки земельных угодий в уездах Казанской губернии. Выпуск V. Уезд Царевококшайский. – Казань, тип. Г.М.Вечеслова, 1887.

Статистическое описание Царевококшайского уезда. – Казань, 1857.

Писцовая книга Казанского уезда 1647–1656 годов. Публикация текста. – М.: Институт истории РАН, 2001.

Юнусов Габделькарим. Из жизни купцов-меценатов Юнусовых // Казань. – 1997. – №10–11. – С.92–134.

На татарском языке

Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. – Казан, 1995.

Әхмәтжанов М.И. Татар шәжәрәләре. Беренче том. – Казан, 2011.

Мәржани Ш. Мөстәфәдель-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. – Казан, 1989.

Оры бәйете // Милли-мәдәни мирасыбыз. Мари Эл татарлары. Бәрәнҗе. – Казан, 2012. – Б.66–68.

Татар халык иҗагы. Бәетләр. – Казан, 1983.

Фәхреддин Р. Асар. 1 том. – Казан, 2006.

Фәхреддин Р. Асар. 2 том. – Казан, 2009.

Фәхреддин Р. Асар. 3 һәм 4 томнар. – Казан: Рухият, 2010.

Периодическая печать

Казанские губернские ведомости. – 1838, 1852.

Казанские известия. – 1817.

Литература

История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации. XIX – начало XX в. – Казань, 2013.

Исхаков Д. М. Арские князья и нукратские татары (Историко-этнографические сведения, генеалогия, клановая принадлежность, место в социально-политической структуре Казанского ханства и Русского государства). – Казань, 2010.

Кореева Н. А. Торгово-промышленная деятельность татарского предпринимательства Казанской губернии в первой половине XIX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2014.

Надырова Х. Г. Принципы организации застройки городов Казанского ханства // Известия КГАСУ. – 2012. – №2. – С. 31–33.

Хакимов Р. С. Историческая этнология: парадигма и инструментарий. – Казань, 2012.

Халиков Н. А. Традиционное хозяйство // Татары. – М.: «Наука», 2001. – С. 162–193.

Хасанов Х. Х. Формирование татарской буржуазной нации. – Казань: Татарское книжное издательство, 1977.

Хисамутдинов Г. М. Общественные отношения // Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: «Наука», 1967. – С. 221–222.

Шамсутов Р. Забытые тексты татарских шамаилей // Восточная коллекция. – 2002. – №4. – С. 34–35.

На татарском языке

Гарипова Ф. Г. Авыллар һәм калалар тарихыннан. – Казан, 1997. – 367 б.

Гобәйдуллин Г. Тарихи сәхифәләр ачылганда. Сайланма хезмәтләр. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.

Әхмәтжанов М. И. Нугай Урдасы: татар халкының тарихи мирасы. – Казан: Магариф, 2002.

Хаков Б. Су вакыйгасы // Татарстан яшьләре. – 2010. – 2 декабрь. – №66.

Список сокращений

- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
ГАРМЭ – Государственный архив Республики Марий-Эл
ГАОО – Государственный архив Оренбургской области
КГАСУ – Казанский государственный архитектурно-строитель-
ный университет
НА РТ – Национальный архив Республики Татарстан
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
ОМДС – Оренбургское магометанское духовное собрание
РАН – Российская академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
ЦАМО – Центральный архив Министерства обороны Россий-
ской Федерации
ЦИА РБ – Центральный исторический архив Республики Баш-
кортостан

Салихов Радик Римович

**Служилая Ура:
рождение татарского капитализма**

Научное издание

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева*
Подписано в печать 22.12.2015 г. Формат 60×84 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 17,5 Тираж 200 экз.

Отпечатано в множительном центре
Института истории АН РТ
г. Казань, Кремль, подъезд 5
Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

Сайт
Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф